UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00018521 5

PG
46
I55

inskiĭ, Grigoriĭ
dreevich
nekotorykh arkhaizmakh i
oobrazovaniiakh

О НѢКОТОРЫХЪ АРХАИЗМАХЪ И НОВООБРАЗОВАНІЯХЪ ПРАСЛАВЯНСКАГО ЯЗЫКА.

45

МОРФОЛОГИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ

Г. А. ИЛЬИНСКАГО.

ПРАГА.
ТИПОГРАФІЯ Др. ЭД. ГРЕГРА. — СОБСТВЕННОЕ ИЗДАНІЕ.
1902.

LIBRARY
JUL 28 1970
UNIVERSITY OF TORONTO

LIBRARY
JUL 28 1970
UNIVERSITY OF TORONTO

PG
46
I55

ПАМЯТИ МОЕГО ОТЦА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемые этюды не имѣютъ задачи всесторонне изслѣдовать какое — нибудь крупное, многосложное явленіе славянскихъ языковъ; ихъ цѣль гораздо скромнѣе — анализъ нѣкоторыхъ **отдѣльныхъ** *и, на первый взглядъ, второстепенныхъ формъ общеславянскаго языка.*

Такой характеръ содержанія книги вызванъ исключительно-субъективными соображеніями. Выступая два года назадъ на тернистый и отвѣтственный путь самостоятельнаго научнаго изслѣдованія, мы не хотѣли и не могли сдѣлать предметомъ нашего изученія явленія **сложнаго** *т. е. такого, которое представляетъ конгломератъ цѣлаго ряда другихъ столь же крупныхъ и сложныхъ по своему происхожденію и значенію явленій и факторовъ. Вѣдь такое изслѣдованіе требуетъ кромѣ вполнѣ выработаннаго лингвистическаго міросозерцанія и обширныхъ всесторонныхъ знаній, и филигранно-тонкихъ методовъ. На все это авторъ, какъ начинающій, не могъ претендовать. Поэтому, сначала изъ чисто автопедагогическихъ цѣлей онъ обратился къ изученію такихъ явленій славянскихъ языковъ, которыя, будучи одиноки и исключительны по своей природѣ, уже вслѣдствіе этого одного, были болѣе доступны непосредственному анализу. Таковы были, напр., старославянскій оборотъ* **не прѣлюбы дѣяти,** *категорія именъ на -t, форма род. пад.* **чьсо**

и т. д. Ихъ совершенно изолированное въ славянскихъ языкахъ положеніе освобождало насъ отъ необходимости разграниченія отъ связанныхъ съ ними иногда даже неродственныхъ явленій (что въ изслѣдованіяхъ болѣе общаго характера бываетъ едва-ли не самой главной трудностью), но позволяло намъ прямо приступить къ рѣшенію главнаго вопроса исторической лингвистики: представляетъ-ли данная форма новообразованіе славянскихъ языковъ, или архаизмъ? Рѣшая этотъ вопросъ при помощи славянской сравнительной грамматики, мы приходили къ выводамъ, которые повидимому показывали, что изслѣдуемыя формы представляли только мнимыя исключенія въ ряду другихъ: въ дѣйствительности, каждая изъ нихъ являлась лишь звеномъ когда — то цѣльной, но теперь разорванной цѣпи однородныхъ явленій. Мало того въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже бывало возможно указать и на другія сосѣднія звенья, сохранившія свое употребленіе донынѣ, хотя и въ другомъ видѣ и для другихъ цѣлей. Такъ, оправдывались извѣстныя слова Гёте:

Alle Gestalten sind ähnlich und keine gleichet der andern,
Und so deutet das Chor auf ein geheimes Gesetz.

Предлагая эти выводы на провѣрку спеціалистовъ, мы, конечно, далеки отъ мысли считать нашу аргументацію убѣдительной во всѣхъ отношеніяхъ. Но въ научной литературѣ, какъ и во всякой другой большой лабораторіи, и неудачные и несовершенные опыты бываютъ порой необходимы хотя бы только какъ ступень болѣе удачныхъ и совершенныхъ.

Не всѣ предлагаемые этюды являются новостью въ литературѣ. Нѣкоторые изъ нихъ уже были напечатаны въ изданіяхъ »Живая Старина« (1900 г., N3 этюдъ I.), въ Извѣстіяхъ отд. русс. яз. и слов. Имп. Ак. Н.« (1901, N2 этюдъ V.), въ »Сборникѣ Галицко-

русской Мат.« (1901, N1 этюдъ VI.) и др. Присоединяя эти этюды къ написаннымъ въ Прагѣ, мы, конечно, сдѣлали въ нихъ рядъ измѣненій, исправленій и дополненій. Переработка прежнихъ этюдовъ и составленіе новыхъ совершались въ Прагѣ, и сравнительно-скорымъ ихъ окончаніемъ мы обязаны широкому содѣйствію въ нашихъ занятіяхъ библіотекаря Музея Чешскаго Королевства А. О. Патеры и его помощника д-а проф. Ч. Зибрта. За эту помощь на родной чужбинѣ мы и приносимъ имъ нашу глубокую благодарность. Не можемъ не вспомнить здѣсь съ признательностью и нашего учителя ак. В. И. Ламанскаго, которому мы обязаны, между прочимъ темой нашего перваго самостоятельнаго изслѣдованія, а также профессоровъ И. А. Лаврова и И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ за ихъ содѣйствіе въ нашемъ заграничномъ путешествіи, столь облегчившемъ составленіе нижеслѣдующихъ этюдовъ.

ПРАГА, 27. января 1902.

Авторъ.

ЭТЮДЪ ПЕРВЫЙ.

ОБЪ ОДНОМЪ СТАРОСЛАВЯНСКОМЪ ОБОРОТѢ СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ СОВРЕМЕННЫХЪ СЛАВЯНСКИХЪ НАРѢЧІЙ.

Загадочный характеръ оборота **любы дѣяти**. — *Склонность славянскихъ языковъ къ замѣнѣ именительнаго п. винительнымъ.* — *Гипотезы Миклошича, Гейтлера, Ягича, Бруманна и Брандта.* — *Доказательства существованія въ общеславянскомъ языкѣ слова* **любъ**. — *Вопросъ о его первоначальномъ значеніи.*

Употребленіе именительнаго падежа вмѣсто винительнаго въ выраженіяхъ **любы дѣяти**, **творити**, **сътворити** (греч. *μοιχεύειν*, лат. adulterum esse) представляетъ въ синтаксическомъ значеніи явленіе крайне загадочное. Встрѣчаясь только въ этомъ оборотѣ почти во всѣхъ древнѣйшихъ старославянскихъ памятникахъ, онъ находится въ рѣзкомъ противорѣчіи съ извѣстной наклонностью славянскихъ языковъ замѣнять въ категоріи основъ на согласную *-v* не винительный падежъ именительнымъ, а, наоборотъ, именительный — винительнымъ. Такъ, исключая случаи, гдѣ основы на согласную *-v* перешли въ склоненіе основъ на *-a*, въ русскомъ языкѣ мы постоянно имѣемъ въ именительномъ падежѣ *любовь*, *церковь*, и т. д., въ польскомъ *bukiew*, *cerkiew*, въ верхнелужицкомъ *cyrkej*, *krej*, въ нижнелужицкомъ *cerkvej*, *kšej*, въ чешскомъ *cirkev*, *krev*, въ словинскомъ *cîrkev*, *krv*, въ сербохорватскомъ *љубав*, *кр̑в*, наконецъ, въ болгарскомъ *любо́въ*, *кръвь*. Правда, въ нѣкоторыхъ говорахъ русскаго языка встрѣчаются образованія на *-ы*, напр. *свекры*, *) но это слово только пови-

*) Vetter, Zur Geschichte der nominalen Declination im Russischen. Leipzig 1883. S. 67.

димому принимаетъ функцію винительнаго п., такъ какъ на самомъ дѣлѣ представляетъ одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ т. н. *nominativus cum infinitivo*, оборота, извѣстнаго и древнерусскимъ памятникамъ. Нерѣдкая въ болгарскомъ и сербскомъ языкахъ форма винительнаго падежа ед. ч. *льуби*, *луби*, обозначающая »возлюбленную«, »любовницу«, а въ словенскомъ форма *kri* (»кровь«) не противорѣчатъ указанной наклонности уже потому, что представляютъ *несклоняемыя* образованія. Миклошичъ въ своей Vergl. Gr.*) цитируетъ, напр., изъ »Османа« Гундулича три примѣра употребленія *ljubi* въ значеніи именительнаго падежа ед. ч., три — въ значеніи родительнаго ед., одинъ — въ значеніи винительнаго ед., одинъ въ значеніи мѣстнаго п. ед., два — въ значеніи творительнаго ед., два — въ значеніи именительнаго множ. ч. и два — въ значеніи винительнаго множ. Подобныя же несклоняемыя формы слова *kri* тотъ же ученый указалъ въ сочиненіяхъ Трубера и Богорича,**) а г. Фр. Курелацъ такую же форму *kami* въ стихотвореніяхъ Ветранича, Лучича, Налешковича, Дивковича, Пальмотича и Газаровича.***)

Итакъ, всѣ живыя славянскія нарѣчія замѣняютъ именительный пад. основъ на *-v* винительнымъ. Этотъ фактъ, самъ по себѣ, еще не исключаетъ возможности, чтобы старославянскій языкъ поступалъ въ извѣстныхъ случаяхъ и обратно, если бы и въ его памятникахъ не попадались совершенно аналогичные случаи. Уже въ древнѣйшихъ среднеболгарскихъ рукописяхъ, являющихся органическимъ продолженіемъ старославянскихъ, довольно часты формы именительнаго падежа вродѣ **любовъ** въ Слѣпченскомъ апостолѣ XII. в., **цръковь** въ Струмицкомъ Октоихѣ XIII. в., **любовь** въ Македонскомъ апостолѣ XIII. в., **цръковь** въ Берлинскомъ Сборникѣ XIII. в., и мн. др. †) Подобныя же явленія извѣстны и старославянскимъ памятникамъ. Не говоря уже о формахъ именительнаго падежа основъ на *-n* вродѣ **камень**, **корень**, встрѣчающихся, кромѣ Супрасльской рукописи, рѣшительно во всѣхъ старославянскихъ рукописяхъ ††), яркимъ дока-

---

*) B. III², S. 242.

**) Тамъ же, S. 141.

***) Stariji oblici samostavni. Rad, knj. XX. (1872), str. 145—146.

†) Kalina, Studyja, t. II., str. 432.

††) Именно, форма **камень** семь разъ встрѣчается въ Зографскомъ Евангеліи, четыре — въ Ассемановомъ, одинъ — Маріинскомъ, одинъ —

зательствомъ исконнаго вліянія въ нашей категоріи винительнаго пад. на именительный служитъ форма **кръвь**, вытѣснившая форму именительнаго ***кры**, о которой мы знаемъ только изъ полабскаго, польскаго и словинскаго языковъ, едва-ли еще не въ эпоху Кирилла и Меѳодія. Правда, процессъ вытѣсненія формы именительнаго пад. винительнымъ, повидимому, не коснулся другихъ словъ той же категоріи; но что и здѣсь первый падежъ не остался совершенно безъ вліянія второго, доказываетъ такое образованіе, какъ **смокви**, встрѣчающееся въ Супрасльской рукописи и представляющее своеобразную контаминацію именительнаго падежа съ винительнымъ.*) Послѣдній фактъ особенно драгоцѣненъ въ томъ отношеніи, что онъ ослабляетъ значеніе формъ именительнаго п. **камы** и **пламы**, тринадцать разъ употребленныхъ въ Супрасльской рукоп. въ функціи винительнаго падежа.**) Такъ какъ во всѣхъ другихъ болѣе древнихъ памятникахъ именительный и винительный пп. находятся какъ разъ въ обратномъ отношеніи, и такъ какъ, съ другой стороны, именно только Супрасльская рукоп. не употребляетъ формы **любы** въ значеніи винительнаго п., — то очевидно, что употребленіе **камы** и **пламы** въ этой функціи обязано въ послѣднемъ памятникѣ какимъ-то особымъ *діалектическимъ* условіямъ, анализъ которыхъ отвлекъ бы насъ здѣсь въ сторону.

Составляя странную аномалію въ ряду другихъ формъ винительнаго п. основъ на *-v*, форма **любы** противорѣчитъ вмѣстѣ съ тѣмъ общей тенденціи славянскихъ языковъ передавать синтаксическія функціи именительнаго п. винительному, — тенденціи, весьма опредѣленно проявившейся (какъ показано Лескинымъ въ его знаменитомъ „Declination") еще въ эпоху общеславянскую.

Уже одного *этого* факта вполнѣ достаточно, чтобы возбудить подозрѣніе въ правильности обычнаго объясненія формъ **любы**, **прѣлюбы** въ нашемъ оборотѣ какъ именительныхъ пп. отъ

въ Клоцовомъ, четыре — въ Супрасльской рукоп. и одинъ — въ Саввиномъ ев.; форма **корень** однажды употреблена въ Клоцовомъ Сб. и трижды въ Супрасльской ркп. (Scholvin, Beiträge zur Declination in den pannonisch-slovenischen Denkmälern, Archiv, B. II. S. 521-522).

*) Scholvin, тамъ же, S. 514. Подобные же примѣры замѣчены Миклошичемъ въ среднеболгарскихъ памятникахъ (Vrg. Gr. III² S. 39) и ак. Соболевскимъ — въ русскихъ (лекціи ², стр. 177).

**) Scholvin, тамъ же, 528. Leskien Handbuch⁶, S. 60.

основъ на согласную.*) Сомнѣніе это перейдетъ въ увѣренность, какъ только мы примемъ во вниманіе слѣдующіе факты:

Кромѣ винительнаго п. на **-ъкь** и **ы** (въ нашемъ именно случаѣ), основы на *-v* употребляютъ иногда винительный п. на **-ъкє****). Послѣдняя форма, довольно частая въ другихъ случаяхъ, никогда не встрѣчается въ оборотѣ **любы дѣити**. Это явленіе нельзя не признать очень страннымъ, если форма **любы** въ нашемъ выраженіи есть слово того же образованія, какъ, напр., во фразѣ **Богъ любы єсть**.

Во вторыхъ, замѣчательно, что слово **любы**, вступая въ соединеніе съ другими словами, всегда переходитъ при этомъ въ категорію основъ на *-о*: ср. напр. **любодѣиниє, прѣлюбодѣиниє**; напротивъ, другія слова той же категоріи всегда сохраняютъ въ этомъ случаѣ слѣды своего согласнаго происхожденія. Напримѣръ, отъ ***кры** мы имѣемъ множество словъ въ родѣ **кръвосмѣшєниє, кръвопролитиє** и т. п. При предполагаемомъ единствѣ обоихъ образованій, это явленіе, опять-таки, въ высшей степени странно.***)

Въ третьихъ, въ Маріинскомъ Евангеліи дважды (Марк. X, 19 и Луки XVIII, 20) и Ассемановомъ однажды (Мато XIX, 18) вмѣсто **прѣлюбы** въ нашемъ оборотѣ употреблена форма **прѣлюбъ**. Подобнымъ образомъ въ Слѣпченскомъ Апостолѣ XII в. вмѣсто **любы** находимъ **любъ** (во фразѣ **аштє ли жє любъ нє сътвориши** л. 84, стр. 6 сверху). Такъ какъ эти формы встрѣчаются въ совершенно разныхъ памятникахъ и при томъ на совершенно разныхъ мѣстахъ, то ихъ невозможно объяснить опиской, перешедшей изъ оригиналовъ по традиціи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что всѣ эти формы находятся въ какой-то морфологической связи съ **прѣлюбы, любы**, но въ какой, — на этотъ вопросъ популярное объясненіе отвѣта не даетъ, да и дать не можетъ . . .

»Нарушеніе безъ всякой видимой причины строго соблюдаемой въ другихъ случаяхъ разницы между именительнымъ п. (**любы**) и винительнымъ (**любъвь**)« (Ягичъ) заставило нѣкоторыхъ ученыхъ искать болѣе раціональнаго объясненія явленію. Такъ, ак. Ягичъ

---

*) Оно принято и Лескинымъ Handbuch,[3] S. 65 и Вондракомъ Altkirchen-slavische Grammatik, S. 171.

**) Scholvin, S. 522—525; A. Leskien, S. 65.

***) Указаніемъ по этотъ фактъ мы обязаны пр.-доц. И. Л. Лосю, за что и приносимъ ему здѣсь нашу глубокую благодарность.

высказалъ мнѣніе, что любы въ соединеніи съ дѣяти не имѣетъ ничего общаго съ основами на *-v*, но представляетъ или винительный п. мн. ч., или нарѣчіе отъ прилагательнаго любъ (ср. ꙗлы). Самый же оборотъ любы дѣяти знаменитый славистъ считаетъ аналогичнымъ съ извѣстнымъ выраженіемъ ꙗлъ са дѣꙗ.*) Противъ такого объясненія, во первыхъ, можно возразить, что, если бы любы представляло винительный п. отъ прилагательнаго, то послѣднее, конечно, получило бы форму средняго рода мн. ч., а не мужескаго; во вторыхъ, толкованіе любы и какъ нарѣчія не объясняетъ указанныхъ формъ любъ и прѣлюбъ. Гораздо болѣе правдоподобное объясненіе предложилъ Бругманнъ, который видитъ въ окончаніи -ы нашихъ формъ совершенно правильный рефлексъ индоевропейскаго окончанія винительнаго п. согласныхъ основъ *-ūm*.**) Но и эта гипотеза не проливаетъ свѣта на три указанныя особенности употребленія нашихъ формъ въ памятникахъ. То же слѣдуетъ сказать и о болѣе старой гипотезѣ Миклошича, видѣвшаго въ прѣлюбъ слабую ступень формы прѣлюбы, но неприведшаго никакихъ доказательствъ существованія въ старославянскомъ языкѣ именъ м. р. на *-ū*.***) Это мнѣніе совершенно догматически повторилъ и Гейтлеръ.†) Оригинальнѣе посмотрѣлъ на дѣло проф. Р. Ѳ. Брандтъ, пытавшійся объяснить -ъ въ прѣлюбъ какъ приравненіе къ косвеннымъ падежамъ.††) Рядомъ съ этимъ мнѣніемъ онъ высказалъ и другое, — что прѣлюбь вѣроятно представляетъ основу на *-i* (ср. ꙗдь, ꙁълобь). Но авторъ упустилъ изъ виду, что это слово всегда пишется съ ъ, а не съ ь.

Но если любы и прѣлюбы въ соединеніи съ дѣяти не могутъ быть ни винительнымъ падежомъ на согласную основу, ни прилагательнымъ, ни нарѣчіемъ, то нельзя-ли въ нихъ видѣть формы отъ основъ на *-o*? Другими словами, не представляютъ наши формы образованій винительнаго п. мн. отъ существительныхъ *любъ, *прѣлюбъ?

Хотя въ старославянскихъ памятникахъ мы напрасно стали бы искать даже и признаковъ существованія такихъ словъ, тѣмъ не менѣе богатыя данныя лексическаго матерьяла живыхъ сла-

---

*) Маріинское ев. Спб. 1883, стр. 438.

**) Grundriss, II. S. 550.

***) Vergl. Gr. II. S. 60.

†) O slovanských kmenech na *U* od dra L. Geitlera. V Praze 1877, str. 37.

††) Грамматическія замѣтки, I. стр. 68.

вянскихъ языковъ указываютъ на то, что эти имена нѣкогда могли быть извѣстны и старославянскому языку.

Такъ, въ словенскомъ языкѣ довольно употребительно слово *ljûb, -i*, женскаго р., означающее »любовь«. Творительный п. мн. ч. этого слова *ljubmi* встрѣчается и въ формѣ нарѣчія въ значеніи »произвольно«. О древности этого слова не можетъ быть никакого сомнѣнія, такъ какъ оно встрѣчается еще во Фрейзингенскихъ отрывкахъ.*) Правда, слово *ljub* принадлежитъ къ категоріи основъ на *-i*, но что въ словенскомъ языкѣ могло существовать подобное же образованіе и на *-o*,—это доказываетъ слово *poljub* м. р. »поцѣлуй« (Словарь Плетершника). Это существительное образовано отъ глагола *poljubiti* »влюбляться«, »прельщать«, »дать поцѣлуй«. Слово *poljûb*, въ свою очередь, дало начало существительному *poljubek*, м. р., которое сходится отчасти по формѣ, отчасти по значенію съ сербскимъ *пóљубац*. Послѣднее имя предполагаетъ существованіе и въ сербскомъ языкѣ слова *пољуб*, тѣмъ болѣе, что и здѣсь существуетъ глаголъ *пољýбити* »цѣловать«. То же понятіе лежитъ и въ болгарскомъ глаголѣ *полюбамъ*.

Такимъ образомъ, въ южнославянскихъ языкахъ находятся хотя и малочисленныя, но все-таки *положительныя* указанія на то, что въ нихъ нѣкогда существовало слово **lubъ*, склонявшееся по темѣ на *-o* и обозначавшее, вѣроятно, »плотскую« или »чувственную любовь«. Въ послѣднемъ насъ убѣждаетъ тотъ фактъ, что глаголъ **любити**, отъ котораго могло быть образовано существительное **lubъ*, во всѣхъ трехъ языкахъ обозначаетъ, главнымъ образомъ, »цѣловать«, а въ словенскомъ — »нравиться«.

Гораздо меньше указаній даютъ южнославянскіе языки относительно существованія имени **prěljubъ*. Косвеннымъ доказательствомъ его существованія служитъ словенское прилагательное *preljub* »слишкомъ пріятный« (Словарь Плетершника), образованное отъ глагола *preljubiti* „vorziehen“ „zu viel lieben“. Послѣдній глаголъ извѣстенъ и въ сербскомъ языкѣ, гдѣ обозначаетъ не только »чрезмѣрную любовь«, но и, главнымъ образомъ, »незаконную«, »преступную«. Нельзя не сознаться, что это по-

---

*) Frisinské památky, vyd. Vondrák. Index.

слѣднее значеніе гораздо лучше подходитъ къ смыслу старославянскаго оборота прѣлюбы творити, чѣмъ первое. Поэтому Миклошичъ поступаетъ ошибочно, видя въ прѣлюбы вліяніе д. в. н. *ubarhuor* „adulterium“ при *huor* „scortatio“.*)

Весьма опредѣленныя указанія относительно былого существованія слова **lubъ* даютъ и западнославянскіе языки. Если въ словенскомъ и сербскомъ языкахъ это существительное сохранилось только въ сложеніи съ предлогомъ, то въ чешскомъ языкѣ онъ встрѣчается и въ видѣ чистой основы т. е. *какъ въ старославянскомъ*. Именно Коттъ въ своемъ „Slovník“ -ѣ приводитъ драгоцѣнный для насъ примѣръ *lib*, род. п. *libu*, м. р. (изъ *lub*, *luba* м. р.), извлеченный имъ изъ одной рукописи XIV. ст. и обозначающій *milý předmet* т. е. »пріятный, дорогой предметъ«. Въ Historická mluvnice**) проф. Гебауэръ приводитъ то же слово въ значеніи „*miláček*“ т. е. »любимца«: vejdeš v pokoj pána Jezu Krista *luba* sweho (Крумлёвская ркп. XV. в); pyčiž (ty Jěne) se mnú (Marii) meho *lybu* (изъ рукописи XV. в.) Правда, авторъ »Грамматики« считаетъ слово *lub* zpodstatnělým adjektivem (т. е. прилагательнымъ, превратившимся въ существительное), но безъ всякаго основанія. Потомкомъ его служитъ и современное чешское *libek* »*milek*«.

Несравненно чаще употребляется въ чешскомъ языкѣ слово *lib* (т. е. *lub*) въ сочетаніи съ префиксами. Какъ въ сербскомъ и словенскомъ, такъ и въ чешскомъ существуютъ имена *po-lib* и *polibek*, образованныя отъ глагола *polibiti* »цѣловать«. Но особенно часто оно встрѣчается въ видѣ слова *slib*, которое имѣетъ множество значеній при главномъ »обѣтъ«, »обѣщаніе.«

Въ тѣхъ же словахъ, что и въ чешскомъ, слово *lub* продолжаетъ жить и въ польскихъ *polub* и *slub* (при глаголахъ polubić и slubić). Мы не нашли только слова lub, что, впрочемъ, и неудивительно при крайней устарѣлости словаря Линде.

Особенно много словъ, образованныхъ отъ именной основы *lub*, имѣетъ верхнелужицкій языкъ. Изъ нихъ мы приведемъ по словарю Пфуля только *lubc* »Buhle«, *lubčik* „Liebstöckel“, *lubkař* „Liebstenjäger“ при глаголахъ *lubkować* „Liebsten haben“, *prelubkować* „mit Liebsten verbringen“. Какъ въ польскомъ и чешскомъ, такъ и въ верхнелужицкомъ языкѣ есть слово *slub*, происшедшее изъ **sъlubъ*.

*) Vergl. Gr. II., S. 363.
**) Díl II., č. 1, str. 281.

Меньше всего указаній относительно слова **lubъ* даетъ, какъ это ни покажется страннымъ на первый взглядъ, русскій языкъ. Въ словарѣ Даля мы могли найти только нарѣчіе *слюбомъ*, *шлюбомъ*, которое тождественно по образованію съ чешскимъ *slib* и польскимъ *slub*. Этотъ недостатокъ за то съ избыткомъ вознаграждается малорусскимъ языкомъ, въ которомъ находимъ такіе замѣчательные примѣры, какъ *любецъ* »милый«, »возлюбленный«, *перелюбецъ* »прѣлюбодѣй«, *перелюбниця* »прѣлюбодѣйка«, *перелюбство* »нарушеніе супружеской вѣрности«, *любати* »любить« и т. д. (Малорусско-нѣмецкій словарь Желеховскаго).

Итакъ, во всѣхъ живыхъ славянскихъ языкахъ находятся болѣе или менѣе ясныя указанія на то, что въ общеславянскомъ языкѣ нѣкогда существовали имена *ljubъ*, *luba*, м. р. и *prěljubъ*, *prěljuba* м. р. Весьма возможно, что именно эти слова сохранились въ старославянскомъ оборотѣ **любы**, (**прѣлюбы**) **сътворити**. Какъ формы винительнаго падежа мн. ч., они имѣютъ поэтому лишь случайное сходство съ именительнымъ п. словъ на согласную основу. Если это такъ, то намъ теперь сразу дѣлаются ясными упомянутыя формы **любъ**, **прѣлюбъ**, которыя, очевидно, представляютъ здѣсь винительные падежи отъ забытыхъ существительныхъ **ljubъ*, *prěljubъ*.

Точно также теперь насъ не будетъ удивлять и тотъ фактъ, почему въ нашемъ оборотѣ **любы** никогда не замѣняется словомъ **любъвь**. Если обѣ эти формы были бы формами одного и того же слова, то было бы очень странно, что такіе тонкіе знатоки старославянскаго языка, какими были изобрѣтатели славянской азбуки, употребили одно и то же слово въ такомъ возвышенномъ значеніи, какъ **Богъ любы ѥсть** и, напротивъ, въ такомъ пошломъ, какъ **любы сътворити**. Напротивъ, ларчикъ открывается просто, если предположить, что въ первомъ случаѣ слово **любы** представляло образованіе на согласную и обозначало »идеальную любовь«, а въ второмъ, — образованіе на гласную и значило любовь »плотскую«, »чувственную«.

ЭТЮДЪ ВТОРОЙ.

ОСТАТКИ СКЛОНЕНІЯ ИМЕНЪ НА *-и* СРЕДНЯГО РОДА ВЪ СЛАВЯНСКИХЪ ЯЗЫКАХЪ.

Взаимоотношеніе корней **дрѣво** *и* **дръва**. — *Гипотезы Добровскаго, Шлейхера, Миклошича, Бругманна, Флайшганса и Гебауэра. — Критика ихъ. — Что говорятъ данныя сравнительнаго языкознанія? — Невозможность полнаго совпаденія формъ именъ средняго рода на -и съ формами мужескаго. — Индоевропейскій прототипъ славянскаго* **дръва**. — *Этимологіи* **одръ** *и* **ѥдръ**. — *Изъ дальнѣйшей судьбы формы* **дръва** *въ славянскихъ языкахъ. — Отношеніе корня *dru къ *deru.*

Въ славянскихъ языкахъ наблюдается очень любопытное чередованіе двухъ, несомнѣнно родственныхъ, корней: **dervo* и *°drŭvo*. Первый мы видимъ, напр., въ старославянскомъ **дрѣво**, сербскомъ *дрїјево*, словенскомъ *drěvo*, чешскомъ *drěvo*, *dřevce*, польскомъ *drzewo*, *drzewce*, верхнелужицкомъ *dřevo*, русскомъ *дерево*, второй представленъ старославянскимъ **дръва** „lignum“, болгарскимъ *дръво* „arbor“ и *дръва* „lignum“, сербскимъ *дрво* „arbor“ и *дрва̑* „lignum“, словенскимъ *drva* „lignum“, чешскимъ *drvo* „arbor“ и *drva* „lignum“, польскимъ *drwa* „lignum“, полабскимъ *drâva* и русскимъ *дрова̑*.*) Во этомъ спискѣ читатель сразу замѣтитъ: 1. что, за исключеніемъ трехъ славянскихъ языковъ, второй корень употребляется во всѣхъ только въ множественномъ числѣи 2. что значеніе второго не совсѣмъ совпадаетъ со значе-

---

*) Miklosich, Et. Wörterb., S. 42—43.

ніемъ перваго: одинъ обозначаетъ »дерево« въ смыслѣ »растенія«, другой »дерево« въ его болѣе обработанномъ видѣ.

Попытки разобраться во взаимномъ отношеніи обоихъ корней начинаются съ первыхъ временъ славянскаго языкознанія. Еще великій основатель славистики, Добровскій, различалъ происхожденіе *dervo и *drva, хотя и не совсѣмъ ясно для себя*). Болѣе опредѣленно взглянулъ на дѣло Шлейхеръ, возводившій ѣ въ словѣ дрѣво къ первоначальному -u (!)**). Только у геніальнаго систематика нашей науки, Миклошича находимъ впервые правильную постановку вопроса: оба корня онъ считалъ самостоятельными въ отношеніи другъ къ другу, какъ это можно заключить изъ того, что въ своей »Сравнительной Грамматикѣ« онъ разсматриваетъ слово дръва не подъ условной формулой *tert* или *trъt*, а въ параграфѣ, посвященномъ измѣненіямъ гласной -u***). Также строго различаетъ оба корня и Бругманнъ, возводящій *dervo къ индоевропейскому корню *der-u*, а *drvo* къ корню *dr-u*†). Иной корень для послѣдняго слова предполагаетъ г. Флайшгансъ, по мнѣнію котораго славянское *drъvo* восходитъ къ индоевропейскому корню *drū*††). Въ доказательство существованія такого корня проф. Гебауэромъ приводится греч. *δρῦς*†††).

Какъ ни краснорѣчивы эти сопоставленія, врядъ-ли, однако, современный лингвистъ можетъ удовлетвориться ими. Въ самомъ дѣлѣ, если, по теоріи Миклошича-Бругманна, общеславянское *drъva восходитъ къ индоевропейскому корню *dr-u*, то непонятно, откуда могло явиться въ немъ ъ: вѣдь, по законамъ славянской фонетики, -u передъ гласной могло разложиться *только* въ -v, и потому на мѣстѣ *dru-a* мы ожидали бы не дръва, съ *дрва. Отъ этого возраженія безопасна теорія Флайшганса-Гебауэра, но за то она заставляетъ предположить существо-

---

*) Дрѣво и дрѣво arbor, collect. дрѣвїе n. arbores дрва, drova plur. ligna, дрѣвоколь fustis, compositum дрѣво и коль (Institutiones, Ed. sec. Vindobonae MDCCCLII. p. 128.)

**) Scheint es auch hier, wie öfters ѣ als Vertreter eines ursprünglichen *u* zu fassen, was man sich so denken kann, dass aus dem ursprünglichen *u* zunächst *vu* oder *uv* geworden: дръва ligna (= *druva*) und dieses *u* dann durch ѣ wiedergegeben wird (Formenlehre der altkirchenslav. Sprache Bonn 1852, S. 58.).

***) Vergl. Gr. I, S. 142. Ср. также Et. Wört.

†) Brugmann, Grundriss II., 296.

††) Dřevo a drvo. Listy fil. XXI., str. 469.

ваніе въ общеславянскомъ языкѣ именъ средняго рода на -ū, съ чѣмъ, конечно, не согласится ни одинъ лингвистъ. Кромѣ того, она совсѣмъ не объясняетъ, почему *drъvo* въ славянскихъ языкахъ сохранило форму только множественнаго числа, и почему его значеніе отлично отъ значенія имени дрѣво.

Между тѣмъ, всѣ эти затрудненія отпадутъ сами собой, какъ только мы подвергнемъ болѣе внимательному анализу данныя сравнительной грамматики.

Бругманнъ*) приводитъ къ нашимъ корнямъ слѣдующія параллели изъ индоевропейскихъ языковъ:

Санскритское *dār-u* »дерево« (въ значеніи lignum), зендское *dauru* »деревянное копье«, санскритское *dar-v-i-š dar-v-i* »ложка«; санскр. *dr-u* »дерево« (въ смыслѣ lignum), »деревянная посуда«, зендское *dr-u* »дерево« ср. р. »деревянное копье«, греческое *δόρ-υ* »деревянное копье«, »балка«, *δρύτομος* дрѣвосѣкъ, *δρύ-α* ср. р. *δρύες* м. р. „жолуди"; древнекельтское *daur*, новокимврское *derw-en* »дубъ«, готское *triu* ср. р. »дерево« (въ значеніи arbor), наконецъ, литовское *dervà* „Kienholz".

Всматриваясь въ эти параллели, не трудно замѣтить слѣдующее:

1. Что почти *всѣ* эти имена принадлежатъ къ склоненію на *-u;*

2. Что эти имена, большею частью, средняго рода;

3. Что эти имена были извѣстны индоевропейскому языку не только въ множественномъ числѣ, но и въ единственномъ.

Но, какъ извѣстно, имена на *-u* средняго рода въ индоевропейскомъ языкѣ отличались въ множественномъ числѣ отъ единственнаго, имѣя въ первомъ окончаніе *-ū*. Поэтому наша форма должна была бы звучать въ этомъ падежѣ какъ **drū*. Но такъ какъ имена на *-u* средняго рода еще на почвѣ того же индоевропейскаго языка очень рано подверглись вліянію основъ средняго рода на *-o*, заимствовавъ у нихъ окончаніе *-a***), то наше имя могло имѣть и другую форму: **drū-a*. Ср. съ этой формой греческое гомеровское *γοῦνα*, лезбосское *γόννα* изъ *γονϝ-α*, аттическое *ἡδέα*; латинское *genua*, *cornua*, умбрійское

*) Historická mluvnice jazyka českého, str. 63.

**) Тамъ же, стр. 236.

berua (*verua*), *vatuva*, *vatuvu* (*vatuo*); готское *kniva*, древне-верхне-нѣмецкое *kneo*, древне-верхне-нѣмецкое же *fihiu* и т. д*).

По нашему глубокому убѣжденію, славянское **drъva* и восходитъ къ такому именительному падежу множественнаго числа **drū-a*. Докажемъ сначала, что это предположеніе возможно *вообще*.

Обыкновенно изслѣдователи старославянской грамматики утверждаютъ, что склоненіе имéнъ средняго рода на *-u* еще въ общеславянскую эпоху совпало своими окончаніями съ склоненіемъ именъ мужескаго рода той же основы, и что поэтому первое, какъ *особая* категорія, не могла существовать даже въ общеславянскомъ языкѣ. Такъ напр., слово медъ (ср. греческое *μέθυ*, д. в. н. *meto*, лит. *medù-s*) въ индоевропейскую эпоху было, несомнѣнно, средняго рода; въ общеславянскомъ же языкѣ, послѣ того какъ *-u* перешло въ ъ, склоненіе его должно было совпасть со склоненіемъ напр. сынъ; а за этимъ морфологическимъ сліяніемъ должно было послѣдовать и сліяніе родовыхъ функцій.

Это объясненіе, конечно, вѣрно, но далеко не безусловно. Дѣло въ томъ, что обѣ категоріи не могли совпасть въ славянскихъ языкахъ *совершенно*, такъ какъ въ именительномъ падежѣ множественнаго числа каждая имѣла разныя окончанія: имена мужескаго рода имѣли флексію -ове (ср. сынове), имена средняго рода -ы (*меды). Если это такъ, то мы можемъ легко представить себѣ такую (разумѣется, очень раннюю) эпоху общеславянскаго языка, когда различіе обѣихъ категорій еще помнилось, и унаслѣдованная отъ индоевропейскаго языка форма **drū-a* могла легко сохранить свой родъ и значеніе, даже по исчезновеніи формы единственнаго числа. Въ славянскіе языки форма **drūa* должна была перейти въ видѣ **drŭv-a*, что вполнѣ и согласуется со старославянскимъ дръва, сербскимъ *дрва* и т. д.

Насъ могутъ, однако, спросить: почему же славянскіе языки удержали только форму множественнаго числа, форму же единственнаго какъ-будто забыли?

Самый простой отвѣтъ на этотъ вопросъ будетъ заключаться въ слѣдующемъ: форма *дръ роковымъ образомъ должна была исчезнуть изъ употребленія въ слав. языкахъ, какъ только

---

*) Grundriss, II., S. 684—685. Ср. также O. Schrader, Reallexicon der indogermanischen Altertumskunde Strassburg 1901 v. Eiche.

наступилъ законъ отпаденія конечныхъ глухихъ звуковъ. Только въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, гдѣ она была защищена предлогомъ или другимъ словомъ, она могла еще уцѣлѣть.

Такой случай мы и имѣемъ, напр., въ словѣ **одръ**, которое не объяснено въ Et. Wörtb. Миклошича. Въ современныхъ славянскихъ языкахъ слово *одръ* обозначаетъ не столько постель, сколько деревянное возвышеніе. Такъ, въ словенскомъ языкѣ *odr* обозначаетъ »помостъ«, *odrige* »висячую постель« (Hängebett), въ сербскомъ »rankender Weinstock«, въ чешскомъ »столбъ«, »этажъ« и. т. д. Всѣ эти значенія предполагаютъ понятіе »балки«, »столба«, т. е. то самое, которое въ *множественномъ* числѣ содержится въ общеславянскомъ **drъva*. А если такъ, то слово **одръ** должно быть по образованію совершенно аналогично имени **о-стровъ**. Какъ это послѣднее представляетъ соединеніе предлога **о** съ винительнымъ п. имени ***стровъ** (обозначавшаго вѣроятно »струю«), такъ и **о-дръ** представляетъ соединеніе того же предлога съ существительнымъ ***дръ**; и какъ **о-стровъ** обозначалъ вѣроятно »пространство, окруженное водой (т. е., собственно говоря, струей)«, такъ **о-дръ** обозначалъ »пространство, окруженное или, точнѣе говоря, *подпертое* деревомъ.« Все различіе между обоими образованіями при такомъ пониманіи дѣла заключалось бы въ томъ, что окончаніе **островъ** имѣло бы высшую ступень, а **одръ** — низшую. Но послѣднее обстоятельство объясняется легко: имя ***дръ**, вслѣдствіе своей, такъ-сказать, ирраціональности, еще въ общеславянскомъ языкѣ потеряло связь или воспоминаніе о своей прежней связи съ именами на *-u*, и перешло въ систему склоненія на *-o*. Мало того, оно легко могло получить и форму женскаго рода **odra*, которая, можетъ быть, сохранилась въ названіи рѣки *Одра* (Одеръ). Такимъ образомъ, послѣдняя обозначала бы рѣку, »скруженную деревьями«, »окруженную лѣсами«, но эта этимологія была бы вѣрна лишь въ томъ случаѣ, если бы названіе *одра* было славянское, а это еще требуетъ доказательствъ.

Существительное ***дръ**, кромѣ слова **о-дръ**, сохранилось, по нашему мнѣнію, и въ прилагательномъ **ы-дръ** »сильный«, »быстрый«, которое мы возводимъ къ общеиндоевропейскому in-dru. Первый слогъ этого слова представляетъ тотъ же предлогъ *in-, который заключается въ санскритскомъ an-tara, греческом ἔν-τερον, латинскомъ in-ter и славянскомъ **ы-тро**; второй слогъ есть наше имя dru-»дерево«. Отсюда слѣдуетъ, что *in-dru обозначало

вѣроятно то, что находится *внутри* дерева, т. е. его *сердцевину*. А такъ какъ дерево съ хорошей сердцевиной считается обыкновенно и особенно »крѣпкимъ«, »сильнымъ«, то слово ꙗ-дръ и получило значеніе »сильный« (ср. русское *ядрёный*). Но сильный человѣкъ бываетъ обыкновенно и энергичнымъ, быстрымъ, отсюда обясняется и южнославянское значеніе этого слова »скорый« (ср. старосл. ꙗдро-письць = скоро-писецъ). Первоначальное значеніе прилагательнаго ꙗ-дръ сохранилось только въ именительномъ падежѣ средняго рода ꙗ-дро, которое впрочемъ, мы, ощущаемъ какъ самостоятельное существительное. Этимологія его дѣлается теперь вполнѣ ясной: оно означаетъ »сердцевину дерева.“*)

Мы привели только два примѣра сохраненія имени *дръ въ соединеніи съ предлогами; но мы увѣрены, что люди, болѣе насъ знающіе и болѣе насъ опытные, найдутъ ихъ со временемъ гораздо больше.

Какъ бы то ни было, въ качествѣ самостоятельнаго слова, *дръ существовать *не могло*, и этимъ объясняется, почему дръва имѣетъ *только* множественное, собирательное значеніе; оно не результатъ позднѣйшей дифференціаціи значенія, но явленіе вполнѣ исконное . . .

Отсутствіе формы единственнаго числа заставило нѣкоторые славянскіе языки (именно чешскій, сербскій и болгарскій) образовать отъ именительнаго множественнаго числа дръва соотвѣтствующія формы именительнаго единственнаго. Ср. чешское *drvo*, сербское *drvo* и болгарское *дръво*. Что эти формы — новообразованія доказываетъ исторія этихъ языковъ: Флайшгансъ показалъ, что напр. въ чешскомъ языкѣ форма *drvo* восходитъ лишь къ XIII. ст.**) Для сербскаго языка доказательствомъ можетъ служить, кромѣ того, и удареніе: этотъ языкъ имѣетъ въ множественномъ числѣ двѣ формы *дрва* и *дрва̂*. Очевидно, что старославянскому дръва можетъ соотвѣтствовать только послѣдняя форма; первая же есть новообразованіе къ дрво.

---

*) Miklosich (Et. Wört.) сопоставляетъ славянское ꙗдро съ санскр. *aṇda* »яйцо«. По если вед. *daṇda* »палка«, по Bartholomae (Zur *l*-Frage J. F. III., S. 175.), можетъ быть объяснено изъ греч. *δένδρον* то мы не видимъ причины, почему бы и санскр. *aṇda* не могло быть выведено изъ слав. ꙗдро.

**) Тамъ же, стр. 469 и сл. Ср. также Gebauer, Historická mluvnice, II., 1, str. 150 и с.

Наконецъ, замѣтимъ, что малорусское и бѣлорусс. *дрыва, дрива, друва* не имѣютъ ничего общаго съ древнимъ *drū*: *ы* здѣсь вѣроятно представляетъ своеобразный рефлексъ -ъ.

Въ заключеніе, намъ остается сказать нѣсколько словъ объ отношеніи формы **dru* (откуда праслав. *drъva*) къ основѣ **dьrū*, сохранившейся въ малор. *дéрво, дéрва* »сухое дерево*)« и сербск. штокав. *дрȍво* (которое отлично по происхожденію отъ чакавск. *дрвȍ* новообразованія къ *дрвȁ*)**) и къ основѣ **derū-* (въ дрѣво). Вѣроятно всѣ три основы представляютъ правильную градацію индоеврон. корня *°dr-u*, при чемъ послѣдняя есть его средняя ступень (высшая сохранилась въ греч. *δόρυ*), первая — низшая, а вторая — ослабленіе первой.***)

Какъ бы то ни было, несомнѣнно одно: старосл. дръва, какъ именительный падежъ множ. ч. отъ имени *drъ* ср. рода, служитъ косвеннымъ доказательствомъ, что и въ праслав. языкѣ имена на *u* имѣли нѣкогда въ этомъ падежѣ ок. *ū*.

---

*) Верхратскій, Про говоръ долівский Зап. Тов. им. Шевченки вып. XXXV.-XXXVI., стр. 30.

**) Mikkola, Betonung und Quantität in den westslawischen Sprachen, Helsingfors 1899, 66. — Rešetar, Die serbokroatische Betonung südwestlicher Mundarten, Wien 1900, 62—63. Б. Ляпуновъ (Изслѣдованіе о языкѣ синод. сп. 1-ой Новгор. лѣтоп. Спб. 1899, 200—201) ошибочно причисляетъ къ корню **dьru* и русс. *деревня*, въ которомъ правильнѣе вмѣстѣ съ А. Потебней (Къ исторіи звуковъ русс. яз., VI., 18) видѣть основу *дерево*.

***) Примѣромъ низшей ступени можетъ служить греч. *δρυ-μός* и д. в. н. *trog*, примѣромъ ослабленной греч. *δαρύλλος*. (Ср. H. Hirt, Der indogermanische Ablaut. Strassb. 1900, S. 150—151.

ЭТЮДЪ ТРЕТІЙ.

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЯ ИЗЪ ПРИЧАСТІЙ.

Имена съ суффиксомъ -ent какъ славянское новообразованіе, — Гипотеза Бругманна и ея несостоятельность. — Объ образованіи новыхъ категорій вообще. — Какъ склонялись первоначально причастія отъ глаголовъ на **-нти**? — *Парадигмы прич,* **тела**. — *О возможности превращенія причастій въ имена вообще. — Значеніе именъ на* **-т**. — *Нѣсколько этимологій. — Вліяніе аналогіи. — Происхожденіе существительныхъ съ суффиксомъ* **-ишть**. — *Уменьшительный суффиксъ -ут. — Философско-лингвистическое значеніе явленія.*

Въ числѣ различныхъ именъ на согласную основу имена на *-t* занимаютъ въ славянскихъ языкахъ исключительное положеніе: въ то время какъ ко всѣмъ другимъ ихъ товарищамъ можно подыскать въ индоевропейскихъ языкахъ болѣе или менѣе точныя соотвѣтствія, они одни не имѣютъ въ послѣднихъ никакихъ близкихъ или дальнихъ родственниковъ. Это обстоятельство указываетъ на то, что склоненіе основъ на *-t* не было унаслѣдовано общеславянскимъ языкомъ изъ индоевропейскаго, но было имъ создано, такъ сказать, на собственный счетъ и собственныя средства. Спрашивается, какимъ же способомъ оно было образовано?

Бругманнъ такъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ: славянскія имена на *-t* представляли первоначально нарѣчія съ суффиксомъ *en-tos*. Какъ показываютъ санскритское *nāmatas* и греческое *ὀνόματος*, эти нарѣчія, совпавъ въ своемъ значеніи съ от-

ложительнымъ падежомъ, смѣшивались съ формами родительнаго падежа ед. ч., который, кромѣ окончанія -os, имѣлъ и флексію -es. По аналогіи съ послѣдней, и суффиксъ -tos перешелъ въ -tes, а -entos въ -entes. Такимъ путемъ, и произошелъ родительный п. дѣтате, флексію котораго впослѣдствіи заимствовали и остальные падежи.

Крайняя искусственность и натянутость такого объясненія сразу бросается въ глаза. Прежде всего совершенно недоказано существованіе въ славянскихъ языкахъ нарѣчій съ суффиксомъ *-entos*. Во-вторыхъ, трудно допустить, что бы *-tos* могло смѣшиваться съ *tōd* въ индоевропейскомъ языкѣ и *to* — съ *ta* въ общеславянскомъ. Наконецъ, въ третьихъ, трудно согласиться съ тѣмъ, что бы родительный падежъ въ исторіи образованія нашихъ именъ могъ сыграть такую доминирующую роль: вѣдь въ сравненіи съ другими падежами онъ не имѣлъ никакихъ морфологическихъ или психологическихъ преимуществъ. Очевидно, авторъ Grundriss'а придалъ ему такое значеніе только въ угоду своей теоріи, но вовсе не въ силу *внутренней необходимости*.

А между тѣмъ можно рѣшить вопросъ гораздо проще, если только обратить вниманіе на то, какъ возникаютъ новыя грамматическія категоріи вообще. Два фактора обыкновенно способствуютъ ихъ развитію: *аналогія* другой категоріи или формы, съ которою первая въ звуковомъ или формальномъ отношеніи имѣетъ какія-нибудь точки соприкосновенія, или *семасіологическая дифференціація* какой-нибудь опредѣленной категоріи, сопровождающаяся обыкновенно и фонетическими измѣненіями. Въ силу перваго фактора возникла, напримѣръ, категорія мѣстоименія сь, которое теперь склоняется по *аналогіи* мѣстоименія и, хотя первоначально принадлежало къ системѣ склоненія на *-i*. Подъ вліяніемъ второго фактора возникло, напримѣръ, нарѣчіе **včera* (изъ *вьчера). Какого бы мы мнѣнія ни держались относительно происхожденія ь этого слова, несомнѣнно, что послѣднее представляло первоначально такой же *отложительный* падежъ, какъ и современное русское *вечера* (изъ вечеръ). Когда, въ силу неизслѣдованной еще причины, *е* въ этомъ словѣ перешло въ ь, **včera* въ сознаніи говорящихъ потеряло родственную связь съ *вечера* и постепенно спеціализировалось въ своемъ значеніи: вмѣсто »вечера« (vesper) оно стало обозначать »вчера« (heri). Такъ, изъ одной категоріи, *имени* возникла на первый взглядъ совершенно другая — *нарѣчіе*.

Спрашивается, какому же изъ описанныхъ факторовъ обязана своимъ происхожденіемъ наша категорія?

Прежде всего очевидно, что — не первому. Единственныя категоріи, которыя были бы способны оказать извѣстное вліяніе на склоненіе основъ на *-t*, это темы на согласныя *-v*, *-s* и *-n*; но послѣднія могли бы подарить первой только окончанія, а отнюдь не суффиксъ, въ происхожденіи котораго и лежитъ корень загадки. Остается, такимъ образомъ, предположить для нашей категоріи иной путь образованія — путь *непосредственнаго* возникновенія изъ другой категоріи посредствомъ извѣстной семазіологической дифференціаціи.

Но что же можетъ быть этой »другой категоріей"?

По нашему мнѣнію, не что иное, какъ *причастія настоящаго времени дѣйствительнаго залога отъ глаголовъ на* **-ити**. Какъ уже давно признано сравнительной грамматикой, суффиксъ причастій въ индоевропейскомъ языкѣ звучалъ *-int*, и поэтому въ славянскихъ языкахъ они должны были склоняться первоначально какъ *согласныя основы*. Но вслѣдствіе того, что уже въ общеславянскую эпоху къ этому суффиксу присоединился другой, — -jo, причастія стали склоняться какъ имена на мягкую основу, за исключеніемъ, впрочемъ, именительнаго падежа мужскаго и средняго рода. Это расширеніе суффикса произошло, конечно, не сразу, но, какъ и все въ языкѣ, исподволь и постепенно. А разъ это такъ, то мы имѣемъ полнѣйшее право представить себѣ такую эпоху общеславянскаго языка, когда это расширеніе *еще* не наступило. Въ такомъ случаѣ склоненіе, напр., причастія средняго рода отъ глагола ***телити** (ср. русское *телить*, *телиться*) должно было имѣть слѣдующій видъ:

Единственное число:

Именит.	п.	***тела**
Родит.	»	***телате**
Дат.	»	***телати**
Винит.	»	***тела**
Зват.	»	***тела**
Творит.	»	***телатьмь**
Мѣстн.	»	***телате**

Двойственное число:

Им., Вин. Зв.	п.	***телатѣ**

Род.	Мѣстн.	п.	*телатов
Дат.	Твор.	»	*телатьма

Множественное число:

Именит.	п.	*телата
Род.	»	*телатъ
Дат.	»	*телатьмъ
Винит.	»	*телата
Творит.	»	*телаты
Мѣсти	»	*телатьхъ

Прочитавъ эту таблицу, читатель, можетъ быть, не сразу повѣритъ своимъ глазамъ. Что это? Неужели игра случая? Нѣтъ. Просклоняемъ причастіе отъ глагола дрожжити, получимъ существительное дрожжа (ср. чешск. druže, družete), просклоняемъ причастіе отъ къняжити, въ результатѣ будетъ древнерусское и чешское слово *княжа* kníže, просклоняемъ причастіе отъ глагола робити, получимъ древнер. робa и т. д.

Что изъ причастій могутъ возникать имена (прилагательныя и существительныя), въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Вѣдь всякое причастіе обозначаетъ *качество* извѣстнаго субъекта: но это качество можетъ выражать прилагательное или существительное также хорошо, какъ и первое. Вотъ почему между всѣми тремя категоріями всегда происходило извѣстное взаимодѣйствіе. Въ современныхъ говорахъ русскаго языка очень употребительны прилагательныя съ суффиксомъ причастія: *большущій, добрущій,* а въ современномъ литературномъ языкѣ мы употребляемъ нерѣдко причастія въ значеніи существительныхъ, напр. *предсѣдательствующій, главнокомандующій,* и т. д. То же явленіе наблюдается и въ другихъ языкахъ. Ср. напр. нѣмецкое прилагательное *reizend,* бывшее первоначально причастіемъ или существительное *Freund,* также происшедшее изъ причастія (готское *frijōnd-s*), латинское *dēns* (нѣмецкое *Zahn*) и т. д.

Если, такимъ образомъ, превращеніе существительнаго въ причастіе происходило во всѣ времена и во всѣхъ языкахъ, то весьма возможно, что то же самое могло произойти въ общеславянскомъ языкѣ и съ причастіями тела, дрожжа, къняжа и т. д. Въ частности, такое именно происхожденіе ихъ подтверждается *значеніемъ* именъ на *-t*, которыя, какъ давно уже замѣтила наука, обозначаютъ обыкновенно »невзрослыхъ людей и животныхъ«. Такъ какъ причастія настоящаго времени дѣйствительнаго за-

лога обозначаютъ *свойство продолжающееся, незакончившееся длящееся,* и такъ какъ понятіе »невзрослаго человѣка или животнаго« есть прежде всего понятіе о *неостановившемся ростѣ,* то отсюда прекрасно и объясняется уменьшительное значеніе нашихъ именъ. Для большей наглядности и убѣдительности высказаннаго положенія мы разсмотримъ съ нашей точки зрѣнія этимологіи главнѣйшихъ именъ на *-t.*

Возьмемъ, напр., слово дѣтѧ. Это слово сближается обыкновенно*) съ лат. *fēmina* »женщина«, *felāre* »сосать«, греч. *θήσατο* »онъ сосалъ«, *θηλή* »материнская грудь«, древнеирландск. *dīnu* »ягненокъ«, д. в. н. *tāen* »сосать«, литовскимъ *dilė* »Blutigel«. Всѣ эти значенія прекрасно объясняются изъ санскритскаго глагола *dhātavé* »сосать«. Мы имѣемъ полное основаніе полагать, что и въ общеславянскомъ языкѣ существовалъ глаголъ *дѣтити, причастіе котораго въ среднемъ родѣ обозначало »сосущее«. То же значеніе имѣло и русское *дитя,* какъ показываетъ санскр. *dhī-tá-s,* причастіе къ *dháya-ti* »онъ сосетъ«, лат. *fīlius,* латышское *dīle* »сосущій теленокъ«.**)

Обратимся теперь къ слову млада (ср. чешск. mladě). Миклошичъ въ Et. W. сопоставляетъ его съ санскр. *mardu,* греч. *μάλθων* „Weichling"), прусск. maldian »осленокъ«. Эти значенія сходятся въ названіи »мягкій«, »нѣжный«, »хрупкій предметъ«. Въ старославянскомъ языкѣ мы имѣемъ глаголъ младѣти *τρυφερᾶν, mollem esse* и младити *puerum esse,* въ словенскомъ *mladiti* »дѣлать мягкимъ«, русскомъ *молодѣть* и *молодить* и т. д. Отъ всѣхъ этихъ глаголовъ причастіе настоящаго времени средняго рода звучало бы *млада и первоначально означало бы »находящійся въ нѣжномъ возрастѣ«.

Передъ нами слово отроча. Оно представляетъ высшую градацію къ глаголу отърькѫ (ср. Mikl. Et. Wört.). Такъ какъ предлогъ *отъ* обозначаетъ *удаленіе* извѣстнаго субъекта или объекта отъ другаго, и такъ какъ отдаленіе одного признака отъ другого часто бываетъ отрицаніемъ его существованія въ другомъ, то слово отроча представляло, вѣроятно, человѣка, »далекаго отъ дара слова« т. е. младенца. Если эта этимологія справедлива, то отроча должно представлять превосходный си-

*) Brugmann, Grundriss, S. 134.

**) Тамъ стр. 101. Ср. также Брандтъ, Дополнительныя замѣчанія къ разбору этимологическаго словаря Миклошича Варшава 1891, стр. 54

нонимъ къ польскому *niemowiątko*. На возможность существованія же самого глагола *отроѹнти, отъ котораго произведено причастіе отроѹа, указываетъ чешское *ročiti, račiti*, старославянское пороѹнти, русское *порочить, отсрочить* и мн. др.

Болѣе высокій возрастъ обозначало общеславянское **robę* (чешское *robě*, русское *робя*). Оно представляло причастіе отъ глагола *робити »работать« (ср. польское *robić*, малорусское *робыти, зробыти* и др.) и обозначало, очевидно, уже трудоспособнаго молодого человѣка. Тоже значеніе, какъ извѣстно, скрывается и въ общеславянскихъ основахъ *рабъ, робъ*, а также въ малорусскомъ и словацкомъ *паробокъ, паробокъ*. Русское *ребенокъ* произошло вѣроятно изъ **робенокъ* (ср. польское *robionek*) посредствомъ ассимиляціи перваго гласнаго второму, и представляетъ не что иное, какъ уменьшительное отъ *робъ*. Отсюда слѣдуетъ, что реба первоначально обозначало не столько мальчика, сколько взрослаго юношу. Сравните коллективное названіе солдатъ »ребята«. На то же указываетъ и малорусско-словацкое *parobok, паробокъ* и русское *парень*. Послѣднее мы объясняемъ какъ результатъ послѣдовательныхъ фонетическихъ измѣненій слова паребьнь. Послѣднее въ косвенныхъ падежахъ должно было звучать **паребня, паребню* и т. д. или послѣ выпаденія губной *пареня, пареню*. Къ косвеннымъ падежамъ впослѣдствіи былъ приравненъ и *именительный* парень изъ *паребьнь, въ свою очередь, породившій падежи *парня, парню*.

Подобнымъ образомъ чешское děvče, dívče, малорусское *дівча, дівчата* должны были представлять причастія отъ глагола *дѣвкѹнти. Въ чешскомъ языкѣ мы, дѣйствительно, и находимъ слово proděvčiti, которое обозначаетъ »произвести насиліе«.*) Это значеніе вѣроятно-сравнительно поздняго происхожденія, первоначально же глаголъ *děvčiti обозначалъ, очевидно, »находиться въ дѣвственномъ состояніи.« Отсюда *děvčę — значитъ »невинное«, »дѣвственное«.

Объ именахъ *družę и *kŭnęžę, какъ причастіяхъ дроѹжити и кънѧжити, мы говорили выше.

Переходя къ названіямъ дѣтенышей животныхъ, мы должны прежде всего остановиться на общемъ названіи скѵра (чешск. *zvíře*, верхнелужицкомъ zvjeřo, русск. *звѣрятки*), которое точно соотвѣтствуетъ греч. θήρ, лат. *fera*, лит. žvėris. Глаголъ, отъ

---

*) J. Jireček, O zvláštnostech češtiny ve starých rukopisech moravských. V Praze 1888, str. 38.

котораго произошло причастіе **звѣра**, долженъ былъ звучать **звѣрити*, и обозначать »свирѣпствовать« или что-нибудь въ этомъ родѣ. Отсюда значеніе **звѣра** »свирѣпствующій« или просто »дикій« (ср. лат. *ferus*).

Подобное же значеніе вѣроятно имѣло общеславянское **прасѧ**, которое родственно латинск. *porcus*, *porculus*, кельтск. *ork*, д. в. н. *farh* и литовск. *parszas*.*) Шрадеръ сближаетъ это слово съ д. в. н. furch »борозда« (Reallexicon, S. 747), и первоначальное значеніе этого слова было поэтому »бороздящее«.

Имя **тєлѧ**, по нашему мнѣнію, находится на низшей ступени градаціи корня, который мы имѣемъ, напр. въ глаголѣ **толити** или **оутолити** (словинск. *toliti*, болг. утолѣвамь ся, русск. *утолить* и т. д. см. Et. W. Mikl.). Отсюда слѣдуетъ, что *теля* обозначало первоначально »животное, утоляющее голодъ, насыщающее«. Предлагаемъ историкамъ культуры сдѣлать очень любопытное заключеніе относительно обѣденнаго стола праславянъ.

Существительное **жрѣбѧ** Бругманнъ**) сопоставляетъ съ греч. *βρέφος* »плодъ въ материнскомъ чревѣ«, д. в. н. *Kropf* »чрево, брюхо«. Глаголъ, причастіемъ котораго является **жрѣбѧ**, обозначалъ, вѣроятно находиться »въ зачаткѣ«, такъ что именемъ **жрѣбѧ** назывался не столько дѣтенышъ лошади, сколько вообще зародышъ всякаго животнаго. Мы не имѣемъ причины отдѣлять отъ этого слова и **жрѣбии** (ср. Et. W. Mikl.) „sors". Первоначально онъ значилъ, мы думаемъ, только материнскій плодъ (греч. результатъ *βρέφος*), разрѣшеніе котораго въ половомъ отношеніи всегда случайно. Впослѣдствіи это конкретное значеніе, какъ и въ многихъ другихъ случаяхъ, превратилось въ абстрактное и даже философское **жрѣбии** *sors*.

Коврѧ (чешск. kouře, польск. kurczę, полабск. k'eura) первоначально обозначало . . . жаркое. По нашему мнѣнію, оно представляетъ не что иное, какъ причастіе отъ **коврити**, которое, хотя и употребляется въ большинствѣ славянскихъ языковъ въ смыслѣ »пускать дымъ«, но исконное значеніе его было *жечь, жарить*. Это доказываютъ словенское kuriti »жарить« (*heizen*), словацкое kurit pec »затопить печь«, русское *печкуръ* »печь съ плитой«, *винокуръ* »варящій вино" и т. д. Отсюда слѣдуетъ,

---

*) Brugmann, Grundriss I., S. 445.
**) Grundriss, I., 384, 493, 590.

что **кобра** прежде значило »дымящее«, »жарящееся», »жаркое«, а старосл. **кобропьтина**, чешск. *kuroptva*, *koroptva*, польск. *kuropatwa*, русс. *куропатва*, *куропатка*, верхнелуж. *kurotva* »съѣдобную птицу«. Впослѣдствіи значеніе обоихъ словъ спеціализировалось: первое стало обозначать *pullus gallinaceus* (домашнюю курицу), второе *caro attiginis* (куропатку). Если эта этимологія справедлива, то она также можетъ имѣть значеніе и для историка культуры.

***пътаѵа** (древнечешск. *ptače*, сербск. *птаче*), быть можетъ, объясняется изъ глагола ***пътаѵити** «летать«, корень котораго лежитъ въ чешскомъ глаголѣ *roz-pt-yliti*.

Мы разсмотрѣли, такимъ образомъ, этимологіи болѣе десяти существительныхъ на *-t*, и убѣдились, что всѣ они съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ могутъ быть объяснены изъ причастій дезидеративныхъ глаголовъ на **-ити**. Это обстоятельство и служитъ самымъ главнымъ доказательствомъ справедливости нашей гипотезы.

Мы не сомнѣваемся, что и большая часть остальныхъ именъ на эту основу, напр. **осла**, **овьѵа**, **кота** и т. п., когда будетъ объяснена ихъ темная этимологія, также окажутся »причастіями, превратившимися въ существительныя«. Впрочемъ, если даже это и не случится, то это обстоятельство ни на одну йоту не поколебало бы нашей гипотезы въ принципіальномъ отношеніи. Дѣло въ томъ, что эти исключенія могутъ представлять результатъ аналогіи ужъ изученныхъ нами именъ: разъ въ языкѣ существовали причастія: **дѣта**, ***робѧ**, **млада**, **зкѣра** и т. п., то по образцу ихъ могли составляться и другія имена, никогда не имѣвшія ничего общаго съ причастіями и вообще съ основами на согласную. Несомнѣнно такое вліяніе аналогіи слѣдуетъ предположить для *заимствованныхъ* словъ: ***кънѧжа** (чешск. kníže) изъ готск. *Kuning*, **осьла** изъ готск. *asilus*, ***скота** (древнеч. skotě) изъ готск. *skatts* и мн. др. Всѣ эти слова были заимствованы славянами въ ту эпоху, когда образованіе существительныхъ изъ причастій уже закончилось, и переходъ нашихъ именъ въ категорію именъ на *-t* совершался уже по *готовому* шаблону. Такимъ образомъ, оно пережили въ праславянскую эпоху тотъ же самый процессъ, какой въ историческую эпоху христіанскія и языческія собственыя имена у славянскихъ народовъ, которые употребляютъ ихъ въ уменьшительной формѣ по образцу именъ на *-t*. Такъ, мы, русскіе, имѣемъ: *Коля* (изъ ***Кола**), *Гриша* (изъ

*Грниꙗ), Миша (изъ *Мниꙗ), Оля (изъ *Олꙗ) и т. д.; въ сербскомъ языкѣ Раде (изъ *Рядꙗ), Миле (изъ *Милꙗ) и т. п.*), въ чешскомъ языкѣ Vaňa, Píša, Rouša, Šíša.**). Въ современныхъ живыхъ говорахъ славянскихъ языковъ аналогія именъ на *-t* приняла почти колоссальные размѣры: окончаніе -ꙗ принимаютъ не только названія маленькихъ животныхъ и людей, но даже прилагательныя и существительныя конкретнаго значенія. Изъ множества примѣровъ мы приведемъ слѣд.: болг. *грънe* вм. грънѣць, *манастирче, любе, сираче, книже* (вм. *книга*), *коже* (вм. кожа) и пр.; сербск.: *грне, дрве, клемпе* „шумъ", *неборе, юне, циганче*, словенск.: *zaspane* (Schlafhanns), *lene* »лѣнивый человѣкъ«, *kitče* (Täufling), *sinče*; въ польскомъ nożęta, rączęta »ножки«, »ручки«, въ чешскомъ soudce, soudcete, paša, pašete, pole, polata и т. д.

Итакъ, имена на *-t* представляютъ не что иное, какъ причастія *средняго рода* отъ глаголовъ на -нти. Рядомъ съ ними и приблизительно въ томъ же значеніи употребляются уменьшительныя имена *мужескаго рода*, не вполнѣ совпадающія съ первыми и по формѣ. Это дѣтиштъ при дѣтꙗ, отроуиштъ при отроуꙗ, младиштъ при млада и м. д. Какъ можно видѣть изъ Этимологическаго Словаря Миклошича всѣ они общеславянскаго происхожденія. Возникаетъ интереснѣйшій вопросъ, въ какомъ отношеніи первыя относятся къ вторымъ?

Одинъ взглядъ на суффиксъ -штъ сразу напоминаетъ причастіе съ расширеннымъ суффиксомъ *tj-*. Мало того, даже окончаніе ихъ -штъ вполнѣ совпадаетъ съ флексіей -штъ винит. п. ед. причастій. Ср. напр. хвалаштъ и отроуиштъ. Все это убѣдительно говоритъ въ пользу причастнаго происхожденія и формъ типа отроуиштъ, и ихъ полному отожествленію съ отроуꙗ мѣшаетъ только присутствіе въ первомъ -и вмѣсто ꙗ. Откуда же возникло это -и?

Что бы рѣшить этотъ вопросъ, вспомнимъ, какъ должна была звучать *первоначально* форма именительнаго п. ед. ч. причастій отъ глаголовъ на -нти. Литовское myl-*ĩs* указываетъ, что праславянское причастіе имѣло видъ **chvalints*. По извѣстному

---

*) Впрочемъ, сербскія имена могутъ представлять и самостоятельныя причастія отъ милити, радити и т. п.

**) Gebauer, Historická mluvnice III, 1, стр. 233. Ср. еще въ діалектахъ. Kučíře = dcera Kučerova. Šembera, Základové dialektologie česko-slovanské. Ve Vídni 1863, str. 31.

закону о переходѣ *in* + cons. въ корнѣ слова (ср. **гости** изъ **gostins*, **кости** изъ *kostins*), мы ожидали бы вмѣсто этой формы **chvalī*. Почему же на ея мѣстѣ мы находимъ **хвала**?

Въ недавнее время извѣстный ученый, Фр. Лоренцъ*) попытался отвѣтить на этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ. По его мнѣнію, chval-ĩñt- первоначально имѣло *восходящее* удареніе (Schleifender Ton) при исконной долготѣ *-ī*. Это восходящее удареніе, произведя сокращеніе гласной, перешло изъ именительнаго падежа въ косвенные, въ которыхъ, вслѣдствіе этого, *-ĩñtj-* стало звучать *-intj-*. По аналогіи послѣдняго суффикса, и **chvalĩñt* стало звучать *chvalę*.

Не трудно видѣть всю шаткость основаній подобной гипотезы. Прежде всего, не доказано, что въ славянскихъ языкахъ восходящее удареніе всегда обладало способностью сокращать слогъ. Во вторыхъ, совершенно невѣроятно чередующееся вліяніе то именительнаго падежа на косвенные, то косвенныхъ на именительный. Гораздо проще предположить, что **хвала** представляетъ совершенно правильную форму именительнаго падежа средняго рода, употребляющагося въ функціи мужескаго рода по аналогіи отношенія **несы** (им. п. ср. р.): **несы** (им. п. м.) = **хвала** (им. п. ср.): **хвала** (им. п. м. вм. *chvalī), и образовавшаго **а** вслѣдствіе того, что конечное *t* отпало въ немъ раньше, чѣмъ наступилъ самый законъ.

Но въ такомъ случаѣ **хвала** должно быть въ морфологическомъ отношеніи вполнѣ тождественно съ **отроча**: обѣ формы представляютъ причастія наст. вр. *средняго рода*. Рядомъ съ ними, въ первую эпоху общеславянскаго языка, могли существовать и параллельныя формы мужескаго рода: *chvalīt *otročīt, пока онѣ еще не были вытѣснены первыми. Что такія причастія муж. р. дѣйствительно существовали въ этомъ языкѣ, мы имѣемъ хотя и косвенное, но тѣмъ не менѣе въ высшей степени рѣдкое по своей убѣдительности доказательство. Это доказательство состоитъ въ слѣдующемъ.

Какъ извѣстно, уже въ праславянскомъ языкѣ были очень распространены притяжательныя прилагательныя типа: **агнилшть**, **телашть** и т. п. Происхожденіе ихъ ясно: основа существительнаго **jagnęt*, **telęt* вступила въ соединеніе съ обычнымъ притя-

---

*) Die Behandlung der Lautgruppen *in un* + Consonant im Slavische Archiv XVIII, S. 102—103.

жательнымъ суффиксомъ *-jo* и дала упомянутыя прилагательныя **ѩгнѧшть, телѧшть** и т. п. Но суффиксъ **-шть** этихъ прилагательныхъ фонетически тождественъ съ суффиксомъ существительныхъ **отроѵиштъ, младиштъ** и т. п. Мало того, такъ какъ послѣднія одинаковы по образованію съ безчисленными славянскими патронимическими названіями на *-ичъ* (русс.), *-ишть* (болг.), *-uk* (серб.), *-ič* (слов.) и *ic* (западносл.), то суффиксъ **-шть** именъ **отроѵиштъ, младиштъ** слѣдуетъ признать тождественнымъ съ суффиксомъ прил. **ѩгнѧшть, телѧшть** и по значенію. Но если такъ, то по пропорціи **ѩгнѧшть**: *jagnęt* = **младиштъ**: *x*, *при послѣдовательномъ и логическомъ* способѣ мышленія, мы должны будемъ признать, что *x* здѣсь равняется **mladint* или **mladīt*. А такъ какъ *jagnęt*, какъ мы доказали выше, представляетъ причастіе ср. р. отъ глаголовъ на *iti*, то будетъ вполнѣ логично заключить, что **mladīt* представляетъ такое же причастіе муж. рода.

Кромѣ этого общаго соображенія, въ причастномъ происхожденіи послѣдней формы насъ убѣждаютъ еще слѣдующія обстоятельства:

На сколько намъ извѣстно, изъ изслѣдователей никто еще не обратилъ вниманія на тотъ въ высшей степени странный фактъ, что при именахъ типа **ѩгнѧшть, телѧшть** рѣдко встрѣчается типъ ***отроѵѧшть, *младѧшть**, а только **отроѵиштъ, младиштъ** (хотя существуютъ имена **отроѵѧ, млада**); и наоборотъ, при **отроѵиштъ, младиштъ** рѣдко (только въ серб. и слов., иногда въ русс.) употребляются ***ѩгиштъ, *телиштъ**, а только **ѩгнѧшть, телѧшть**. Эту странную непослѣдовательность языка врядъ-ли можно объяснить иначе, чѣмъ причастнымъ происхожденіемъ нашихъ именъ. Въ самомъ дѣлѣ, обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что имена съ суф. **ѧшть** обозначаютъ преимущественно *животныхъ*, а имена съ суфф. **иштъ** — *людей*. Такъ какъ различать животныхъ въ половомъ (и слѣдовательно въ грамматическомъ) отношеніи первобытный человѣкъ не имѣлъ особыхъ психологическихъ основаній, то ему незачѣмъ было образовывать отъ глаголовъ **ѩгнити** и **телити** причастія муж. р., такъ какъ прич. ср. р. **тела, ѩгна** заразъ обозначали и самца и самку. Соотвѣтственно этому и притяж. прилаг. обыкновенно звучали **ѩгнѧшть, телѧшть**. Напротивъ, бо̀льшая потребность обозначать полъ въ названіяхъ людей способствовала сохраненію причастій муж. р. **otročit*, **mladit*, къ которымъ еще до отпаденія согласной *t* присоединился притяж. суфф. *jo*.

Но если такъ, то почему же эти послѣднія не только не сохранили своего исконнаго притяжательнаго значенія (въ противоположность патронимич. им. на *-itjъ*), но даже потеряли способность измѣняться по родамъ (въ противоположность **ꙗгнꙗшть**, — **ꙗ** и **-ꙗ**)?

И это недоумѣніе рѣшается какъ нельзя проще. Очевидно, причастія типа **отроѵнштъ** потеряли свое аттрибутивное значеніе (иначе говоря, превратились въ существительныя) тогда, когда вышли изъ употребленія опредѣляемыя имена но *-īt*. Такъ какъ потребность обозначать мужескій родъ оставалась въ силѣ и послѣ исчезновенія послѣднихъ, то **отроѵнштъ** изъ косвенной ассоціаціи съ **отроѵꙗ** вступило въ прямую, и стало относиться къ послѣднему какъ мужескій родъ существительнаго къ *среднему роду того же* (*этимологич.*) *имени*. Напротивъ, сохраненіе, хотя иногда только логическое, опредѣляемаго имени у т. н. patronymica на *-itjъ* удержало имъ и ихъ исконное притяжательное значеніе.

Еще одинъ вопросъ: почему же исчезли изъ употребленія имена или причастія на *-īt*, а сохранились на *-ęt*? Взглядъ на литов. *-ỹtis* рѣшаетъ дѣло. Ходъ предыдущихъ разсужденій неизбѣжно приводитъ насъ къ предположенію о заимствованіи этого суффикса изъ славянскихъ языковъ. Но патронимическое значеніе литовскаго суффикса, заставляетъ заключить, что такое же значеніе было и у славянскаго *-it*. Это значеніе могло развиться въ немъ логически. Славянскія, напр. имена **radit*, **milit* обозначали нѣкогда *маленькаго Рада, маленькаго Мила*; но такъ какъ тотъ и другой предполагаютъ существованіе другого человѣка, который ихъ произвелъ на свѣтъ, то они постепенно и могли получить значеніе происходящихъ отъ этого *большого* Рада и Мила, которое было впослѣдствіи закрѣплено притяж. суфф. *-jo*. Ср. серб. имена *Радиħ* и *Милиħ*. Но разъ языкъ получилъ двѣ формы для выраженія одной и той же функціи, то одну изъ нихъ онъ могъ легко забыть. Эта участь естественно выпала на долю первой, которая и безъ того стремилась къ исчезновенію вслѣдствіе ея замѣны формой ср. р.

Если изложенная здѣсь гипотеза происхожденія именъ типа **отроѵнштъ** справедлива, то она должна имѣть большое значеніе для реконструкціи грамматики праславянскаго языка: она показываетъ, что въ послѣднемъ *vis-à-vis* формамъ **несы**, **беры** существовали причастія **chvali*, **ljubi*. Вмѣстѣ съ тѣмъ

наша гипотеза въ тысячный разъ подтверждаетъ точность звуковыхъ законовъ, доказывая, что и въ причастіяхъ отъ глаголовъ на -ити *in* + Cons. переходило въ *ī*. Мало того, эта гипотеза, быть можетъ, проливаетъ свѣтъ на еще одно загадочное явленіе праславянскаго языка — расширеніе причастной основы суффиксомъ *-jo*. Въ самомъ дѣлѣ нельзя не замѣтить, что притяж. прилагательн. **ꙗгнѧшть** вполнѣ тождественно по своему суффиксу съ вин. п. **хвалѧшть**. А такъ какъ имена на *ęt* въ праславянскую эпоху должны были еще помнить свое происхожденіе отъ причастій, то и прилаг. **ꙗгнѧшть**, **отрочѧшть** могли ощущаться причастіями съ притяжательнымъ значеніемъ. Суффиксъ **-шть** изъ этихъ послѣднихъ могъ распространиться съ теченіемъ времени и на остальныя причастія отъ глаголовъ на -ити, а черезъ нихъ и на причастія вообще.

Подобно тому какъ въ русскомъ языкѣ имена на *ęt* сохранились гл. обр. во множ. ч., и въ праслав. яз. имена на *it* могли дольше всего сохраняться въ томъ же числѣ. Это особенно слѣдуетъ сказать объ именит. п. мн. ч. **radite*, **milite*, **hodslavite* и т. п., которыя какъ коллективныя названія были въ праслав. несомнѣнно очень употребительны и потому могли даже содѣйствовать сохраненію согласнаго окончанія и въ обыкновенныхъ причастіяхъ: ср. **дѣлѧщѥ** при позднѣйшемъ и болѣе »правильномъ« **дѣлѧщїи**. Весьма возможно, что по кр. мѣрѣ нѣкоторыя изъ безчисленныхъ западнослав. мѣстныхъ названій на *-ice* представляютъ именно эти причастія на *-itje*. Высказываемъ это предположеніе какъ простую апріорную догадку, такъ какъ въ польскомъ*) и чешскомъ**) языкахъ болѣе правильныя формы съ *ici* (ср. русс. *ичи*, болг. *ишти*, серб. *ићи*, слов. *ići*) встрѣчаются тѣмъ чаще, чѣмъ древнѣе памятникъ.

Все, о чемъ мы до сихъ поръ толковали, касалось архаическихъ причастій, образованныхъ отъ глаголовъ на **-ити**. Мы бы не удивились, если бы нашлись подобныя же причастія, образованныя и отъ другихъ классовъ глаголовъ.

Такія причастія, дѣйствительно, и существуютъ. Мы знаемъ, напримѣръ, русское собственное имя *Словята* и чешское Slovata; рядомъ съ этими именами, въ обоихъ языкахъ существуютъ

---

*) См. И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ, О древнепольскомъ языкѣ, 88–89.

**) Gebauer, Hist. ml. III. 113.

и другія *Словута (ср. Днѣпръ *Словутичъ, пресловутый*) и чешск. *Slovouta* (ср. чешск. *slovoutný*). Этотъ дуализмъ суффиксовъ прекрасно объясняется ихъ причастнымъ происхожденіемъ: Словята — причастіе отъ глагола **словити** (ср. **ѕълословити, благословити**), а *Словута* причастіе отъ глагола **слоути** (ср. чешск. *slovou, slouti*). Подобнаго же происхожденія чешск. имена *Dobřata, Kojata, Hrozňata*, а также *bohuta, suchoutký, bleskutý, teplutko, mohutný, mrzutný*, и т. п., русс. *Путята, Жирята, молодята* (женихъ и невѣста) при *трутъ, струтъ, бѣутки, жгутъ, плакута, ревута*, сербскія *бајчета, владета, вучета, грубета* при *имутак, секут, бјелутак, рдут, Драгутин, Милутин*, наконецъ словенск. *perôt* (при *perut, peruta*), *plavotje, plavotina* и *plavot* при *plavuta*.*) Тотъ фактъ, что нѣк. изъ именъ съ суфф. *ut* произведены отъ глаголовъ на *-iti* не долженъ насъ смущать въ виду такихъ праслав. новообразованій какъ чешск. *horouci, letouci*, серб. *горуци, летуци*, русс. *горючій, летучій*.

Было бы въ высшей степени соблазнительно отнести сюда же и извѣстный суффиксъ *ǫta*. Ср. напр. русс. *малюта, меншутка, Васюта, Аксюта* (ср. загадку: *стоитъ стаюта, виситъ Васюта, пришла Аксюта* — »жолудь«), но такъ какъ соотвѣтственныя имъ польскія слова имѣютъ не носовой звукъ а *iu*: ср. *maluta, samiutki, starutki*, то оставляемъ вопросъ о происхожденіи его открытымъ. Это мы дѣлаемъ тѣмъ болѣе, что въ недавнее время съ авторитетной стороны приведено множество примѣровъ перехода въ польскомъ языкѣ *ǫ* въ *u* (A. Brückner. Zur Stellung des Polnischen Archiv XXXIII. S. 233 und ff.)

Напротивъ, несомнѣнно причастнаго происхожденія имена вродѣ старосл. **дрѣзнѫть, могѫть, сгребѫть**, русс. *ртуть, суть*, чешск. *perut', rtut'*, польск. *chrapęc* »толстый слой на тучной почвѣ.«

Въ концѣ нашего изслѣдованія оглянемся на пройденный путь и сравнимъ отвѣтъ, который оно даетъ, съ вопросомъ, поставленнымъ въ его началѣ Мы видѣли выше, что имена **дѣта, тела** считаются въ наукѣ славянскими новообразованіми, на самомъ же дѣлѣ онѣ оказываются формами, не уступающими по древности ни санскритскому bharant-, ни греческому *φέρ-ων*,

---

*) Miklosic, Vrgl. Gr. II., 200—201. А. Потебня, Изъ записокъ по русс. грам. III., стр. 585 и сл. A. Belić Zur Entwicklungsgeschichte der slav. Deminativsuffixe etc. Archiv XXII., 182—184.

ни лат. ferens и т. д., словомъ, что онѣ также древни, какъ общеиндоевропейскій языкъ. Этотъ выводъ, помимо того частнаго значенія, который онъ имѣетъ для морфологіи праславянскаго языка, не лишенъ и нѣкотораго, т. ск, философско-лингвистическаго значенія. Во первыхъ, онъ лишній разъ доказываетъ, что творчество языка состоитъ не столько въ *изобрѣтеніи* новаго, сколько въ своеобразной *комбинаціи* наличнаго стараго матерьяла. Эта комбинація въ одно и то же время вполнѣ *механична* по способу, и глубоко *цѣлесообразна* по результатамъ. Вслѣдствіе того чисто случайнаго обстоятельства, что суффиксъ *-jo* присоединялся не ко всѣмъ причастіямъ съ суффиксомъ *-t*, возникла изолированная группа формъ, которыя, съ помощью постепенной дифференціаціи значенія, образовали совершенно самостоятельную категорію именъ, значительно увеличившую богатство и выразительность языка. И этотъ »новый« нарядъ онъ сдѣлалъ себѣ не изъ новыхъ матерій, а изъ очень стараго платья. . . .

ЭТЮДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

РѢДКАЯ АНАЛОГІЯ.

Двухосновной характеръ склоненія именъ съ суффиксомъ **ѣн-** *и* **ин-** *— Гипотезы Даничича, Соболевскаго и Бругманна. — Ихъ разборъ, — Происхожденіе суффиксовъ* **-ѣнъ** *и* **-инъ**. *— Вліяніе аналогіи на склоненіе именъ во мн. ч. — Гдѣ ее слѣдуетъ искать? — Patronymica на* **-ишть** *и ихъ семасіологическое сходство съ именами съ суффиксами* **-ѣнъ** *и* **-инъ**. *— Объясненіе формъ типа* **Полинъ**. *— Попытка опредѣленія относительной хронологіи явленія.*

Названія различныхъ классовъ населенія, жителей городовъ и народовъ въ славянскомъ склоненіи играютъ роль своего рода морфологическаго Януса: въ то время какъ своимъ единственнымъ числомъ они смотрятъ въ сторону склоненія именъ на гласную, во множественномъ числѣ они принадлежатъ всецѣло склоненію на согласную. Такой двухосновной характеръ ихъ склоненія ставитъ ихъ въ совершенно исключительное положеніе передъ всѣми другими именами, и это обстоятельство невольно побуждаетъ къ изслѣдованію причинъ такого отступленія отъ непреложныхъ законовъ славянской грамматики.

Въ современной наукѣ установился взглядъ, что имена на **-инъ** и **-ѣнъ** въ множественномъ числѣ сохранили старинныя флексіи своего *исконнаго* склоненія на согласную. Какъ и другія имена этого типа, они очень рано подверглись вліянію склоненія основъ на *-i*, и такимъ путемъ возникли формы **гражданьмъ**, **гражданьхъ** и т. п. Но вмѣстѣ съ послѣдними образованіями еще

изъ праславянской эпохи перешли въ славянскіе языки и архаическія формы, въ которыхъ окончанія множественнаго числа присоединялись къ основѣ непосредственно. Таковы русскія формы *Вавилонямъ, Древлями, Поляхъ,* сербскія *граѓамъ, Бошнами, Дѣчахъ*, словенскія *Goričami*, *Goričam*, *Goričach*, чешскія *Vraňach*, *Dreulach* и даже старославянскія *Вислѣхъ, Содомлямъ, Румѣхъ**). Окончанія всѣхъ этихъ именъ объясняются изъ *-ѩмъ, *-ѩми и т. д., въ которыхъ n выпало послѣ ассимиляціи съ ѩ.

Такого взгляда относительно происхожденія нашего склоненія держался еще Ю. Даничичъ**). Въ 1881 г. его особенно подробно и обстоятельно развилъ въ своихъ „Изслѣдованіяхъ въ области русской грамматики« ак. А. И. Соболевскій***), который въ параллель славянскимъ »архаическимъ« формамъ привелъ санскр. образованія *açmabjas* (дат. п. мн.), *açmabhis* (тв.), *açmasu* (мѣстн. п.), бактр. *asmabjo* (дат. мн.) и т. д. Эта гипотеза, безъ всякихъ оговорокъ, была принята и Бругманномъ†). Если проф. Соболевскому принадлежитъ заслуга указанія индоевропейскихъ параллелей къ отдѣльнымъ падежамъ нашего склоненія, то автору Grundriss'а принадлежитъ честь открытія такихъ же соотвѣтствій къ самому суффксу: именно Бругманнъ сопоставилъ славянскій суффиксъ -ѩн- съ индоевропейскимъ -i̯ōn- ††).

Такова господствующая въ наукѣ теорія. Попробуемъ теперь оцѣнить ее.

Какъ извѣстно, критеріемъ доказательности всякой гипотезы служатъ два условія: 1. ея способность объяснить *всѣ* главные факты, входящіе въ кругъ изслѣдуемаго явленія и 2. отсутствіе въ ней фактическихъ или логическихъ противорѣчій. Ни тому, ни другому условію гипотеза проф. Соболевскаго или Бругманна, къ сожалѣнію, не удовлетворяетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, допустимъ, что Бругманнъ правъ, отожествляя суффиксъ -ѩн- съ индоевропейскимъ -i̯ōn-. Но вѣдь рядомъ съ первымъ суффиксомъ въ славянскихъ языкахъ употребляется и другой -ѣн-, который не объясняется изъ -i̯ōn-.

---

*) А. И. Соболевскій, Изслѣдованія въ области русской грамматики Р. Ф. В. VI., стр. 219—220.

**) Историја облика, str. 95, 118, 135.

***) Тамъ же.

†) Grundriss II, S. 340, 367, 404, 703.

††) Тамъ же, S. 335 и сл.

Правда, рядомъ съ нимъ Бругманнъ приводитъ суффиксъ *-i̯ēn-*, но что послѣдній не имѣетъ ничего общаго съ славянскимъ **-ѣн**, доказываетъ отсутствіе смягченія основы въ словахъ типа **Словѣнинъ**.

Не объясняя всѣхъ фактовъ, популярная гипотеза, отчасти, и противорѣчитъ имъ. Если бы русскія формы *Полямъ, Полями, Поляхъ* происходили изъ праславянскихъ **Poljantъ*, **Poljanti* и **Poljansu*, то непонятно, почему *n* выпало передъ *s* въ послѣднемъ словѣ, а не слилось съ предыдущимъ *ja* въ **ѧ**. Да и самый фактъ ассимиляціи *n* и *m* въ другихъ падежахъ подверженъ большому сомнѣнію: такіе примѣры, какъ **помѣнѫти** указываютъ, что **н** ассимилировалось только передъ слѣдующимъ же **н**.

Къ этимъ частнымъ возраженіямъ присоединяются возраженія и болѣе общаго характера. Такъ какъ Бругманнъ не могъ привести ни одного одинаковаго слова съ суффиксомъ *-i̯ōn-*, встрѣчающагося хотя бы въ двухъ индоевропейскихъ языкахъ, то и существованіе его, какъ *индоевропейскаго*, нельзя считать доказаннымъ. О томъ же говорятъ и крайне разнообразныя его формы: *-i̯en-, -i̯on-, -i̯ēn-, -i̯ōn-, -ïn-, -īn-* и др., которыя не могутъ быть сведены къ единству безъ вопіющихъ натяжекъ. Наконецъ, отсутствіе подобнаго суффикса въ языкахъ балтійской группы также говоритъ противъ гипотезы Бругманна.[1]) А все вмѣстѣ взятое даетъ намъ, по крайней мѣрѣ, нравственное право предложить свое объясненіе явленію.

Что бы сдѣлать это, попытаемся сначала выяснить происхожденіе суффиксовъ **-ѧн-** и **-ѣн-**, и прежде всего причину чередованія **ѣ-** и **ѧ-**. Такъ какъ о фонетической причинѣ здѣсь врядъ-ли можетъ быть даже рѣчь, то для объясненія явленія остается обратиться къ морфологіи. Но здѣсь мы знаемъ только одинъ случай широко и послѣдовательно проведеннаго чередованія гласныхъ **-ѣ** и **-ѧ**, — именно въ *причастіяхъ прошедшаго времени страдательнаго залога* глаголовъ на **-ѣти** (III кл., 1 — по классификаціи Миклошича, III. кл., 2, А, в — по классификаціи Лескина и III, 1 — по классификаціи Вондрака): тѣ изъ нихъ, основы которыхъ оканчиваются на палатальную

---

[1]) Литовскія *mëszczionìs, krikszczionìs, Tilžionis* и т. п. согласно Куршату (§ 321) и вопреки проф. Зубатому (Ueber gewisse Genitivendungen Prag, 1897, S. 26) мы считаемъ заимствованіемъ изъ славянскихъ языковъ.

согласную, оканчиваются, какъ извѣстно, въ неопредѣленномъ наклоненіи на *-'ati* и въ причастіи страд. зал. прош. вр. на *-'anй*. Напротивъ, глаголы съ основами другихъ типовъ сохраняютъ въ этихъ категоріяхъ свои исконныя флексіи **-ѣти** и **-ѣнъ**.

Обращаясь затѣмъ къ дальнѣйшему анализу формъ неопредѣленнаго наклоненія обоихъ типовъ, мы видимъ, что глаголы съ суффиксомъ *-'ati* всѣ безъ исключенія образованы отъ именъ существительныхъ или прилагательныхъ, основа которыхъ оканчивается или на заднеязычную согласную или на палатальную. Таковы глаголы **въꙁмѫжати** (< **мѫжь**), **ожьстокати** (< **жестокъ**), **кетъшати** (< **кетъхъ**), **боѹати** (< **бови**), **оѹмъножати** (< **мъногъ**), **обиштати** (< **ишть**) и т. д. Напротивъ, въ основѣ глаголовъ второго типа лежатъ существительныя или прилагательныя съ конечной согласной непалатальной артикуляціи: **оѹмѣти** (< **оѹмъ**), **слабѣти** (< **слабъ**) и мн. др. Одного этого простого сопоставленія достаточно, что бы убѣдиться въ томъ, что *а* первыхъ глаголовъ есть результатъ палатализаціи *ѣ* глаголовъ второго рода.

Если теперь обратиться къ названіямъ народовъ съ суффиксомъ **-ѣн-** и **-ꙗн**, то названія съ послѣднимъ можно будетъ вывести изъ названій перваго типа, если только предположить, что они первоначально представляли *причастія прош. вр. страд. зал.*: имена съ суффиксомъ **-ꙗн-** происходили бы въ такомъ случаѣ отъ именъ на **-ѣн-** съ *палатальной основой*. И вся трудность вопроса заключается въ томъ, что бы найти тѣ именныя основы, отъ которыхъ могли бы быть произведены наши глаголы.

По счастью, это сдѣлать довольно легко. Какъ извѣстно, въ славянскихъ языкахъ существуетъ обширный классъ *притяжательныхъ* прилагательныхъ съ суффиксомъ -jo: таковы, напр., старославянскія **божь**, **кънѧжь**, **братрь**, русск. *Ярославль*, *Переяславль* (при чешскихъ Soběslav, Boleslav) и т. п. Если отъ такихъ прилагательныхъ, какъ **божь**, **ишть** могли образоваться глаголы **обожати**, **обиштати**, то весьма возможно, что подобные же глаголы въ свое время образовывались и отъ *притяжательныхъ прилагательныхъ*.

Поэтому, напр., отъ притяжательнаго прилагательнаго ***граждь** (изъ **grad* + *jo*) глаголъ на **-ѣти** долженъ былъ бы звучать ***граждати**. Подобно тому какъ, напр., **иштати** (ср. русск. *нищать*) значитъ »дѣлаться нищимъ«, подобно тому какъ **цѣлѣти** значитъ »дѣлаться здоровымъ«, подобно тому какъ ***слабѣти** значитъ »дѣлаться слабымъ«, такъ ***граждати** (изъ °**граждѣти**, слѣдовательно

ничего не имѣющаго общаго съ образованіемъ вродѣ **о-граждати**) означало дѣлаться »принадлежащимъ городу.« Причастіе прошедшаго вр. страд. отъ этого глагола должно было звучать ***граждань** »сдѣлавшійся городскимъ«, откуда, послѣ присоединенія *вторичнаго* суффикса **-нинъ**, возникло старославянское **граждининъ**, русск. *горожанинъ*, сербское *гра̀ђанин* и т. д.

Возьмемъ теперь притяжательное прилагательное ***земль** »принадлежащій землѣ«, »земскій«. По описанному закону, глаголъ отъ этого прилагательнаго долженъ былъ имѣть видъ ***землити** »дѣлаться земскимъ«, причастіе ***землинъ** »сдѣлавшійся земскимъ«, откуда старославянское **землининъ** „qui ejusdem est civitas“, чешское *zeman*, *zeměnin* »дворянинъ« и т. д.

Отъ притяжательнаго прилагательнаго ***дворь** »принадлежащій двору« глаголъ могъ быть образованъ въ видѣ ***дворити**, причастіе котораго было бы **дворинъ** »сдѣлавшійся владѣтелемъ двора«. Отсюда чешское *dvorěnin*, русс. *дворянинъ*, польск. *dworzanin* и т. д.

Притяжательное прилагательное ***мѣшть** »принадлежащій къ мѣсту, городу«, образовавъ глаголъ ***мѣштати**, »дѣлаться городскимъ«, дало причастіе ***мѣщанъ** »сдѣлавшійся городскимъ«, откуда, въ свою очередь, польск. mieszczanin, чешк. *měšťěnin*, русск. (изъ польскаго) *мѣщанинъ*.

Далѣе, путемъ аналогіи отъ прилагательнаго **Пражь** »пражскій« мы можемъ прійти къ имени ***pražanъ** (ср. чешское Pražan) »сдѣлавшійся пражскимъ, пражаниномъ« — отъ притяжательнаго прилагательнаго **Римль** къ »римлянину«, отъ притяжательнаго прилагательнаго **Кіевль** къ »кіевлянину« и т. д., и т. д. Словомъ, какое бы имя съ суффиксомъ **-ян-** мы ни взяли, ко всякому мы легко можемъ подыскать соотвѣтствующее притяжательное прилагательное, отъ котораго затѣмъ не трудно образовать и соотвѣтствующій глаголъ. Если послѣдній былъ образованъ не отъ притяжательнаго прилагательнаго, а отъ обыкновеннаго прилагательнаго или существительнаго твердой основы, то причастіе должно было сохранить свой первоначальный суффиксъ **-ѣнъ**. Такъ возникло напр., имя **младѣнъ**, (сербск. *млѐден*, чешск. *mladěn*, польск. *młodzian*) »сдѣлавшійся молодымъ« или просто »молодой« отъ **младѣти** »дѣлаться молодымъ«, образованнаго отъ **младъ**. Подобнымъ образомъ, **словѣнъ**, предполагаетъ

имя *slovъ. Если старосл. **богословъ**, серб. *дȍслов* и т. п. и не могутъ служить въ виду ихъ книжнаго характера доказательствомъ существованія этого слова въ праславянскомъ языкѣ, то тѣмъ не менѣе оно весьма вѣроятно въ виду аналогіи: **о-стовъ, о-стровъ**. Какъ »slovo« есть »то, что слышно«, такъ »slovъ« означало, повидимому, »того, кого слышутъ, понимаютъ«. Поэтому **словѣнъ** обозначало »человѣка, говорящаго понятною рѣчью.«

Итакъ, имена и съ суффиксомъ **-ѧн-**, и съ суффиксомъ **-ѣн-** одинаково были первоначально причастіями прошедшаго времени страдательнаго залога. Отсюда слѣдуетъ, что и во множественномъ числѣ они должны были склоняться по темѣ на *-o*, и если на самомъ дѣлѣ мы видимъ формы по согласной основѣ, то послѣднія мы должны счесть за новообразованія, хотя бы и праславянскія. Весь интересъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вся трудность проблемы заключается теперь въ томъ, чтобы угадать ту форму, по аналогіи съ которой могли возникнуть образованія вродѣ **граждане, дворяне** и т. д.

Въ предыдущемъ этюдѣ, мы высказали предположеніе, что въ самую начальную эпоху праславянскаго языка, рядомъ съ субстантивированными причастіями ср. р. отъ глаголовъ на **-нти**, напр. *slovent (откуда чешск. *Slovata*), *radent (откуда сербское *Раде, Радета*), *nemъlvent (откуда польск. *niemowiątko*, чешск. *nemluvata*), существовали такія же имена и мужескаго: *slavit, *radit, *nemъlvit и т. п. Подъ вліяніемъ такихъ субстантивированныхъ причастій, какъ *otročit, *mladit, *nemъlvit, *telit, уменьшительныхъ implicite, и имена °slavit, *radit, °milit могли получить сначала уменьшительное значеніе, а потомъ и — патронимическое (ср. лит. имена на *-ytis*). Эти послѣднія вступили впослѣдствіи въ соединеніе съ притяжательнымъ суффиксомъ *-jo* и образовали притяжательныя прилагат. *slavitjъ (ср. русс. *славичъ* въ *Ярославичъ*, чешск. *Hodslavic*), *raditjъ (ср. серб. фамилію *Радић*), *militjъ (ср. серб. *Милић*) и т. д. Когда, послѣ отпаденія конечныхъ согласныхъ, прич. м. р. *slavi, *radi, *mili стали исчезать изъ употребленія, ихъ мѣсто и заняли только что указанныя притяжат. прилагат.: невозможностью ихъ измѣненій по родамъ (въ противоположность притяжат. прилагат., произведеннымъ отъ прич. ср. р. **телашть, магнашть**) лучше всего доказывается наслѣдственность ихъ функцій. Это вытѣсненіе однѣхъ формъ другими въ единственномъ числѣ должно было

совершиться раньше, чѣмъ въ множественномъ, гдѣ конечная согл. была защищена гласной. Отсюда слѣдуетъ, что въ извѣстную эпоху праславянскаго языка употреблялись еще формы множ. ч. **slavite*, **slavitъ*, **slavitьmъ* и т. д., когда надежи единств. ч. уже начинали забываться. Это обстоятельство косвеннымъ образомъ подтверждается необыкновенно большимъ количествомъ славянскихъ географическихъ и этнографическихъ названій съ суффиксомъ *-itji*, восходящихъ въ множественн. числѣ къ формамъ на **ite**). Обозначая въ этомъ числѣ разные родовые и національные союзы (задруги и племена), эти формы могли вступить въ тѣсную ассоціативную связь съ другими субстантивированными причастіями на ѣни. А если такъ, то мы имѣемъ полное право построить, напр., слѣдующую пропорцію именит. п. п. единств. и мн. ч. причастій глаголовъ **slověti* и *slaviti*: *slověnъ*: *slověni* = **slavi*: **slavite*. Но формы единств. числа вышли рано изъ употребленія: **slověnъ* было замѣнено еще въ праславянскомъ яз. *slověninъ* или *slověnьcъ*, *slavi* — **slavitjъ*. Поэтому, по равенству: *slověni* = **slavite* формы множественнаго числа должны были усилить свою и безъ того тѣсную этимологическую и семасіологическую связь еще новой-*механической*. А если такъ, то одна изъ этихъ формъ могла легко передать свое склоненіе другой. Такъ какъ **slavite* поддерживалось именами ср. р. мн. ч. *slovęta*, *radęta*, *telęta*, то *slověni* могло играть передъ первой формой только пассивную роль, и вслѣдствіе этого скорѣе подвергнуться аналогіи ея склоненія.

Высказывая настоящую гипотезу, мы отлично сознаемъ ея смѣлость и кажущуюся искусственность. Но мы не рѣшаемся отъ нея отказаться, такъ какъ она вмѣстѣ съ теоріей, изложенной въ предыдущей главѣ, объясняетъ слишкомъ много темныхъ явленій. Такъ, только при допущеніи причастнаго происхожденія нашихъ формъ, дѣлается понятнымъ:

1. Постоянное употребленіе при именахъ на *ęt* соотвѣтственныхъ глаголовъ на *-iti*.

2. Уменьшительное значеніе именъ на *ęt*.

---

*) Примѣры см. въ книгѣ Миклошича „Die Bildung der Ortsnamen" (Denkschriften W. Ak. XIV.), а также у Кадлеца „Rodinný nedíl v právě slovanském" (V Praze, 1898), str. 130.

3. Употребленіе ихъ исключительно въ среднемъ родѣ, а именъ типа **отроуишть** исключительно въ мужескомъ.

4. Потеря послѣдними ихъ первоначальнаго притяжательнаго значенія, сохраненнаго въ т. н. patronymica.

7. Отсутствіе образованій въ родѣ ***отроуѧшть** при **ѩгнѧшть** и **ѩгиишть** при **отроуишть**.

6. Измѣненіе формъ типа **ѩгнѧшть** по родамъ.

7. Очевидное семасіологическое и морфологическое сходство уменьшительныхъ именъ съ суффиксомъ *-ut*, *jut* съ именами на *ęt* и **it*.

Логическимъ выводомъ изъ всѣхъ этихъ положеній и является гипотеза, что славянскія патронимическія имена въ начальную эпоху жизни праславянскаго языка склонялись *какъ имена на -t мужескаго рода*. Но какъ только мы согласимся съ этимъ положеніемъ, весьма естественной и даже безыскусственной покажется догадка, что именно эти patronymica въ множествен. ч. передали свое согласное склоненіе и именамъ на **ѣни** и **ини**, вслѣдствіе сходства ихъ коллективнаго значенія.

Если, такъ обр., имена **словѣне**, **граждане**, **римляне** обязаны своимъ согласнымъ склоненіемъ причастіямъ на *-īt*, то мы имѣемъ полную возможность опредѣлить и относительную хронологію этого явленія. Какъ мы видѣли выше, имена на *-it* въ славянскихъ языкахъ оканчиваются на **itji* (въ восточно- и южносл. языкахъ) и *itje* въ западнославянскихъ. Но въ тѣхъ же языкахъ **граждане**, **словѣне**, **римляне** склонялись по согласному склоненію. Отсюда слѣдуетъ, что **словѣни**, **граждани**, **римляни** получили окончаніе **-е** *до* того времени, когда въ говорахъ праславянскаго языка, давшихъ начало современнымъ славянскимъ языкамъ, причастія получили суффиксъ *-jo*. Такимъ образомъ, мы опредѣляемъ крайній terminum, ante quem могло произойти явленіе.

Мы указывали также выше, что причастія на *-itj* первоначально имѣли только уменьшительное значеніе (**какъ дѣта**, **дѣтишть**) и только впослѣдствіи получили патронимическое значеніе. Но значеніе »задруги«, »племени«, »народа« они могли развить только изъ патронимическаго, а потому и повліять на именныя и массовыя названія **словѣни**, **граждани** и т. д. они могли

только тогда, когда это значеніе было имъ уже извѣстно. Такъ мы приходимъ къ крайнему termin'у, *post* quem могло возникнуть явленіе. Говоря вкратцѣ, имена на -ѣнн перешли въ имена на -ѣне въ ту эпоху праславянскаго языка, когда причастія на нште еще не подверглись вліянію именъ на *-jo*, и когда значеніе ихъ было уже достаточно широко.

Въ заключеніе нашего этюда, намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о именахъ типа *Деревлямъ*, *Деревлями* и *Деревляхъ*, въ которыхъ прежніе изслѣдователи видѣли главное доказательство согласнаго происхожденія нашихъ основъ. Мы показали выше, съ какими фонетическими натяжками соединяется эта гипотеза, которая основана на невозможномъ допущеніи выпаденія *-n* передъ слѣдующимъ *-m*. Поэтому, мы должны постараться подыскать другое объясненіе.

Мы видѣли выше, что имена *граждане, *ѕемлане и т. п. суть причастія прошедшаго времени страдательнаго залога глаголовъ, образованныхъ отъ *притяжательныхъ прилагательныхъ*. Но, какъ извѣстно, уже на первой зарѣ исторіи славянскихъ языковъ послѣднія нерѣдко употребляются абсолютно т. е. безъ того существительнаго, къ которому относятся. Такъ, уже въ первоначальной лѣтописи постоянно употребляются формы вродѣ *Ярославль* вм. *Ярославль городъ*, *Переяславль* вм. *Переяславль городъ*. Тоже самое мы видимъ и въ древнечешскомъ языкѣ, гдѣ находимъ, напр. *Soběslav'*, *Boleslav'*, склоняющіяся теперь какъ имена женскаго рода на *-i*. Въ современномъ чешскомъ языкѣ страны также называются притяжательными прилагательными, въ ихъ абсолютной формѣ: *Rusko*, *Francouzsko*, *Rakousko* (подразумѣвается království или что нибудь въ этомъ родѣ) и т. д. Что въ первомъ случаѣ произошло съ именемъ мужескаго рода, и что во второмъ — съ именемъ средняго, то въ словахъ *граѣа*, *Деревля*, *Лужа* произошло съ именемъ женскаго рода: послѣ каждаго слова здѣсь пропущено существительное »земля« или »страна«. Отсюда слѣдуетъ, что и формы *Деревлямъ*, *Деревлями*, *Деревляхъ* не имѣютъ ничего общаго съ основами на согласную, но представляютъ *совершенно правильныя формы множественнаго числа отъ прилагательныхъ притяжательныхъ, употребленныхъ абсолютно:* какъ древнер. *Ярославли* значитъ въ »городѣ Ярослава«, такъ древнер. *Деревляхъ* обозначало »въ земляхъ Деревы«; какъ *Ярославлемъ* обозначало »городомъ Ярослава«, такъ *Деревлями* обозначало »землями Деревы« и т. д. А такъ

какъ въ вообще языкахъ названіе земли нерѣдко употребляется вмѣсто названія народа гдѣ онъ живетъ, то и формы *Деревлямъ, Деревлями* и *Деревляхъ* стали обозначать не столько »страны деревичей«, сколько ихъ самихъ.

Изложенная гипотеза нѣсколько походитъ на взглядъ, высказанный по поводу тѣхъ же формъ Миклошичемъ, видѣвшимъ въ нихъ собирательныя имена женск. р.[1]) Но очень вѣскія возраженія противъ такой гипотезы привелъ ак. А. И. Соболевскій.[2])

Хотя, такимъ образомъ, имена *Деревлямъ, Деревлями* и пр. не имѣютъ ничего общаго съ основами на согласную, тѣмъ не менѣе не даромъ всѣ ученые постоянно связывали эти формы съ образованіями типа граждане. И тѣ и другія, дѣйствительно, находятся въ органическомъ родствѣ между собой, такъ какъ и тѣ и другія образованы отъ притяжательныхъ прилагательныхъ; вся разница между ними сводится къ тому, что первыя образованы отъ нихъ непосредственно, а вторыя черезъ глаголъ.

---

[1]) Въ нѣсколько, впрочемъ, неопредѣленной формѣ. (Vrgl. Gr. III² S. 16.)

[2]) Тамъ же. Нѣкоторыя изъ нихъ можно обратить и противъ нашей гипотезы, напр. указаніе на отсутствіе формъ именительнаго пад. ед. ч. этихъ »прилагательнихъ«. Но послѣднее обстоятельство легко объясняется тѣмъ, что формы **Поля*, **Деревля* и т. п., потерявъ свое прежнее значеніе »земли«, сдѣлалисъ излишними въ обиходѣ языка благодаря формамъ *Поляне, Деревляне* и т. п. Что касается до указаннаго ак. Соболевскимъ (тамъ же, стр. 223) и проф. Зубатымъ (Zur Declination der sog. -*iā*- und -*io*- Stämme im Slavischen, Archiv für sl. Ph. XV., S. 498) сохраненія *s* между гласными въ древнечешскихъ мѣстныхъ падежахъ *Dolás, Lubčás, Lužás* (ср. также Gebauer Historická mluvnice III., 1. str.), то и оно не представляетъ загадки въ виду »окаменѣлаго« характера этихъ падежей. Этотъ послѣдній дѣлаетъ невѣроятнымъ и вліяніе чешск. *rybách, vodách* на долгое произношеніе формъ *Dolás, Vrbčás*, вполнѣ понятное съ нашей точки зрѣнія (ср. dobrách).

ЭТЮДЪ ПЯТЫЙ.

РОДИТЕЛЬНЫЙ-ЛИ ПАДЕЖЪ МѢСТОИМЕНІЕ ѵьсо?

Взаимоотношеніе формъ **ѵьсо** *и* **ѵесо**. — *Двѣ гипотезы. — Абсолютное употребленіе мѣст.* **ѵь** *въ праславянскую эпоху. — Доказательства существованія мѣстоименія* **°съ** *въ праславянскомъ языкѣ. — Значеніе формъ* **ѵесого** *для рѣшенія вопроса. —* **Ѵьсо** *и* **ѵесо** *какъ славянскія новообразованія. — Косвенныя доказательства. — Прямыя доказазательства. — Условія, процессъ и причины функціональнаго перерожденія* **ѵьсо** *въ старославянскомъ языкѣ.*

Какъ извѣстно, старославянскіе памятники отличаются двоякимъ употребленіемъ родительнаго падежа единственнаго числа мѣстоименія **ѵьто**: при болѣе частомъ **ѵесо** во *всѣхъ* памятникахъ древне-болгарскаго языка встрѣчается и болѣе рѣдкая форма **ѵьсо**. Правда, кромѣ указанныхъ формъ, памятникамъ извѣстна и третья: **ѵего**; но представленная единственнымъ примѣромъ въ одномъ лишь Саввиномъ евангеліи, она можетъ быть смѣло оставлена пока въ сторонѣ.

Бругманнъ[1]), къ мнѣнію котораго примкнулъ и авторъ послѣдней по времени грамматики старославянскаго языка, д-ръ Вондракъ[2]), такъ объясняетъ взаимоотношеніе обѣихъ формъ:

---

[1]) Grundriss, II, стр. 779.

[2]) Altkirchenslavische Grammatik, Berl. 1900, стр. 185. Такого же мнѣнія держится проф. Гиртъ „Zur Endung des Gen. Sing. der Pronomena" (I. F. II, стр. 132), болѣе оригинальнаго ак. Ф. О. Фортунатовъ «Объ ударенiи въ балтійскихъ языкахъ» Р. Ф. В. 33 годъ, стр. 289.

форма чєсо представляетъ собой архаическій родит. п. ед. ч., соотвѣтствующій греч. *τέο*. Изъ этой формы и возникло чьсо подъ вліяніемъ именит. п. ед. чьто.

Съ этимъ объясненіемъ, однако, невозможно согласиться. Если чьсо возникло изъ чєсо, то невольно рождается вопросъ, почему то же самое явленіе не произошло и съ формой чєго. Скажутъ, что этому препятствовала рѣдкость употребленія самой формы въ старославянскомъ языкѣ, но на это можно возразить, что западнославянскіе языки, незнающіе совсѣмъ въ своихъ древнѣйшихъ памятникахъ формы česo, очень часто, однако, употребляютъ формы čeho, czego и т. п., но никогда čho, czg и т. д.

Но если насъ не можетъ удовлетворить гипотеза Бругманна-Вондрака, то, быть можетъ, болѣе правы тѣ ученые, которые видѣли, наоборотъ, въ чьсо архаизмъ, а въ чєсо-новообразованіе? Изъ представителей послѣдняго мнѣнія мы можемъ назвать здѣсь Бенфея[1]), Боппа[2]), Шлейхера[3]), Миклошича[4]), Лескина[5]) и Соболевскаго[6]).

Къ сожалѣнію, и это объясненіе исполнено такихъ недомолвокъ и неточностей, что врядъ-ли удовлетворитъ кого-либо изъ современныхъ изслѣдователей. Прежде всего, эта гипотеза оставляетъ совершенно неяснымъ тотъ процессъ, какимъ чєсо возникло изъ чьсо. Такъ какъ ь въ открытыхъ слогахъ, по законамъ славянской фонетики, не можетъ переходить въ є, то единственной причиной такого перехода въ данномъ случаѣ могла быть аналогія другой подобной грамматической формы, напр. чєго. Но если бы это было дѣйствительно такъ, то мы скорѣе ожидали бы встрѣтить форму чєсо не въ старославянскомъ языкѣ, гдѣ форма чєго не встрѣчается почти совсѣмъ, а въ языкахъ западнославянскихъ, употребляющихъ формы čeho, czego очень часто. Кромѣ того, и звуковой составъ формы чьсо не

---

[1]) Ueber die indogerm. Endungen des Gen. sing. стр. § 25.

[2]) Vrg. Gr. II, 534.

[3]) Formenlehre der Kirchenslav. Sprache, Bonn 1852, стр. 268.

[4]) Vrgl. Gr. III², стр 52. Ср. еще „Über die Genitivendung *go* in der pronominalen Declination der slavischen Sprachen“ (Sitzb d. Philhist. Cl. LXII, B. S. 48—52).

[5]) Declination im Slavisch-Litauischen und Germanischen. Leipz. 1876. Handbuch³, стр. 89.

[6]) Статьи по славянорусскому языку. Варшава, 1883, стр. 10. Ср. впрочемъ Ж. М. Н. П. 1895, май, стр. 89—90.

говоритъ въ пользу ея архаическаго происхожденія. Вѣдь если второй слогъ соотвѣтствуетъ по Бругманну[1]) формѣ *so, готск. þi-s, д. в. н. de-s, англо-саск. otœs, то, по закону Уленбека[2]), с нашей формы должно было бы перейти въ х, и форма ѵьсо должна была бы звучать поэтому *čьcho.

Но если ни форма ѵьсо изъ ѵесо, ни форма ѵесо изъ ѵьсо не могутъ быть объяснены одна изъ другой, то изъ этого можно сдѣлать лишь тотъ выводъ, что обѣ формы связаны между собой не прямымъ родствомъ, а, по меньшей мѣрѣ, лишь косвеннымъ. Другими словами, логикъ фактовъ ведетъ насъ къ заключенію, что обѣ формы произошли совершенно самостоятельно и независимо одна отъ другой.

Откуда же онѣ ведутъ свое начало?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, обратимъ вниманіе на слѣдующее обстоятельство.

Какъ извѣстно, мѣстоименіе ѵьсо въ качествѣ союза употребляется главнымъ образомъ въ западнославянскихъ языкахъ; въ великорусскомъ языкѣ, въ восточноболгарскомъ и восточносербскомъ въ томъ же значеніи употребляется союзъ *что* или *што*. Происхожденіе послѣдняго ясно. Къ именит.-винит. п. ср. р. отъ мѣстоименія ѵь (= к²ь) присоединяется для усиленія именит.-винит. п. ср. р. мѣстоименія тъ, откуда, послѣ выпаденія ь и ассимиляціи предыдущаго ѵ послѣдующему т, и получается въ результатѣ што. Но въ данномъ случаѣ насъ интересуетъ не столько способъ композиціи мѣстоименія, какъ извѣстно, весьма обычный въ образованіи мѣстоименій въ индоевропейскихъ языкахъ вообще, сколько тотъ фактъ, что это *то* играло роль эпитетической частицы непостоянно и необязательно. Такъ, оставляя въ сторонѣ *старославянскія* формы, какъ иниѣжь, достаточно напомнить здѣсь современное болгарское, почти вытѣсненное союзомъ да, *че*, чакавское *ча*, древнечешское če, польское *przeč, niveez* діалектическое великорусское *чо* (= че), чтобы убѣдиться въ томъ, что абсолютное употребленіе частицы čь едва ли не было господствующимъ въ первую эпоху жизни общеславянскаго языка.

---

[1]) Статьи по славянорусскому языку. Варшава 1883, стр. 10.

[2]) Archiv für slav. Ph. B. XVI, 384.

Это обстоятельство и указываетъ намъ путь для болѣе вѣрнаго объясненія формы **чьсо**. Въ самомъ дѣлѣ, если форма **чьто** представляетъ собой не что иное, какъ сочетаніе **чь** + **то**, и если послѣдняя часть слова не составляетъ даже въ современныхъ славянскихъ языкахъ непремѣннаго спутника первой, то нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что въ нѣкоторыхъ говорахъ и случаяхъ общеславянскій языкъ могъ прибѣгать для усиленія союза **čь** не къ мѣстоименію **тъ**, а къ какому-нибудь другому.

По нашему мнѣнію, именно такой случай мы и имѣемъ въ старославянской формѣ **чьсо** и западнославянской *со*, гдѣ второй слогъ представляетъ не архаическое окончаніе род. пад. ед. ч. *so* или *sja*, а *совершенно правильную форму имгнит.-винит. падежа ср. р. полузабытаго указательнаго мѣстоименія съ* (= $к^1ъ$).

Прежде чѣмъ доказать, что мѣстоименіе **чьсо** имѣетъ именно такое происхожденіе, докажемъ сначала, что мѣстоименіе *съ* существовало въ общеславянскомъ языкѣ вообще.

Если мы обратимся къ старославянскимъ формамъ мѣстоименія **сь**, то сразу замѣтимъ, что въ морфологическомъ отношеній онѣ распадаются на три разряда[1]).

Первый разрядъ составляютъ архаическія образованія на *-i*. Ихъ можно расположить для болѣе нагляднаго разсмотрѣнія въ слѣдующую таблицу:

	Ед. ч.			Мн. ч.	Дв. ч.	
Формы:	*м.*	*с.*	*ж.*	*м. с. ж.*	*м.*	*с. ж.*
Именит. п.	**сь**[2])	**сь**[3])	**сь**[4])	**си**[8])	**си**	**си**[7])
Винит. »	**сь**	**сь**	**сь**	**си**	**си**	**си**
Творит. »	**си**[5])					
Мѣстн. »	**си**[6])					

---

[1]) Въ нижеслѣдующемъ пользуемся этюдомъ ак. А. И. Соболевскаго, вошедшимъ въ составъ его »Статей по славянорусскому языку« (Варш., 1883).

[2]) Ср. ст.-сл. **гость**.

[3]) Ср. русс. формы: *лѣто-сь*, болг. *лѣто-с*, серб. *лѣто-с*, словенск *leto-s*, польск. *lato-ś*, или велик. *здѣ-сь*, малорусск. *де-сь*, польск. *gdze-ś*, чешск. *kde-s*, или малор. *хто-сь*, польск. *kto-ś*, чешск. *kdo-s* и т. п.

[4]) Ср. ст. сл. **кость** и русс. *ноче-сь*, болг. *нощте-с*, серб. *ноћа-с*.

[5]) Ср. част. **си**, **сикъ**.

[6]) Ср. ст.-сл. **си-нощти**, др.-р. *синочи*, болг. *си-нокь*, серб. *синоћ*, чешск. *s-noci*.

[7]) Ср. ст.-сл. **кости**.

[8]) Ср. **три**, **чєтыри**.

Гораздо болѣе многочисленны формы второго разряда, представляющія новообразованія по аналогіи мѣстоименій на -jo:

	Ед. ч.	Дв. ч.	Мн. ч.
Формы:	*м. с. ж.*	*м. с. ж.*	*м. с. ж.*
Именит. п.	сь		
Родит. »	сего сего сеꙗ	сею	сихъ
Дат. »	семоу семоу сеи	сима	симъ
Винит. »	сь		
Твор. »	симь, симь сеіѫ	сима	сими
Мѣстн. »	семь, семь сеи	сею	сихъ

Наконецъ, третью категорію образуютъ формы *сложнаго* происхожденія. Это именно.

Винит. ед. ч. ж. р. сиѭ
Именит. и винит. дв. ч. м. р. сиꙗ и
Именит. и винит. мн. ч. м. и ж. р. сиꙗ.

За исключеніемъ двухъ образованій: формы именит. ед. ж. р. си и формы им. п. м. р. мн. ч. си, въ наши таблицы вошли всѣ формы, приводимыя обыкновенно въ парадигмахъ старославянскихъ грамматикъ. Первое изъ этихъ исключеній, какъ указалъ еще Соболевскій[1]), представляетъ вѣроятно новообразованіе по образцу такихъ словъ, какъ *пустыни, радощи;* второе же нашъ ученый оставилъ безъ объясненія. Между тѣмъ, стоитъ только сопоставить форму им. п. мн. ч. си съ формой ти, чтобы убѣдиться, что первое представляетъ новообразованіе на -о[2]).

Что рядомъ съ формой именит. мн. въ древности существовали и другіе падежи отъ мѣстоименія *съ, доказываютъ, вопервыхъ нарѣчія сѫдоу и отсѫдоу (resp. тѫдоу и отътѫдоу), первыя части которыхъ представляютъ не что иное, какъ формы винительнаго падежа. Правда, на основаніи русск. *сюда* и *отсюда* могутъ возразить, что здѣсь мы имѣемъ дѣло не столько съ исконнымъ различіемъ основъ, сколько съ отверденіемъ коренной согласной[3]) но противъ такого предположенія рѣшительно про-

---

[1]) Тамъ же, стр. 10.

[2]) Ср. H. Hirt, Zu den slavischen Auslautgesetzen (I. F., II, S. 356).

[3]) Ср. напр. В. Ягича, Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка. Спб., 1889, стр. 74.

тестуетъ и сербскій языкъ, памятники котораго пишутъ всегда соудоу и отсоудоу (см. Lexicon Миклошича), и чешскій (въ южныхъ говорахъ его до сихъ поръ слышатся формы вродѣ po su dobu, po sou dobu[1])) и русскій языкъ, великорусское нарѣчіе котораго очень часто употребляетъ *отсуда, суда*[2]).

Во-вторыхъ, отъ основы на -о образовано безъ всякаго сомнѣнія русское нарѣчіе *семъ, семка* (= сѣмъ), которое представляетъ собой не что иное, какъ древнюю форму мѣстн. ед. Что коренная гласная здѣсь *ѣ*, а не *е*, это доказываютъ сербскія (черногорскія) нарѣчія сјѐм, ȍсим (при осем) praeter, praeterquam (Словарь Караджича), словенскія sem, semuč, her, hieher (Pleteršnik) и чешскія sem, her, hieher.

Наконецъ, въ третьихъ, вмѣстѣ съ Миклошичемъ[3]), мы видимъ образованіе на -о и въ словенской формѣ родит. п. мн. ч. sêh, сохранившейся въ выраженіяхъ, подобныхъ po sêh mal, do sêh dob. Интересно, что такая же форма sêh встрѣчается однажды и на страницахъ »Османа« Гундулича[4]).

Скажутъ что эта форма образована по аналогіи мѣсто именія тъ, подобно тому какъ сѣверновеликорусс. *соводня*, возникло по аналогіи *того дня*, но здѣсь намъ важена самая возможность существованія такого мѣстоименія, а не способъ его возникновенія.

Итакъ, мы уже знаемъ четыре формы мѣстоименія *съ, несомнѣнно существовавшія и отчасти существующія еще въ славянскихъ языкахъ.[5]) Къ этимъ образованіямъ мы смѣло присоединяемъ теперь и пятую форму — именительнаго и винительнаго падежа ср. р., сохранившагося во второй части мѣстоименія ѵьсо, сотацкомъ *so* (вм. *со*), и въ первой части нар. sotva (ср. ѥдъва).[6]) Главнымъ *реальнымъ* основаніемъ этой гипотезы можетъ служитъ слѣдующій фактъ.

---

[1]) Miklosich, Vrgl. Gr. III², стр. 366. Ср. тамже соврем. ческ. *dosud, posud.*

[2]) А. Соболевскій, Лекціи², стр. 120.

[3]) Vrgl. Gr. III², стр. 147. [4]) Тамъ же, стр. 220.

[5]) Нѣкоторыя другія *именныя* формы того же мѣстоименія мы разсматриваемъ въ слѣдующихъ этюдахъ.

[6]) Respective *sotva* (со + дъва) въ чешскомъ языкѣ употребляется и *setva* (изъ се + дъва). Gebauer, Historická mluvnice, I, 249. Ср. также южночешское *doposevad* при *doposovad* (Dušek, Hláskosloví nářečí jihočeských. V Praze 1897, str. 13, 14).

Какъ извѣстно, одной изъ характерныхъ особенностей памятниковъ старославянскаго языка является употребленіе слѣдующихъ формъ косвенныхъ падежей отъ мѣстоименія **ѵьто**: родит. п. **ѵесого** (1 разъ: Саввино Ев.), **ѵьсого** (2 раза: Супр. ркп.); дат. п.: **ѵесомоу** (2 раза въ Зогр. Ев., 5 разъ въ Мар. Ев., 1 разъ въ Ассем. Ев., 1 разъ въ Остром.); **ѵьсомоу** (2 раза въ Зогр. Ев.) и мѣстн. ед. **ѵесомь** (1 разъ въ Мар. Ев., 1 разъ въ Супр. ркп., 1 разъ въ Савв. Ев. и 1 разъ въ Остром.)[1]).

Обыкновенно всѣ такія формы объясняются какъ новообразованія: аномальный характеръ окончанія род. п. **со** слишкомъ изолировалъ эту форму между другими формами родит. п. и сдѣлалъ возможнымъ присоединеніе къ ней, *какъ къ основѣ,* окончаній **-го**, **-моу** и **-мь**[2]). По нашему мнѣнію, нѣтъ ничего ошибочнѣе такого объясненія. Прежде всего слѣдуетъ сказать, что если бы въ такомъ объясненіи была хоть тѣнь истины, то, конечно, второю частью этихъ мѣстоименій были бы не суффиксы **-го**, **-моу** и **-мь**, которые, какъ *отдѣльныя слова,* въ эпоху памятниковъ уже не существовали, а мѣстоименія **ѥго**, **ѥмоу** и **ѥмь**; другими словами наши формы звучали бы въ такомъ случаѣ не **ѵесого**, **ѵесомоу** и **ѵесомь**, а ***ѵесоѥго**, ***ѵесоѥмоу** и ***ѵесоѥмь**. Кромѣ того, сравнительно широкая распространенность самого явленія въ памятникахъ, въ силу которой, напр., форма дат. п. ед. ч. **ѵемоу** даже совсѣмъ вышла изъ употребленія, указываетъ на глубокую древность явленія, а слѣдовательно и на вполнѣ его жизненный, органическій характеръ. Мы не говоримъ уже, что самый фактъ такой »агглютинаціи« въ высшей степени противорѣчитъ духу старославянскаго словообразованія вообще.

Между тѣмъ, всѣ эти формы мгновенно потеряютъ свой загадочный характеръ, какъ только мы во второмъ слогѣ мѣстоим. **ѵьсо** признаемъ форму родит.-вин. ср. р. отъ мѣстоименія ***съ**. Съ такой точки зрѣнія, слоги **-сого**, **-сомоу** и **-сомь** явятся со-

---

[1]) R. Scholvin, Beiträge zur Declination in den pannonisch-slovenischen Denkmälern des Altkirchenslavischen Archiv für slav. Ph. B II (1877, стр. 558—560), В. Ягичъ, Маріинское Ев. Спб., 1883, указатель. А. Востоковъ, Остромирово Евангеліе. Спб. 1843, указатель.

[2]) A. Leskien, Handbuch[2] стр. 88—89, V. Vondrák, Altkirchenslavische Grammatik, Berl. 1900, стр. 184—185, A. Meillet, Recherches sur l'emploi du genitif-accusatif en vieux-slave. Paris, 1897, стр. 115. Только ак. Ф. О. Фортунатовъ взглянулъ на эти формы какъ на архаизмы, сближая ихъ съ извѣстнымъ арійскимъ суффиксомъ *sm* (тамъ же, стр. 289).

вершенно правильными *косвенными* падежами къ этому мѣстоименію, а цѣлыя формы: **чесого, чесому** и **чесоѥ** такими же правильными *сложными* образованіями, какъ и, напр., форма **коѥго, коѥмоу** и **коѥѥ** при **кои, моѥго, моѥмоу** и **моѥѥ** при **мои.**[1]) Какъ эти послѣднія формы представляютъ собой composita изъ чистой основы извѣстнаго мѣстоименія и соотвѣтствующаго падежа мѣстоименія **и**, такъ наши формы представляютъ сложеніе изъ основы **че** + или родит., дательный или мѣстный падежъ мѣстоименія ***съ**. Вся разница между обѣми категоріями формъ сводится, такимъ образомъ, къ различному выбору для второй части сложнаго мѣстоименія: первыя присоединяютъ къ основамъ **ко-**, **мо-** мѣстоименіе **и**, вторыя-мѣстоименіе ***съ**.

Если происхожденіе нашихъ формъ именно таково, то намъ тотчасъ же станетъ яснымъ взаимоотношеніе обѣихъ мнимоархаическихъ формъ **чьсо** и **чесо**. По пропорціи: **коѥго : коѥ** = **чесого** : х. легко догадаться, что въ данномъ случаѣ = **чесо**. А это значитъ, что и **чьсо** и **чесо** не произошли другъ отъ друга, но представляютъ собой совершенно независимыя и самостоятельныя образованія. Обѣ формы, сходясь между собой своей второй частью (которая, повторяемъ, есть не что иное, какъ именит.-винит. п. мѣстоим. ***съ**), совершенно расходятся въ первой: въ то время какъ **чь-** въ **чьсо** восходитъ къ ***к²і**, склонявшейся по темѣ на -і, и потому имѣвшей одну и ту же форму для всѣхъ трехъ родовъ, **че-** въ **чесо** представляетъ новообразованіе по темѣ на -jo.

Отсюда слѣдуетъ, что **чьсо** и **чесо** не имѣютъ ничего общаго ни съ санскр. tasja, ни съ греч. *τέο*, но представляютъ самостоятельныя образованія на славянской почвѣ. Самостоятельныя по отношенію къ другимъ индоевропейскимъ языкамъ, онѣ самостоятельны и по отношенію другъ къ другу, причемъ вторая форма хронологически моложе первой.

Этотъ выводъ имѣетъ для насъ громаднѣйшее значеніе и сразу озаряетъ яркимъ свѣтомъ множество фактовъ, которые, при прежнемъ объясненіи нашихъ формъ, оставались совершенно непонятными. Мы приведемъ ихъ всѣ, такъ какъ они служатъ

---

[1]) На то же указываетъ и удареніе, которое, кажется, стояло на первомъ слогѣ мѣстоименія **чесого**. Ср. **чесому** (resp. **коѥмоу**) въ Зографскомъ спискѣ Сказанія черноризца Храбра (П. Лавровъ, Извѣстія отд. русс. яз. I, стр. 585).

провѣркой нашей гипотезы и вмѣстѣ съ тѣмъ *косвенными* доказательствами ея правильности.

1. Во-первыхъ, совершенно яснымъ становится теперь, почему с въ мѣстоименіи ѵьсо не переходитъ послѣ ь въ х: это непремѣнно и случилось бы съ нимъ, если so соотвѣтствовало санскр. tasja или греч. *τέο*, гдѣ s = индоевреп. s. Но такъ какъ с здѣсь восходитъ къ к, то, очевидно, оно должно было сохранить свое качество.

2. Западно-славянскіе языки обнаруживаютъ тенденцію замѣнять именит. п. родительнымъ нисколько не въ большей степени, чѣмъ юго-славянскіе или восточно-славянскіе. Тѣмъ удивительнѣе, поэтому, казался фактъ, что въ то время какъ послѣдніе употребляютъ вопросительное мѣстоименіе ѵьто въ формѣ винит. п., первые (за исключеніемъ одного верхнелужицкаго) избрали для той же цѣли родит. п. Наше объясненіе разрушаетъ это противорѣчіе, доказывая, что обѣ формы (ѵьсо и ѵьто) при различіи второй части сходятся въ единствѣ функцій.

3. Въ древне-чешскомъ и древнепольскомъ языкахъ, рядомъ съ обычной формой cso, со встрѣчается и другая cse, ce. При популярномъ объясненіи формъ ѵьсо и ѵесо, это явленіе оставалось непонятнымъ.[1]) Съ нашей точки зрѣнія опять-таки нѣтъ ничего проще этого явленія: онѣ представляютъ собой не родит. п. ед. ч., а винит. ед., съ тѣмъ отличіемъ отъ *со*, что въ послѣдней второю частью служитъ мѣстоименіе съ, а въ первомъ — *сь.

Всѣ эти факты оправдываютъ нашу гипотезу только *косвеннымъ образомъ*. А вотъ и *прямыя* доказательства ея справедливости:

1. А. И. Соболевскій указалъ, что въ древнерусскихъ памятникахъ мѣстоименіе ѵесо употребляется не только въ значеніи родит. п., но и именит.-винит. Этотъ фактъ показался нашему ученому такъ замѣчательнымъ, что онъ не только внесъ его въ свои «Лекціи по исторіи русскаго языка«[2]), но и посвятилъ его изслѣдованію особую статью[3]). Тамъ приведены между прочимъ такіе поразительные примѣры, какъ слава моѥ ниѵ'со

---

[1]) Gebauer, Historická mluvnice jazyka českého, I, стр. 241.

[2]) Лекціи[2], стр. 184.

[3]) Статьи по славянорусскому языку. Варш., 1883, стр. 13. Другіе примѣры см. еще въ статьѣ «Два памятника галицко волынскаго нар.« Р. Ф. В. XII., стр. 99.

же ѥсть (Арханг. Ев.), не бысть нинусо же (Добрил. Ев.), не въсхытитъ нхъ нинъсо же (Румянцев. Ев.), неусо просящи (Ев. Георгія сына попа Лотыша) и др. Эти факты уже *прямо* противорѣчатъ обычному представленію о мѣстоименіи ъсо какъ о родительномъ пад.

2. Да и въ самомъ старославянскомъ языкѣ существуютъ прямыя доказательства того, что мѣстоименія ъсо и есо, по крайней мѣрѣ, нѣкогда имѣли значеніе именит.-винит. пад. Такъ, въ Маріинскомъ Ев. находимъ формы неусо [1]), а въ Супрасльской ркп. неъсо [2]), — образованія, совершенно необъяснимыя со старой точки зрѣнія. Далѣе, если принять во вниманіе, съ одной стороны, что во всѣхъ памятникахъ старославянскаго языка существуютъ формы нинъто, т. е. съ именит. п. послѣ отрицанія, съ другой стороны, что въ тѣхъ же рукописяхъ чрезвычайно распространены и формы типа нинъсо, несомнѣнно существовавшія уже въ языкѣ первоначальнаго перевода, то покажется въ высшей степени правдоподобной догадка, что послѣднія формы *первоначально* представляли не родительные падежи, а именительно-винительные. Наконецъ, если мы обратимся къ анализу самихъ формъ родит. п. есо, то на ряду съ такими несомнѣнными формами родит. п., какъ есо ради, найдемъ и цѣлый рядъ такихъ, гдѣ ъсо или есо можно съ одинаковымъ правомъ толковать и какъ формы родит. и какъ формы винит. Чтобы не быть голословными, укажемъ хотя бы на слѣдующіе примѣры: не имѫтъ ти есо въздати ти (Л. XIV, 14) (Мар. Ев.); есо просите (Іоан. XIV, 14) (Зогр. Ев.).

3. Мы видѣли, что въ старославянскихъ памятникахъ рядомъ съ несравненно болѣе частыми мѣстоименіями есого, есомоу и есомь встрѣчаются и болѣе рѣдкія ъсого, ъсомоу и ъсомь. Такъ какъ корреспонденты этихъ формъ: коего, моего и т. п. въ первомъ своемъ слогѣ имѣютъ всегда чистую основу, то очевидно, что изъ двухъ группъ косвенныхъ падежей первая должна быть первоначальнѣе. И дѣйствительно, если мы обратимся къ памятникамъ, особенно консервативнымъ въ употребленіи глухихъ, вродѣ Саввина или Остромирова Евангелія, то мы найдемъ въ нихъ образованія исключительно съ е. Что касается ь, то онъ, безъ сомнѣнія, проникъ сюда изъ именительнаго па-

---

[3]) Ягичъ, тамъ же.

[4]) R. Scholvin, тамъ же, стр. 560.

дежа. Какъ подъ вліяніемъ чии произошли формы чи-ѥго, чи-ѥмоу и т. д. вм. *чє-ѥго, *чєѥмоу и т. д., такъ по аналогіи чьсо явились формы чьсого, чьсомоу и т. д.

Итакъ, мы объяснили при помощи нашей гипотезы нѣсколько темныхъ вопросовъ въ исторіи мѣстоименій чьсо и чєсо; но мы не рѣшили, однако, самаго главнаго изъ нихъ, при какихъ условіяхъ, какимъ образомъ и по какой причинѣ именит.-винит. падежъ могъ въ одномъ славянскомъ языкѣ (древнеболгарскомъ) такъ рано получить функцію родительнаго падежа: не смотря на нѣсколько примѣровъ, доказывающихъ, что чьсо и въ старослав. яз. означалъ нѣкогда именит.-винит. п., все-таки громадное число примѣровъ въ старослав. памятникахъ говоритъ въ пользу родит., а не винительнаго.

На поставленные сейчасъ три вопроса мы отвѣчаемъ себѣ такимъ образомъ:

Условіемъ функціональной трансформаціи мѣстоименія чьсо и чєсо служило существованіе въ старославянскомъ языкѣ родительнаго п. ед. ч. чєсого; *процессъ* этого функціональнаго перерожденія состоялъ въ смѣшеніи значенія обѣихъ формъ въ отрицательныхъ предложеніяхъ и, наконецъ, *причиной* явленія было совершенно изолированное положеніе нашихъ формъ въ ряду другихъ категорій этой части рѣчи.

Что это такъ, доказываютъ слѣдующія соображенія.

Мы видѣли выше, что форма чєсомоу и чєсомь, съ одной стороны, и форма чєсого, съ другой, распространены въ памятникахъ далеко неравномѣрно: въ то время какъ первыя почти совершенно вытѣснили формы чємоу и чємь, форма чєсого не только не заняла мѣсто чєсо, но напротивъ, удержала свои позиціи только въ трехъ мѣстахъ двухъ рукописей. Такое ограниченное употребленіе этой формы объясняется, по нашему мнѣнію, тѣмъ, что чєсо оказалось побѣдителемъ въ борьбѣ за существованіе съ формой чєсого. Обѣ формы впервые столкнулись вѣроятно въ отрицательныхъ предложеніяхъ. Какъ мы видѣли, еще въ языкѣ первоначальнаго перевода существовали такія формы, какъ ничєсо, гдѣ чєсо имѣло значеніе именит. п. Но такъ какъ въ общеславянскомъ языкѣ очень рано послѣ отрицанія вмѣсто винит. п. началъ появляться и родит., то рядомъ съ формой ничєсо, должна была скоро явиться и форма ничєсого. Вслѣдствіе изолированнаго положенія нашихъ мѣстоименій вообще, первая изъ этихъ формъ могла легко смѣшиваться со второй.

Это смѣшеніе должно было наступить тѣмъ легче, что форма **инчесого**, вслѣдствіе своей длинноты, стремилась къ упрощенію. Отъ этого брака двухъ формъ и произошла третья, которая отъ своего отца заимствовала тѣло, а отъ матери — душу, т. е. функцію родит. п.

Что процессъ рожденія нашей формы былъ именно такой, доказываютъ и слѣдующія — увы, только косвенныя! — соображенія:

1. Во всѣхъ старославянскихъ памятникахъ форма **чесо** статистически преобладаетъ надъ **чьсо**. Съ нашей точки зрѣнія, это явленіе находитъ себѣ объясненіе въ большемъ сходствѣ формы родит. п. **чесого** съ **чесо**, чѣмъ съ **чьсо**.

2. Замѣчательно, что, въ противоположность мѣст. **чьсо**, **чьто** чрезвычайно рѣдко принимаетъ функцію родит. п. Причина этого явленія лежитъ въ отсутствіи въ старославянскомъ языкѣ формъ вродѣ ***четого**, съ которымъ **чьто** могло бы вступить въ контаминацію.

3. Подобнымъ же образомъ объясняется, почему западнославянское со не употребляется въ значеніи родит. п.: не имѣя формъ *česoho или czesogo, онѣ не могли подвергнуться ихъ функціональному вліянію. [1])

На этомъ мы и могли бы кончить наше изслѣдованіе. Но прежде чѣмъ это сдѣлать, мы должны отвѣтить еще на одно возраженіе, которое, повидимому, можетъ совершенно поколебать нашу гипотезу. Оружіе для такого возраженія даетъ сербское слово *чесов*, представляющее какъ-будто глубокій архаизмъ. На самомъ дѣлѣ, это не такъ. Если обратиться къ Рјечник'у Даничича, то мы найдемъ тамъ древнѣйщіе примѣры этого слова не раньше XVII в., а это обстоятельство и даетъ намъ право отнестись къ этому слову какъ позднѣйшему новообразованію на почвѣ сербскаго языка.

---

[1]) Нижнелужицкія *сого*, *соти* и *сот* (Мука, тамъ же, стр. 430) не противорѣчатъ этому положенію, такъ какъ въ основѣ ихъ лежитъ *съго*, а не *česo*, съ которой могла бы совпасть нормальная и первоначальная форма родит. п. *česoho*. Что процессъ, замѣченный нами въ старосл. языкѣ, *отчасти* коснулся и западнославянскихъ доказываютъ древнечешскія формы: *ze co, ze съго* (Gebauer, ibid., str. 466).

ЭТЮДЪ ШЕСТОЙ.

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ОБРАЗОВАНІИ МѢСТОИМЕННЫХЪ НАРѢЧІЙ.

Происхожденіе славянскихъ нарѣчій вообще. — Нарѣчія съ суффиксами **-ıа** *и* **-ıи** *и ихъ общепринятое объясненіе. — Принципъ образованія мѣстоименныхъ нарѣчій. — Этимологія суффикса* **-ıа**. *— Именительный падежъ къ мѣстоименію* **тъкъıа**. *— Этимологія суффикса* **-ıи**. *— Остатки именительнаго падежа. — Нарѣчія съ суффиксомъ* **ли**. *— Отношеніе* **ли** *къ* **си** *и его этимологія. — Русскій суффиксъ-мя и его происхожденіе.*

Какъ извѣстно, большая часть старославянскихъ и вообще славянскихъ нарѣчій представляетъ не что иное, какъ падежи существительныхъ именъ и мѣстоименій, потерявшіе по разнымъ причинамъ свою ассоціативную связь съ другими своими товарищами по склоненію. Такъ, нарѣчія **мъного**, **мало**, **зѣло**, **тоуıе**, **тако** представляютъ винительный пад. ед. ч. отъ основъ на *-о*; **кинзъ**, **близъ**, **низъ** и др. — винительный п. отъ основъ на *-u*; **искрь**, **вънѫтрь**, **гладь**, **ниць**, **особь**, **соуговь** — винительный пад. основъ на *-i*; **горѣ**, **долѣ**, **поздѣ**, **кромѣ**, **развѣ**, **зълѣ** — мѣстный п. основъ *-о*; **въторицеѫ**, **мъножицеѫ**, **тъчьѫ**, **ıедьноѫ**, **бъшьѫ** — творительный п. ед. ч. основъ на *-а* и *-ja*; **латиньскы**, **пакы**, **малы**,**дкы** творительный п. мн. ч. основъ на *-о*, и т. д.[1]).

Къ числу такихъ же »окаменѣлыхъ« падежей грамматики старославянскаго языка относятъ обыкновенно еще двѣ категоріи нарѣчій: 1. нарѣчія съ суффиксомъ **ıа**: **вьсьıа**, **бъхъıа**, **дѣльıа**, **поудъıа** или **поудьıа**, **радьıа**, **тольıа**, **ıельıа**, **тъкъıа**; 2. на-

---

[1]) A. Leskien, Handbuch³, 97—99; V. Vondrák, Altkirchenslavische Grammatik, Wien, 1900, I, 310—311.

рѣчія съ суффиксомъ **-ми**: **вельми, больми, большьми, мьньшьми, кольми, тольми, ѥльми.** Первую категорію сближаютъ обыкновенно съ дательнымъ и творительнымъ падежами двойственнаго числа отъ основъ на *-о*, а вторую — съ творительнымъ п. множественнаго числа основъ на *-і*.

Какъ ни точно отвѣчаютъ наши нарѣчія этимъ падежамъ, врядъ-ли, однако, можно согласиться съ подобной морфологической квалификаціей. Противъ послѣдней говоритъ прежде всего почти полное отсутствіе въ ряду мѣстоименныхъ формъ образованій на *-і* множественаго числа: одно изъ немногихъ мѣстоименій, склонявшихся по этой темѣ — **сь**, какъ извѣстно, очень рано перешло почти цѣликомъ въ область категоріи основъ на — *ѹо* и отчасти даже основъ на — *о*. Въ частности, невѣроятно вліяніе двойственнаго числа на нарѣчія: **вьсьма, тольма, ѥльма, тъкъма**, весьма далекія даже отъ какого-нибудь намека на двойное значеніе, и вліяніе основъ на — *і* на склоненіе прилагательныхъ: **болии, мьнии** и т. д.

Эти соображенія представляются до такой степени естественными, что надо удивляться, какимъ образомъ ошибочность популярнаго объясненія нашихъ нарѣчій не бросалась въ глаза ученымъ раньше и не заставляла ихъ искать болѣе правильнаго пути для объясненія загадочныхъ формъ. По нашему мнѣнію, этотъ путь долженъ быть такой:

Если оставить въ сторонѣ на время тѣ нарѣчія, которыя произведены отъ именъ существительныхъ (напр. **бъхъма, поудъма, дѣльма**) или прилагательныхъ (напр. **большьми, мьньшьми** и др.), то мы получимъ рядъ нарѣчій, образованныхъ несомнѣнно отъ мѣстзименій. Таковы **тольма** — **тольми, кольма** — **кольми** и т. д. Сопоставляя съ послѣдними другія мѣстоименныя нарѣчія, какъ напр. **къгда, къде, тамъ, тоутъ, тѫда** и т. п., не трудно усмотрѣть основной принципъ ихъ образованія: къ именительному или косвенному падежу извѣстнаго мѣстоименія, присоединяется опредѣленный суффиксъ, въ видѣ-ли мѣстоименія, или въ видѣ какой-нибудь частицы также несомнѣнно мѣстоименнаго происхожденія. Этотъ суффиксъ, въ свою очередь, можетъ стоять или въ именительномъ падежѣ, какъ напр. въ нарѣчіи **тѹтъ**, или въ косвенномъ, напр. въ нарѣчіи **тѫдоу** или **пакы**. Съ такой точки зрѣнія, въ ряду подобныхъ мѣстоименныхъ нарѣчій не составятъ исключенія по своему образованію и наши формы: **кольма, тольма, ѥльма**, суффиксы которыхъ, по примѣрной пропорціи: **тольма**:

тъгда = ма : да, находятся въ полномъ соотношеніи между собой. Отсюда слѣдуетъ, что, для объясненія ихъ происхожденія, мы не имѣемъ права прибѣгать къ падежнымъ флексіямъ именъ существительныхъ, но должны постараться выяснить ихъ генезисъ, оставаясь на строго-мѣстоименной почвѣ.

Попробуемъ сдѣлать это прежде всего для суффикса -ма. Такъ какъ вышеизложенный принципъ образованія мѣстоименныхъ нарѣчій требуетъ, чтобы ихъ суффиксъ представлялъ собой извѣстный падежъ мѣстоименія, то посмотримъ, нельзя-ли найти въ -ма слѣдъ какого-нибудь падежного образованія. По законамъ сравнительной фонетики индо-европейскихъ языковъ, онъ можетъ представлять собой или отложительвый падежъ (т. е. = mōd), или творительный на ō (= mō). Изъ этихъ двухъ возможныхъ значеній наиболѣе вѣроятнымъ можно считать только послѣднее, судя по смыслу нашихъ нарѣчій, обозначающихъ образъ, способъ извѣстнаго дѣйствія, или его мѣру. Спрашивается, имѣло-ли индо-европейское мѣстоименіе такой творительный падежъ на -ō? Для неславянскихъ языковъ въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія для каждаго, кто помнитъ формы: зендск. tā, nā, греч. πῶ (въ οὔπω), латинск. quō, quōmodo, англосакс. hwō, hiu, tu и литовское tû, jû.[1])

Но при такомъ широкомъ распространеніи этой формы, не было бы удивительно, если бы мы встрѣтили такую же форму и въ славянскомъ отдѣлѣ индо-европейскихъ языковъ. Эту послѣднюю мы и рѣшаемся видѣть въ суффиксѣ -ма нашихъ нарѣчій, тѣмъ болѣе, что онъ не совсѣмъ одинокъ: къ именнымъ формамъ творительнаго падежа на -ō принадлежатъ и первые слоги мѣстоименій такъ, какъ и т. п., какъ это мы попытаемся доказать въ слѣдующемъ этюдѣ.

Такимъ образомъ, нарѣчія тольма, кольма и пр. представляютъ не творительный п. двойственнаго числа, а творительный единственнаго. Но если суффиксъ -ма въ такомъ случаѣ не имѣетъ ничего общаго съ падежною флексіею существительныхъ именъ, то въ чемъ же заключалось его первоначальное значеніе?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ опять сравнительная грамматика. Мы видѣли выше, что наши нарѣчія выражаютъ собой степень извѣстнаго дѣйствія; но какъ давно уже извѣстно, подобное же значеніе имѣютъ и тѣ многочисленныя прилагатель-

---

[1]) K. Brugmann, Grundriss, II, 783.

ныя и нарѣчія индо-европейскихъ языковъ, которыя въ своей превосходной степени употребляютъ суффиксъ -mo или -mmo. Ср., напр. санскр. *saptamás*, греч. *ἕβδομος*, латин. *septimus*, литов. *sekmas*, старослав. **седмыи**; санскр. *upamás*, латинск. *summus*; санскр. *adhamá* »самый нижній« отъ *adhás* »внизу«; латинск. *minimus*, *extremus*; готск. *fram*[1]). Этотъ суффиксъ (mos), вполнѣ совпадая въ творительномъ падежѣ съ флексіей **-ма** нашихъ нарѣчій, прекрасно объясняетъ значеніе **вьсьма**, **тольма**, **ѥльма**, серб. *веома*: они обозначаютъ собой не только извѣстную степень, но именно очень большую степень.

Абсолютное тождество суффиксовъ нашихъ нарѣчій съ суффиксомъ числительнаго **седмыи** указываетъ на возможность существованія и именительныхъ падежей отъ этихъ мѣстоименій — нарѣчій. Такой именительный падежъ мы и находимъ въ »прилагательныхъ« **тъкъмъ** (ср. р. **тъкъмо**) при творительномъ **тъкъма** и **бъхъмъ** при **бъхъма**. Отсюда слѣдуетъ, что нар. **бъхъмъ** есть не творительный падежъ, какъ обыкновенно думали до сихъ поръ, а *винительный* ед. Какъ **тъкъ** относится къ **тъкъмъ**, такъ **бъхъ** (Lex. Mikl.) относится къ **бъхъмъ**.

Отъ этихъ прилагательныхъ, или, точнѣе говоря, мѣстоименій могли образоваться, кромѣ творительнаго ед., и другіе падежи, напр. мѣстный. Въ старославянскомъ языкѣ послѣдній представленъ такими формами, какъ **тольмѣ**, **вельмѣ**, а въ чешскомъ *velmě*, *tolmě* (преимущественно въ словацкихъ говорахъ). Мы не сомнѣваемся, что такого же происхожденія старослав. **кромѣ**, чешск. *kromě*, словацк. *kreme*, польск. *kromie*, русс. *кромѣ*. Именительный сд. къ этому падежу можно указать въ сербскомъ *окром*, чешск. *krom*, малорусс. *крім*.

Если сравнительная грамматика указала намъ прототипъ суффикса **-ма**, то она же указываетъ намъ и прототипъ суффикса **-ми** нарѣчій **тольми**, **кольми** и пр. Это тотъ-же самый суффиксъ, который мы имѣемъ въ санскр. krmis, греч. *ἕλμις*, латинск. vermis, д. в. н. wurm и старослав. **чрьмь**, **седмь**, **осмь**[2]). Всѣ они, склоняясь по темѣ на *-i*, въ творительномъ пад. должны были бы имѣть окончаніе ī: ср. санскр. matī, греч. іонич. *βάϱi*, латинск. turrī, quī, д. в. н. ensti, литовск. aki,

---

[1]) Brugmann, II, 156—159.
[2]) Brugmann, II, 242—243.

nakti-mi. Если славянское **осмь** и **седмь** имѣетъ въ творительномъ падежѣ не окончаніе **ми**, а **миж**, то, конечно, оно представляетъ новообразованіе по аналогіи основъ на -ā. Тѣмъ драгоцѣннѣй для насъ формы **тольми**, **кольми** сохранившія въ своемъ суффиксѣ въ неприкосновенности древній творительный п. на -ī.

Что касается до первоначальнаго значенія суффикса **-ми**, то, конечно, неслучайно числительныя количественныя **седмь**, **осмь** совпали въ своемъ суффиксѣ (хотя бы только въ формѣ именительнаго падежа) съ суффиксомъ **-ми** нашихъ нарѣчій. Это даетъ намъ основаніе думать, что первоначалное значеніе его было чисто количественное. Слѣды существованія прилаг. ***вьсьмь** сохранились въ старосл. словахъ **вєсьмьство**, **съвєсьмьство** *ὁλοτης*. (Lex. Mikl.)

Если нарѣчіе **тольми** представляетъ собой комбинацію именительнаго пад. мѣстоименія **толь** и творительнаго п. мѣстоименія ***мь**, то происхожденіе его должно быть вполнѣ аналогично происхожденію мѣстоименія **оньсь**, **оньсиа**. Какъ докажемъ ниже, **си** есть вполнѣ нормальная форма творительнаго п. мѣстоименія **сь**, склонявшагося первоначально только по темѣ на -ĭ; подобнымъ образомъ **ми** есть такой же правильный падежъ мѣстоименія ***мь**.

Это обстоятельство даетъ намъ ключъ къ морфологическому объясненію еще одной котегоріи мѣстоименныхъ нарѣчій, именно образованій вродѣ **коли**, **толи**, **сели** и т. п. Нѣтъ сомнѣнія, что первые слоги этихъ нарѣчій суть именительные — винительные падежи мѣстоименій **тъ**, **къ**, **сь**; но что такое представляетъ собой въ морфологическомъ отношеніи частица **ли**, объ этомъ, въ наукѣ еще не было высказано окончательнаго мнѣнія.[1])

Между тѣмъ, этотъ вопросъ рѣшится легко, если обратить вниманіе на замѣчательный параллелизмъ формъ этой частицы съ образованіями мѣстоименія **сь**.

Какъ мѣстоименіе **сь** присоединяется въ славянскихъ языкахъ не только къ именамъ мужескаго, но и женскаго и средняго рода: ср. напр. русск. зимусь, сербск. утрос, такъ и частичка **ль** приставляется къ именамъ всѣхъ трехъ родовъ. Явленіе это (примѣры котораго слишкомъ извѣстны, чтобы ихъ стоило приводить,) вполнѣ понятно съ точки зрѣнія морфологическаго про-

---

[1]) Миклошичъ (Et. Wörterb.) объяснялъ эту частицу сокращеніемъ **люко**, что врядъ-ли требуетъ даже опроверженія (ср. Vrgl. Gr. IV, S. 16 f).

исхожденія мѣстоименія сь: будучи образованіемъ на -*i* оно, какъ такое, должно имѣть одну и ту же форму для всѣхъ трехъ родовъ.

Какъ мѣстоименіе сь уже очень рано образовало (по аналогіи съ основами на -jo) форму именительнаго — винительнаго пад. ср. р. се, такъ и ль столь-же рано вызвало на свѣтъ ле. Ср. старосл. ѥле.

Какъ мѣстоименіе сь въ мѣстномъ п. нерѣдко образуется по аналогіи основъ на — о, — ср. съ-(age), съ-мо, — такъ и частица ль получаетъ иногда форму лѣ: колѣ, толѣ, ѥлѣ, селѣ.

Какъ мѣстоименіе сь въ нѣкоторыхъ, правда, рѣдкихъ случаяхъ образуетъ форму творительнаго или отложительнаго пад. на -jo — ср. старослав, сѧ-къ, русск. сямъ, — такъ ль образуетъ иногда форму *лѧ, ср. русск. опосля, оттоля.

Такое обиліе аналогій между образованіями мѣстоименій сь и ль невольно ведетъ къ предположенію о морфологическомъ тождествѣ тѣхъ и другихъ. А это значитъ, что если сь представляетъ образованіе на -*i* то такимъ же образованіемъ должно быть и ль.

Этотъ выводъ, сдѣланный на основаніи изученія только славянскихъ мѣстоименій, вполнѣ подтверждается 1. существительными вродѣ быль, сопѣль, пѣсаль, гыбѣль и т. п., суффиксъ которыхъ тождественъ съ нашей частицей ль, и которыя склоняются по темѣ на -*i*; 2. греческими параллелями: *τηλίκος*, *πηλίκος*, которыя также склонялись по темѣ на -*i*[1]).

Разъ это такъ, то намъ сразу дѣлается понятной частица ли, которая представляетъ такой-же правильный творительный падежъ на -ī отъ мѣстоименія *ль, какъ си, ви и, можетъ быть, ти — отъ мѣстоименій сь, ѵь и *ть. И подобно тому, какъ си въ соединеніи съ мѣстоименіемъ -къ дало мѣстоименіе сикъ, такъ ли въ сочетаніи съ тѣмъ-же суффиксомъ образовало форму ликъ, которую мы имѣемъ въ мѣстоименіяхъ: коликъ, толикъ, селикъ и пр. Какъ показываютъ греческія *πηλίκος*, *τηλίκος*, образованіе такого суффикса относится еще къ общеиндоевропейской эпохѣ.

---

[1]) Brugmann II, 243 — 246. Именительный пад. того же мѣстоименія ль скрывается въ славянскихъ *только*, *колько* (лат. talis, qualis), архаическое происхожденіе которыхъ прекрасно доказалъ въ послѣднее время Б. М. Ляпуновъ въ Изслѣдованіи о языкѣ Синод. сп. 1-й. Новгор. лѣтописи. Спб. 1899, стр. 161 и слѣд.

Подводя итоги сказаному, мы можемъ резюмировать наше изслѣдованіе такимъ образомъ:

Нарѣчія **тольмь**, **тольми** и **толи** суть творительные падежи не множественнаго и не двойственнаго, а единственнаго числа; все различіе между ними сводится къ различію этимологическаго происхожденія ихъ суффиксовъ.

На этомъ мы и могли бы кончить. Но нѣкоторыя изъ нашихъ положеній побуждаютъ насъ сдѣлать и нѣкоторые дальнѣйшіе выводы, которые помогутъ намъ объяснить загадочныя русскія формы двумя, тремя, всѣмя, имя, тѣмя.

Мы видѣли выше, что **си** : **ли** = **сь** (въ **сь-мъ**) : **ль** (въ старосл. **тоя**, русск. опосля). Но какъ мы доказали выше, суффиксъ **-ми** нарѣчій **кольми**, **тольми** и пр. восходитъ къ мѣстоименію ***мь**, склонявшемуся по темѣ на *-i*. Это обстоятельство даетъ намъ право распространить пропорцію въ такомъ видѣ: **си** : **ли** : **ми** = **сь** : **ль** : ***мь**. Изъ нея же можно сдѣлать вполнѣ логическій выводъ, что *мя* русскихъ памятниковъ и говоровъ представляетъ такое-же новообразованіе мѣстоименія ***мь** по темѣ на jo, какъ и **сь** и **ль**. Что такой суффиксъ въ древнерусскомъ языкѣ существовалъ, на это указываетъ нар. **прѣмь** (Супр. ркп.). Какъ справедливо замѣтилъ г. Вондракъ[1]), онъ встрѣчается преимущественно въ древнерусскихъ памятникахъ и родственъ съ суффиксомъ превосходной степени-mos. Во всякомъ случаѣ, онъ не имѣетъ ничего общаго ни съ контаминаціей **ль** (въ **дъвѣль**, **трель**) и **ми**, какъ полагалъ Лескинъ[2]), ни съ гипотетической формой ***ма** (= сербс. *-ме*), какъ доказывалъ въ своихъ »Изслѣдованіяхъ въ области русской грамматики« акад. Соболевскій[3]). Тотъ же творительный п. мѣстоименія *-мь* скрывается и въ суффиксахъ русс. нар. *окромя* и польск. *kromia*, а также, можетъ быть, въ. русс. выраженіяхъ *лежмя*, *сидмя*, *стоймя*, (resp. старосл. **радьмь**, **поудьмь**, малор. *ліжма*, *лягма*, *бѣлор. кишма*, *лёгма*).

---

[1]) Altslovenische Studium, Wien, 1890.

[2]) Archiv für slav. Phil. I, S, 56—58.

[3]) Р. Ф. В. VI, стр. 215. Ср. также Ж. М. Н. П. 1894 г. Ноябрь, стр. 33.

ЭТЮДЪ СЕДЬМОЙ.

О НѢКОТОРЫХЪ ИМЕННЫХЪ ФОРМАХЪ СЛАВЯНСКАГО МѢСТОИМЕНІЯ.

Два наслоенія въ историческомъ развитіи мѣстоименія. — Нѣсколько вопросовъ. — Принципъ образованія сложныхъ мѣстоименій. — Мѣстоименія **такъ, какъ, сѧкъ, акъ** *и* **ѩкъ**. *— Ихъ происхожденіе изъ творительнаго ед. — Доказательства. — Отысканіе отцовъ и братьевъ нашихъ нарѣчій. — Нарѣчія* **тамъ, камъ, *амъ** *и* ***ѩмъ** *и мѣстоименіе* **самъ**. *— Ихъ происхожденіе изъ отложительнаго падежа. — Доказательства. — Ближайшіе родственники нашихъ формъ. — Нарѣчія* **те, цѣ, се, сѣ**. *— Ихъ происхожденіе изъ мѣстнаго п. — Этимологія нарѣчій* **прамъ, прѣмъ** *и* **прамъ**. *— Вопросъ объ именныхъ окончаніяхъ въ склоненіи мѣстоименій множественнаго числа.*

Сравнительный морфологическій анализъ славянскихъ неличныхъ мѣстоименій показываетъ, что эта категорія рѣчи заключаетъ въ себѣ два, — вѣроятно, разновременныхъ — наслоенія: одно, по своимъ флексіямъ, совершенно совпадаетъ съ соотвѣтствующими падежами именъ существительныхъ темъ на -o, -jo и -a; другое, »собственно мѣстоименное«, рѣзко отличаясь отъ именъ по своей основѣ, слѣдуетъ (по крайней мѣрѣ, въ единственномъ числѣ) совершенно своеобразному въ своемъ образованіи принципу. Этотъ послѣдній состоитъ, какъ извѣстно, въ томъ, что къ чистой основѣ (совпадающей съ формой именит.-винит. пад. средн. р.) присоединяется въ каждомъ падежѣ

особый суффиксъ. Такъ, въ склоненіи мѣстоименія **тъ** именительный и винительный падежи всѣхъ трехъ родовъ и чиселъ представляютъ образованія, вполнѣ тождественныя съ соотвѣтствующими падежами именъ существительныхъ. Остальные же падежи суть не что иное, какъ соединеніе основы **то-** съ суффиксами-частицами: родительный падежъ — съ **-го**, дательный п. — съ **-моу**, мѣстный п. — съ **-мь**. Только одинъ творительный п. образуется отъ основы *toi, такъ же какъ и всѣ косвенные падежи множественнаго числа.

Одновременное существованіе въ одной и той же мѣстоименной категоріи двухъ видовъ образованія, — именного и собственно-мѣстоименнаго, — возбуждаетъ цѣлый рядъ интереснѣйшихъ вопросовъ: представляетъ-ли этотъ дуализмъ явленіе исконное (индо-европейское), или нѣтъ? Если — да, то чѣмъ вызвано это явленіе? Если — нѣтъ, то какое изъ этихъ образованій слѣдуетъ считать первоначальнымъ?

Въ настоящее время мы, конечно, не можемъ рѣшить всѣ эти вопросы, мы хотимъ только указать, что въ древности именныя образованія были распространены гораздо больше, чѣмъ это можетъ показаться на первый взглядъ. Именно, мы имѣемъ основаніе полагать, что не одинъ именительный-винительный падежъ, но и другіе косвенные падежи не были вполнѣ чужды именныхъ окончаній.

На это указываютъ, между прочимъ, такія общеславянскія мѣстоименія, какъ **такъ — тако**, **какъ — како**, **сякъ — сяко**, **акы — ако**, **якъ — яко**. По своему морфологическому строенію, въ ряду другихъ славянскихъ мѣстоименныхъ образованій, эти формы стоятъ совершенно особнякомъ. Какъ и многія другія мѣстоименія, онѣ представляютъ, безъ сомнѣнія, комбинацію двухъ элементовъ: именительнаго-винительнаго пад. мѣстоименія **къ — ко** и затѣмъ еще какой-то другой загадочной формы мѣстоименія **тъ**, resp. **къ**, **сь**, ***ъ**, **и**, и др. Мы назвали послѣднюю форму »загадочной«, такъ какъ падежи, совпадающіе съ ней по морфологической структурѣ, — именительный п. ед. ч. женск. р. и именительный п. множ. ч. средн. р. — по законамъ славянскаго словообразованія, не могли бы вступить въ соединеніе съ именительнымъ пад. ед. ч. мѣстоименія **къ — ко**. Если бы первая часть нашихъ мѣстоименій представляла форму именит. п. ед ч. женск. р., то вторая часть этихъ словъ должна была бы подвергнуться согласованію съ первой въ родѣ и получить

форму *така. То же самое повторилось бы и въ томъ случаѣ, если бы формы та-, ка-, ꙗ-, а- и т. д. были именит. пад. средн. р. множ. ч.: обѣ части должны были бы согласоваться здѣсь въ числѣ. Отсутствіе такого согласованія возможно было бы лишь въ томъ случаѣ, если бы формы та-, ка и пр. были не живыми падежами, а морфологическими окаменѣлостями, уже давно порвавшими связь съ своими товарищами по склоненію.

Это послѣднее обстоятельство, вполнѣ удовлетворительно объясняя, почему мѣстоименія такъ, какъ и т. д. нельзя ставить на одну доску съ мѣстоименіями *тътъ, *тъиъ, кыи, чьто и др., представляющими соединеніе *двухъ именительныхъ падежей*, вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ намъ въ руки Аріаднину нить для болѣе раціональнаго рѣшенія вопроса.

Въ самомъ дѣлѣ, если формы *та *ка-, *ꙗ-, *а- не согласованы съ къ, и если онѣ обязаны этимъ своей морфологической изолированности въ ряду другихъ образованій, то такими формами скорѣе всего могли служить *именныя образованія* косвенныхъ падежей мѣстоименій тъ, къ и т. д. Такъ какъ послѣднія уже очень рано (быть можетъ, въ первую эпоху общеславянскаго языка) стали подвергаться вытѣсненію со стороны собственно-мѣстоименныхъ формъ, то ассоціативная связь должна была дѣлаться между ними естественно и постепенно все меньше и меньше. Когда она порвалась совсѣмъ, то падежныя кормы та, ка и др. превратились въ неизмѣняемыя частицы или нарѣчія, къ которымъ мѣстоименіе къ могло присоединиться уже въ качествѣ простого суффикса. При такомъ пониманіи дѣла, мѣстоименія такъ, какъ и пр. пережили бы еще въ праславянскую эпоху тотъ же самый процессъ развитія, который прошло на почвѣ отдѣльныхъ славянскихъ языковъ нарѣчіе тоу. Представляя не что иное, какъ *дательный направленія* мѣстоименія тъ въ его именной формѣ, это нарѣчіе во всѣхъ славянскихъ языкахъ получило самые разнородные суффиксы несомнѣнно мѣстоименнаго происхожденія. Такъ, въ болгарскомъ мы имѣемъ *тука, тукъ, тува, тутакси, туканка*, въ сербскомъ: *тȳ, тȳка, ту́ка, ту́не, ту̀те*, въ словенскомъ: *tûkaj, tûkaje, tûkar*, въ чешскомъ: *tuto*, польскомъ: *tutaj, tutak, tuž, tudzież*, малорусскомъ: *тутка, тутки*, великорусскомъ: *тутъ* и др. Вся разница между этими образованіями и нашими мѣстоименіями при такомъ объясненіи сводится къ тому, что у послѣднихъ вторая часть вполнѣ сохранила способность къ склоненію,

а у первыхъ — нѣтъ. Но это различіе легко объясняется громаднымъ разстояніемъ времени, отдѣляющимъ оба образованія.[1])

Вся трудность вопроса сводится, такимъ образомъ, къ затруднительности точной *морфологической квалификаціи* именныхъ образованій та, ка, а и ꙗ. Но эта трудность окажется мнимой, какъ только мы обратимся къ сравнительной грамматикѣ индо-европейскихъ языковъ.

Дѣло въ томъ, что, за исключеніемъ санскритскаго, всѣ эти языки сохраняютъ очень ясные слѣды именного образованія творительнаго пад. ед. ч. на -ō. Такъ, въ зендскомъ мы имѣемъ tā, yā, въ греческомъ: *πῶ* (*οὔπω*), въ латинскомъ: quōmodo, quo »куда«, древнекимбрскомъ pau-p »всякій«, »каждый« (= qō -qos), въ древне-саксонскомъ: hwo »какъ«, diu, hiu-tu »сюда«, наконецъ, въ литовскомъ: tū̃, jū̃[2]). Какъ мы видѣли выше, и славянскіе языки сохранили такія же образованія въ лицѣ нар. **вьсьма**, **ѥльма**, **тъкъма**, *окроме* и пр. Не только ничто не мѣшаетъ, но, напротивъ, все говоритъ за то, что тотъ же архаическій творительный падежъ заключается и въ загадочныхъ формахъ та-, ка- и пр. Въ этомъ убѣдится каждый, кто приметъ во вниманіе слѣдующія соображенія:

1. Формы та-, ка-, а- и пр. вполнѣ точно соотвѣтствуютъ вышеприведеннымъ индо-европейскимъ не только своимъ гласнымъ элементомъ, но и иногда — и согласнымъ. Ср. напр. греч. *πῶ* и славянское ка- (въ **какъ**) или литовское *tū̃* и славянское та- (въ **такъ**).

2. Мѣстоименія **такъ**, **какъ** и т. п. и по значенію своему вполнѣ согласны съ большей частью указанныхъ индоевропейскихъ параллелей, обозначающихъ, главнымъ образомъ, способъ или образъ дѣйствія.

3. Параллельно съ мѣстоименіемъ **такъ**, старославянскіе памятники знаютъ форму **сикъ** съ аналогичнымъ значеніемъ. Это послѣднее обстоятельство, вмѣстѣ съ формальнымъ сходствомъ обоихъ мѣстоименій, позволяетъ намъ составить пропорцію: **такъ** : **сикъ** = **та** : **си**. Если бы намъ удалось опредѣлить морфологическое значеніе частицы **си**, мы вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлили бы и значеніе частицы **та**.

---

[1]) Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ говорахъ чешскаго языка встрѣчается мѣстоименіе *tuten*, склоняющееся и въ второй части: *tutoho*, *tutomu* и т. д. Ср. A. Šembera, Základové str. 18.

[2]) K. Brugmann, Grundriss B. II., S. 783. См. предыдущій этюдъ.

По счастью, это оказывается не трудно. Дѣло въ томъ, что **си** жило въ старославянскомъ языкѣ не только въ формѣ **сикъ**, но и въ видѣ вполнѣ самостоятельнаго слова. Такъ Миклошичъ въ своемъ »Церковно-славянскомъ словарѣ« приводитъ слѣдующіе примѣры употребленія этой частицы: **что ли си отъкѣща; коуди ли си и се писано; разгънѣва ли са; є ли си того чьто окаанѣє; възможе ли си наша молитва вънити прѣдъ господь; бѫде ли си прощєнию** и пр. Какъ читатель видитъ, этотъ союзъ употребляется въ вопросительныхъ предложеніяхъ и притомъ вмѣстѣ съ другой частицей **ли**. Это обстоятельство отчасти сближаетъ ее съ извѣстнымъ всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ союзомъ **чи** (болгарское *чи*, сербское *чи*, словенское *ču*, чешское *či*, польское *czy*, малорусское *чи*, великорусское *чи*). Послѣдняя же частица не представляетъ собой ничего загадочнаго, если въ вмѣстѣ съ Бругманномъ[1]) толковать ее какъ древнюю форму творительнаго ед. на *-ī* (ср. лат. *quī*). Но въ такомъ случаѣ было бы вполнѣ логично видѣть тотъ же падежъ и въ союзѣ **си**, что̀ дѣйствительно и подтверждается употребленіемъ ея (впрочемъ, очень рѣдкимъ) въ аподосизѣ: **ꙗко же покержеши колчь** (*τρίβολος*), **си остръ остєнъ стаѥть** (Miklosich, Lexicon); въ этой фразѣ **си** равно нашему *такъ*. На то же указываютъ и мѣстоименія **сицє** и **оньсица**, которыя, при обыкновенномъ обясненіи **си** какъ именительнаго падежа, представляли бы совершенно непонятное отсуствіе грамматическаго согласованія между составными элементами слова. Напротивъ, если **си** есть творительный пад. на *-ī*, то **цє** въ первомъ словѣ представляло бы такую же приставку, какую напр. *то* въ русскомъ *тутo*, а **-ца** во второмъ словѣ играло бы такую же роль, какую *ta* въ польскомъ *tuta*. Какъ **оньсица** возникло изъ **онь + си + ца**, такъ мѣстоименіе **оньсичинъ** произошло изъ **онь + си + чи + нъ**.[2])

[1]) О. с., s. 783.

[2]) Въ сербскомъ и болгарскомъ языкѣ нарѣчіе **си**, вступивъ въ контаминацію со второю частью мѣстоименія **азъ**, образовало частицу *зи* которая въ настоящее время почти не сходитъ съ устъ болгарина. Ср. наше изслѣдованіе »Происхожденіе частицы *зи* въ болгарскомъ и сербскомъ языкахъ« (Варшава 1901). Въ дополненіе къ этому этюду мы здѣсь прибавимъ, что къ единственному указанному тамъ по П. А. Лаврову примѣру употребленія этой частицы въ XII. в., можно присоединить еще второй, найденный С. М. Кульбакинымъ въ Боянскомъ Евангеліи: **тонзи** (Матерьялы для характеристики среднеболгарскаго языка. Вып. I. Боянское Ев., стр. 62). Частица **си** находится въ ближайшемъ родствѣ съ

И такъ, если **си**—форма творит. п. един. ч. на ĭ, то по указанной пропорціи, **та** должно быть формой творительнаго пад. на ō, а **такъ** такимъ же сочетаніемъ **та** + **къ**, какъ **сикъ**—сочетаніемъ **си** + **къ**.

Противъ такого вывода, однако, могутъ возразить, что нѣтъ никакихъ основаній предполагать существованіе въ общеславянскую эпоху нарѣчія и союза **та** (resp. **ка** и пр.), къ которому могло бы присоединиться мѣстоименіе **къ**. Но такое возраженіе намъ не было бы страшно, такъ какъ стоитъ только обратиться къ словарямъ славянскихъ нарѣчій, чтобы убѣдиться, что эти нарѣчія не только существовали въ праславянскую эпоху, но и живутъ въ полной силѣ еще и теперь.

польскими, словацкими и чехоморавскими формами *cosik*, *kdosik* и т. п. (ср. Blatt, Kleine grammatische Beiträge, Brody 1895, Bartoš, Dialectologie moravská, díl I str. 173), съ которыми чрезвычайно любопытно сопоставить среднеболг. **оньсищь**. Наше изслѣдованіе вызвало нѣсколько возраженій Ягича (Archiv, XXIII., S. 844—845), не показавшихся намъ, однако, убѣдительными: 1. ак. Ягичъ указываетъ, что частица **си** не склоняется, а ея источникъ **оньсь** склоняется. Но дѣло въ томъ, что **оньси** есть такой же творительный пад. этого мѣстоименія, какой напр. **онсего** — родительный. Все различіе между ними заключается въ томъ, что послѣдняя форма, въ своей второй части, представляетъ новообразованіе по темѣ на *-jo* (изъ ***оньси**, ср. **гости**), а первая сохранила исконное окончаніе *-ĭ*. Такъ какъ уже въ праславянскую эпоху эта флексія была замѣнена другой (**-ıь** ср. **сиıь**) то **си**, окаменѣлый падежъ, могло легко подвергнуться такимъ измѣненіямъ: о какихъ **оньсего** не могло и думать, вслѣдствіе слишкомъ крѣпкаго сознанія своей солидарности съ **оньсь**. 2. Ягичъ указываетъ, что употребленіе частицы **си** трудно разграничить отъ употребленія формы дат. п. возвратнаго мѣст. **си**. Это возраженіе не можетъ принципіально поколебать гипотезу въ виду среднеболг. формы **оньсь** и западнослав. *kdos'*, *cos'*, *kdosik*, *cosik*; 3. Ягичъ выдвигаетъ различіе частицъ **си** и **зи**: первая имѣетъ неопредѣленное значеніе, вторая — усиливающее. Но послѣднее значеніе въ нашей формѣ прекрасно объясняется вліяніемъ второй части мѣстоименія **лъ**; 4. Отмѣчаемая Ягичемъ сравнительная рѣдкость употребленія въ болгарскомъ и сербскомъ языкахъ формъ вродѣ *такоси*, *сикоси* находитъ себѣ объясненіе въ древности самого явленія, восходящаго къ XII. в. 5. Параллели **ко** и **чс**, **цѣ** и **ци** ничего не доказываютъ, такъ какъ всѣ онѣ представляютъ опредѣленные падежи отъ *извѣстныхъ* мѣстоименій. 6. Наконецъ, что касается защищаемой Ягичемъ гипотезы Миклошича (ст. также Osthoff, Die tiefstufe im indogermanischen Vocalismus. Morphologische Untersuchungen, IV, S 240 u. ff.), то она невѣроятна въ виду отсутствія въ западнославянскихъ языкахъ формы **оньзи**, при нерѣдкомъ употребленіи *kdosi*, *cosi*.

Обратимся прежде всего къ разысканію отца и родственниковъ мѣстоименій такъ и тако. Уже въ старославянскомъ языкѣ встрѣчается замѣчательный союзъ та, древнѣйшіе примѣры котораго находятся еще въ Супрасльской рукописи въ значеніи »и«, »тогда«[1]. Очень употребителенъ этотъ союзъ и въ современномъ наслѣдникѣ старославянскаго языка — въ болгарскомъ, гдѣ онъ имѣетъ множество оттѣнковъ въ своемъ значеніи. Мы приведемъ изъ словаря Дювернуа только такіе примѣры, въ которыхъ значеніе *та* тождественно съ значеніемъ нашего *такъ*: *та що отъ товá? — Ха! та ти си билъ що ми уткраде и лани воловету, сеiá да видишъ, що кю та праве!* Гораздо менѣе извѣстенъ союзъ *та* сербскому языку, гдѣ онъ вѣроятно отчасти былъ вытѣсненъ родственнымъ союзомъ *te*; но и сербскій языкъ употребляетъ его иногда въ утвердительномъ смыслѣ: *та не ћеш ти то учинити, веħ ако ја умрем* (Словарь Караджича). Подобное же значеніе имѣетъ и словенское tà: *ta rekel sem ti, da ne hodi* (Словарь Плетершника), напротивъ чехословацкое *ta* сближается съ старославянскимъ своимъ чисто временнымъ значеніемъ: *aj ta kněz vzě prapor* (Kott, Česko-německý slovník). На то же указываетъ и словацкое *tahdy* = *tehdy*. Впрочемъ, въ послѣднемъ нарѣчіи *ta*, подобно нашему *такъ*, обозначаетъ и оконченное дѣйствіе: *ta umřel; ta ho našli* (ibid). Въ польскомъ языкѣ мы можемъ указать частицу *ta* въ словѣ milcz-ta »молчать«! (Miklosich, Et. W.). Она извѣстна и его говорамъ: *ka ta*, »гдѣ тамъ!« (Karłowicz, Słownik gwar polskich.) Напротивъ, малорусскій языкъ, по частотѣ употребленія частицы и по богатству оттѣнковъ ея значенія, можетъ сравниться только съ болгарскимъ. Мы приведемъ одинъ примѣръ, въ которомъ *та* по функціи тождественно съ нашимъ *такъ*: *пойшов мій циганиско, набрал в ту торбину води та не здужал її витянути.*[2])

Итакъ, почти всѣ славянскія нарѣчія до сихъ поръ упо-

---

[1]) V. Vondrák, Altkirchenslavische Grammatik, Berl. 1900, S. 231.

[2]) Послѣдній примѣръ приведенъ нами изъ статьи Маретича „Veznici u slavenskijem jezicima“ (Rad. LXXXIX, str. 61—64). Ср. кромѣ того словарь Желеховскаго. Въ статьѣ Маретича кромѣ модальнаго значенія указаны и временное, адверзативное, условное и др. значенія част. *та*. Такъ какъ, увидимъ ниже, творительный пад. по именному склоненію совпалъ съ отложительнымъ, то не всегда можно опредѣлить, съ какимъ падежомъ мы имѣемъ дѣло въ данномъ случаѣ.

требляютъ »именную« форму творительнаго падежа не только въ качествѣ составной части мѣстоименія *такъ*, но и въ качествѣ совершенно самостоятельнаго слова. Но отсюда слѣдуетъ, что эта частица могла вступать въ соединеніе не только съ мѣстоименіемъ **къ**, но и съ мѣстоименіями и частицами другихъ образованій.

Такъ дѣйствительно и произошли:

старославянское **таже** »и«, »тогда«; малорусское *таж*, *таже* »всетаки«;

старославянское **тамѥ** »тогда«, »послѣ того какъ«, болгарское *таче* »тогда«;

болгарское *тай*[1]) »итакъ«, словенское *taj* »да«, »все-таки«, чешское *taj*, въ ходскомъ *tajd'* [2]), верхнелужицкое *taj* въ *tajki* (= *taki*), малорусское *тай*;

болгарское *тапа* »тогда«, гдѣ второй слогъ слова представляетъ собой, несомнѣнно, тотъ же творительный пад., который лежитъ въ *основѣ* старославянскихъ союзовъ: **пакъ**, **паѵе**, **пакы**;

чешское *tady*, *tad'*, *tadě*, словацкое *tate*, великорусское *этта*;

верхнелужицкое *tajki*, *tajkihlej*, *tajkihlej* и т. п.

Если **такъ** представляетъ только одного изъ многихъ потомковъ формы **ta*, то **какъ** представляетъ такой же par inter pares въ ряду формъ, происшедшихъ отъ **ka*. Подобно *ta*, и послѣднее нарѣчіе понынѣ спокойно живетъ во всѣхъ славянскихъ языкахъ въ обществѣ своихъ многочисленныхъ дѣтей и внуковъ.

Такъ, въ болгарскомъ мы имѣемъ союзъ *ka*, который обозначаетъ не только способъ или образъ дѣйствія (= русскому *какъ*): *ка писка змия въ вогень, такъ и Стоянъ за Малка*, но и временныя отношенія вродѣ »какъ только«, »съ тѣхъ поръ, какъ« »когда«: *ка си дойдишъ въ чаирето, да си свалишъ мали ручокъ* (Словарь Дюверну а). Въ соединеніи съ предлогомъ *отъ*

---

[1]) Въ болгарскомъ литературномъ языкѣ эта форма иногда пишется съ **ъ**: *тъй*. Если такой способъ правописанія не есть результатъ смѣшенія этой формы съ именительнымъ п. един. ч., то появленіе **ъ** можно легко объяснить отсутствіемъ ударенія, неизбѣжнымъ при энклитическомъ положеніи частицы. Впрочемъ, въ немъ можно видѣть и союзъ *ъ*, о которомъ см. Б. М. Ляпунова »Замѣтку о союзѣ **ръ**«. Изв. отд. русс. яз. и слов. 1898, стр. 1142 и слѣд.

[2]) Hruška „O hláskosloví chodském". L. f. XVIII., (1891), стр. 46

— *отъ ка* — имѣетъ значеніе »съ тѣхъ поръ какъ«. Этотъ союзъ *ка* сохранился и въ сербскомъ языкѣ, хотя лишь въ народныхъ пѣсняхъ: *ево има три године дана, ка је Јанко таме допадну* (Словарь Караджича). Извѣстенъ онъ и словенскому языку: *nesrečen bodi jezik ti, ka nesi mogâ tiho bit*[1]); верхнелужицкому (Словарь Пфуля) и въ особенности польскому: Płascysko miało ka ze sto roków. — Ka se las rozwinie (Słownik języka polskiego, ułożony pod red. S. Karłowicza etc.).

Соединеніе союза *ка* съ мѣстоименіями и частицами породило на свѣтъ, кромѣ мѣстоименія какъ, еще слѣдующія формы:

болгарское *така* »такъ«;

болгарское *като*;

болгарское *кай* »какъ«, »когда«, сербское (»кайкавское«) *kaj*[2]), словенское *kaj*, словацкое *kaj*, верхнелужицкое *kaj* (въ kajti = kaki), польское *kaj* »когда«, »гдѣ« (Karłowicz, ibid.);

болгарское *kajno* (= kano);

сербское *ка̀оно*, *ка̂но* »какъ«, польское *kan* »какъ«;

сербское *ка̀о*;

словенское *kajsi* »хорошо«, польское *kajs'*;

словенское *kajti* »много«;

словенское *kali*;

словенское *kar*, *kare* »что«, »съ тѣхъ поръ какъ«, польское *kaž*, *kaže*;

чешское *každý*, польское *każdy*, кашубское *kazki*, малорусское *каждый*, *кажный*, бѣлорусское *кажный*, великорусское *каждый*;

польское *kaby*, русское *кабы*;

словацкое *kady*, *kahdy* »когда«, польское *kady* »гдѣ«, »когда«, малорусское *кади*, великорусское *кады*. Наконецъ, въ концѣ словъ, въ видѣ суффиксовъ:

---

[1]) Maretić, o. c., Rad. Knj. XCI (1888), str. 2.

[2]) Это мѣстоименіе въ одномъ изъ говоровъ сербскаго языка получило такое широкое распространеніе, что даже дало ему свое названіе. Это нарѣчіе — кайкавское. Составители Даничичева академическаго словаря совершенно напрасно считаютъ эту форму »неясной по происхожденію«, такъ какъ эта неясность сдѣлается мнимой, какъ только мы посмотримъ на нее съ болѣе широкой точки зрѣнія. Совершенно недопустима гипотеза Шкрабца, будто *kaj* возникло изъ **чьа* черезъ **čka* и *ка* (Archiv XIV, str. 341: ср. возраженія Облака, тамъ же, S. 359 und ff.). Первый, кто поставилъ вопросъ на правильную почву — Ягичъ. „Ein Kapitel aus der Gechichte der südslavischen Sprachen". (Arch. XVII, S. 84).

болгарскія *язика, дека, тука, вънка, тамкашен;* сербское *од толека, ванка, меника, тебика;* словенскія *semkaj, venkaj, tukaj, tamkaj, snočka;* чешскія *semka, venka, mocka, tedka*; польское *tukaj;* малорусскія *вонка, тутка;* великорусскія *тамка, гдька* Miklosich, Etym. Wörterbuch. Vrgl. Gr. IV., S. 120. [1])

Если союзы та и ка въ современныхъ славянскихъ языкахъ встрѣчаются только болѣе или менѣе спорадически, то родоначальникъ старославянскаго ако, акъ — союзъ *а*, напротивъ, живетъ въ нихъ еще въ полной силѣ. Въ западно-славянскихъ языкахъ онъ вытѣснилъ въ значительной степени даже союзъ *і*.

При широкомъ распространеніи этого союза *а*, неудивительно, что и потомство его въ славянскихъ языкахъ крайне многочисленно. Мы перечислимъ здѣсь только его главнѣйшіе типы:

старославянское ако, болгарское *ако*, сербское *ако*, словенское *ако*, чешское *ako*, верхнелужицкое *ако*, польское *ako;*

старославянское акы, сербохорватское *aki;*

старославянское али и аль, болгарское *али*, *але*, сербское *ali*, словенское *àli*, чешское *ali*, *ale*, верхнелужицкое *ale*, польское *ale*, *ali*, великорусское *али;*

старославянское аче, болгарское *аче*, сербское *аче*, словенское *àče*, чешское *ač*, верхнелужицкое *ač*, польское *acz*, великорусское *ачъ;*

старославянское ацѣ, сербское *ац*, польское *ace*;

старославянское абы, чешское *aby*, верхнелужицкое *aby*, польское *aby*, малорусское *аби*, великорусское *абы*;

чешское *abo*, верхнелужицкое *abo*, польское *abo*, малорусское *або;*

болгарское *ада*, сербское *ада*, словенское *àda*;

словенское *àž*, *aže*, чешское *až*, *aže*, польское *aż*, *aże*, малорусское *аж*, великорусское *ажъ;*

болгарское *ато*, сербское *àто*, польск. *ato;*

сербское *адно*, словенское *àno*, чешское *ano*, верхнелужицкое *anď*, польское *ano*, малорусское *ано*, великорусское *ано;*

---

[1]) Другіе примѣры этой частички см. въ новѣйшей статьѣ ак. А. И. Соболевскаго. Изъ исторіи русскаго языка Ж. М. Н. Пр. 1901 г. Окт., стр. 408—409. Въ ней уважаемый авторъ сопоставляетъ нашу частицу съ греч. τε, κα, лат. *que* Ср. Solmsen, K. Z. XXXV, 463.

чешское *ati*, *ať*, польское *ać*, *aći*, малорусское *ати́*, великорусское *ати*, *ать*[1]) и мн. др.

И польское мѣстоименіе **ꙗко** отнюдь не принадлежитъ къ числу »родства непомнящихъ«. Его родоначальникъ — старославянскій союзъ **и** »и« (Miklosich, Lexicon), болгарскій *я*, »но«, »и« (Словарь Дювернуа), сербскій *ja*, »да«, »такъ« (Караджичъ, Академическій словарь), польскій *ja*, *jaž*, *jaže*, *jak*, (Słownik Karłow.). Но подобно мѣстоименію **ꙗ**, этотъ союзъ не оставилъ послѣ себя почти никакого потомства, кромѣ *jako*. На этомъ основаніи могутъ, пожалуй, возразить, что *jako* есть, въ сущности, не что иное, какъ **ако** съ j передъ начальной гласной. Но противъ такого объясненія говоритъ: 1. различіе значенія *ако* и *jako* въ бо́льшей части славянскихъ языковъ; 2. отсутствіе такого рода дуализма въ другихъ словахъ съ начальной гласной: всѣ славянскіе языки, напримѣръ, употребляютъ почти исключительно *jelen*, *jezero*, но никогда — ***єлєнь**, ***єѕєро**.

Наконецъ, respective **такъ**, **какъ**, **ꙗкъ** и **акъ** и мѣстоименіе **сь** образовало ***сꙗкъ** (русс. *сякъ*). — Итакъ, мы доказали связь мѣстоименій *такъ*, *какъ* и пр. съ современными славянскими союзами *та*, *ка* и пр. Но **какъ** всегда бываетъ, рѣшеніе одной задачи побуждаетъ къ рѣшенію и другихъ, связанныхъ съ первой, проблемъ. Въ данномъ случаѣ одной изъ такихъ проблемъ является отношеніе къ мѣстоименіямъ **такъ**, **какъ** нарѣчій **тамъ—тамо**, **камъ—камо**, ***ꙗмъ—ꙗмо**. Вслѣдствіе тождества первыхъ слоговъ обоихъ мѣстоименныхъ категорій, можетъ возникнуть предположеніе, что и въ основѣ нарѣчій *тамъ*, *камъ* лежитъ творительный пад. един. ч. Ближайшее разсмотрѣніе дѣла показываетъ, однако, что такое предположеніе было бы слишкомъ поспѣшнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, если *тамъ*, *камъ* и т. п. суть творительные падежи, то непонятно, почему суффиксъ ихъ звучитъ какъ **-мъ**, а не какъ **-мь** (ср. **тѣмь**, **цѣмь**). Кромѣ того, a priori едва-ли вѣроятно, чтобы одна и та же форма *ta, *ka служила одновре-

[1]) Вторая часть этого слова не вполнѣ ясна по своему происхожденію. По всей вѣроятности, она представляетъ древнее образованіе творительн. п. един. ч. на ī (ср. греч. *οὗτος-ī*, лат. qui, слав. **ѵи** и **си**) (Brugmann, Grundriss, II, S. 783), но конечно не имѣетъ ничего общаго съ литовскимъ *ie*, какъ это пытался доказать Ягичъ въ своемъ Архивѣ (VI, S. 284—287). О польской параллели этого слова см. ст. А. Семеновича: „Ueber ciem, ci und c'" (ibid, S, 30—32), о русской А. А. Потебни »Изъ записокъ по русской грамматикѣ« Харьковъ 1888, стр. 190.

менно для такихъ разнородныхъ функцій, какъ способъ дѣйствія, время и мѣсто.

Въ виду такихъ соображеній и приходится для **тамъ**, **камъ** и пр. предположить иное этимологическое происхожденіе, чѣмъ для **такъ**, **какъ** и пр. Кто же ихъ родоначальникъ?

Въ 1887 г. попытался дать отвѣтъ на этотъ вопросъ русскій ученый Козловскій, сближая старослав. **амо**, **тамо**, **камо** съ греч. іонич. временными нарѣчіями *ἧμος* »когда«, *τῆμος* »тогда« и *πῆμος* »когда«[1]). При этомъ, сохраненіе флексіи — *о* въ славянскихъ языкахъ онъ объяснялъ вліяніемъ такихъ формъ, какъ *тако, како, прѣмо* и т. д.

Но по нашему мнѣнію, для рѣшенія вопроса, нѣтъ нужды прибѣгать къ такому искусственному пріему. Суффиксъ и греческихъ и славянскихъ параллелей есть тотъ самый суффиксъ превосходной степени, который мы видѣли выше въ словахъ **тъкъмъ**, **седьмъ**, **восьмъ** и т. д. Вся разница между старославянскими и греческими нарѣчіями заключается въ томъ, что первыя сохранили суффиксъ въ формѣ средняго рода, а вторыя въ формѣ мужескаго (ср. русс. *тамъ*).

Тождество суффиксовъ нашихъ нарѣчій дѣлаетъ еще болѣе замѣчательнымъ и тождество корней. Но какъ ни поразительно послѣднее, все-таки, нѣкоторыя соображенія позволяютъ намъ отнестись къ гипотезѣ Козловскаго нѣсколько скептически. Дѣло въ томъ, что греческія *τῆμος*, *πῆμος* и *ἧμος* предполагаютъ вмѣстѣ съ греческими же *τηλίκος*, *πηλίκος* и латинскими *talis*, *qualis*, въ своей первой части основы *tā*, *kā*, *ā*, которыя морфологически могутъ быть квалифицированы или какъ творительные пад. ед. р. женскаго рода отъ основъ на *ā* или именительный пад. мн. ч. ср. р. Но въ славянскихъ языкахъ мы не знаемъ ни одного примѣра присоединенія къ послѣднему падежу какихъ-бы то ни было суффиксовъ. Отсутствіе же въ славянскихъ языкахъ остатковъ перваго падежа хотя и не говоритъ за невозможность происхожденія его изъ общеиндоевропейскаго языка, но со другой стороны и не слишкомъ побуждаетъ къ такой гипотезѣ.

Эти возраженія, конечно, нисколько не могутъ принципіально поколебать наблюденіе русскаго ученаго. И если тѣмъ не менѣе мы даемъ имъ здѣсь мѣсто, то лишь для того, что бы

---

[1]) Archiv für Slav. Ph. X., S. 657-8. Ср. также Solmsen K. Z. XXIX., S. 77.

показать, что *рядомъ съ этой гипотезой* возможна и другая, по которой первая часть славянскихъ нарѣчій **тамо, камо** и **амо** восходитъ къ общеиндоевропейскому *отложительному падежу*, сохраненному намъ санскр. *ād, tād, yād*, греч. *ὦ, ὅπω*, лат. *istō, quō*, оскск. *eisúd*, литовск. *tô*[1]). Въ пользу этой послѣдней гипотезы говоритъ и *мѣстное* значеніе нашихъ нарѣчій, которое прекрасно отвѣчаетъ такому же значенію приведенныхъ параллелей отложительнаго падежа, но рѣзко противорѣчитъ временному греч. *τῆμος, ἦμος* и *πῆμος*. Да и вообще мѣстное значеніе больше соотвѣтствуетъ значенію отложительнаго, чѣмъ творительнаго. Что касается до тождества суффикса славянскихъ и греческихъ нарѣчій, то оно также мало доказываетъ тождество ихъ первой части, какъ и одинаковость суффиксовъ *-λίκος* и **ликъ** — тождество основъ мѣстоименій *τηλίκος, πηλίκος*, съ одной стороны, и **толикъ, коликъ**, съ другой.

Наконецъ, въ пользу нашего объясненія много говоритъ также тотъ фактъ, что нѣкоторыя славянскія нарѣчія употребляютъ до сихъ поръ частицы *та, ка* и др. въ мѣстномъ или, точнѣе говоря, въ отложительномъ значеніи. Такъ какъ временное значеніе въ общеиндоевропейскомъ языкѣ одинаково хорошо выражалось какъ аблативомъ, такъ и творительнымъ падежомъ, то разграничить первоначальное употребленіе частицъ, повторяемъ, нѣтъ никакой возможности.

Несомнѣнный отложительный падежъ мы имѣемъ напр. въ болгарскихъ нарѣчіяхъ *тата, отатакъ* »по ту сторону«, *нататакъ* »здѣсь и тамъ«, въ словенскомъ *ta, tja, tjäka, tjakaj* »тамъ«, въ чехословацкомъ *taj* »тамъ«, *dotad, potad, dotavad, tady, tatam*, верхнел. *dotal*[2]), польск. *taj* и кашубск. *ta*[3]). Осо-

---

[1]) Brugmann, II., S. 785-86. Отъ старославянскаго **амо** слѣдуетъ отдѣлять сербское *āmo* (при *tȁmo, kȁmo*), которое объясняется изъ стяженія *ovamo, oamo*. Ср. примѣчаніе Ягича къ статьѣ Фортунатова, Bemerkungen veranlasst von Miklosich, Et. W. Archiv für sl. Ph. XII., S. 96. Проф. Зубатый въ статьѣ Domnělý ablativ sg. v řečtině (L. f. 1900 г., стр. 2) высказалъ сомнѣніе въ аблативномъ происхожденіи греч. *ὦ, ἔχθω, ἔνδω* на томъ основаніи, что эти нарѣчія чередуются съ одной стороны съ *ἔχθοι*, съ другой стороны *ἔχθον, ἔνδον*. Но мы не понимаемъ, почему бы въ первыхъ нельзя было видѣть мѣстнаго п. на *oi*, а во вторыхъ винит. п. на *-on*.

[2]) Mucke, Historische und vergleichende Laut- unn Formenlehre der Niedersorbischen Leipz. 1891, S. 466.

[3]) Миккола, Нѣсколько замѣчаній по кашубскимъ говорамъ. Изв. отд. русс. яз. и слов. Имп. А. Н. Т. I, стр. 428.

бенно замѣчательна послѣдняя форма, употребляющаяся въ значеніи родительнаго падежа рядомъ съ сложной формой *tëvo*.

Если старославянскія нарѣчія **тамо**, **камо** и **амо** представляютъ въ своей первой части отложительный падежъ, то тотъ же падежъ долженъ лежать и въ основѣ русскаго нарѣчія *сямъ* (ср. выраженіе: *тамъ* и *сямъ*), образованнаго отъ мѣстоименія **сь**. И подобно тому какъ рядомъ съ **тамо**, **камо** и **амо** въ славянскихъ языкахъ доселѣ живутъ ихъ родители **та**, **ка** и **а**, такъ рядомъ съ нарѣчіемъ *сямъ* мы должны ожидать ч нарѣчіе *ся*. И дѣйствительно, недавно ак. А. И. Соболевскій[1]) привелъ примѣры употребленія этой частицы изъ древнерусскихъ памятниковъ и современной народной поэзіи: »*хощешили не уладивъся поити прочь, то тыг ся прочь, а Изяславъ мою волость пожьжетъ*. Здѣсь нарѣчіе *ся* употреблено въ значеніи *отсюда*, также какъ въ пѣсенной фразѣ: *поѣдемъ ко ся въ крашенъ Кіевъ градъ*. Въ восклицаніяхъ *эко-ся*, *нако-ся ся*, можетъ быть, имѣетъ значеніе »здѣсь« (ср. русс. *этта*!) Но вовсякомъ случаѣ, сближать наше нарѣчіе съ возвратнымъ мѣстоименіемъ **ся**, какъ это дѣлаетъ Соболевскій, нельзя безъ семасіологическихъ натяжекъ.

Кромѣ русскаго языка, нарѣчіе *ся* представлено, можетъ быть, польскимъ нарѣчіемъ *dzisja*, *dzisjaj*, происшедшихъ изъ **дьнь** + *cja* (ср. совр. чешск. *dneska* изъ **дьньсь** + *ka*). Впрочемъ, вмѣстѣ съ И. Л. Лосемъ, можно объяснять появленіе *a* аналогіей *wczora*[2]).

Но если *сямъ* въ своей основѣ представляетъ отложительный пад., то было бы вполнѣ логично видѣть ту же форму и въ основѣ мѣстоименія **самъ**. Теоретически это вполнѣ возможно. Такъ какъ мѣстоименіе **сь** или **съ** обозначало предметъ, ближайшій къ субъекту, и такъ какъ для субъекта нѣтъ ближе предмета, чѣмъ онъ самъ, то нарѣчіе **сл*, возведенное въ превосходную степень *-mos*, и дало мѣстоименіе **самъ** (*αὐτός*). Такъ какъ присоединеніе суффикса произошло еще въ самую раннюю общеславянскую эпоху, когда онъ еще не окаменѣлъ, то мѣст. **самъ**, примкнувъ къ образованіямъ какъ **тъкъмъ**, **седмъ** и т. п., и могло сохранить свои мѣстоименныя функціи. При такой этимологіи, очевидно, **самъ** не имѣетъ ничего общаго съ др. инд. *samas*, готск. *sama* и греч. *ὁμός*, краткое *o* которыхъ не отвѣчаетъ *a* славянскаго мѣстоименія.

---

[1]) Изъ исторіи русскаго языка Ж. М. Н. П. 1901 Окт., стр. 407—408.

[2]) Сложныя слова въ польскомъ языкѣ. Спб. 1901, стр. 42.

Хотя на источникѣ нашего мѣстоименія мы и поставили звѣздочку, но, собственно говоря, безъ всякаго на то права, такъ какъ форма *са* довольно широко распространена въ славянскихъ нарѣчіяхъ. Именно мы имѣемъ ее:

1. Въ словенскомъ нарѣчіи *sa*, *saj*[1]). Оно имѣетъ исключительно эмфатическое значеніе и употребляется рядомъ съ *sej* (= старосл. се!), которое имѣетъ то же значеніе: *počakaj saj nisi voda! sej ga ti mi kupil!*

2. Въ древнесербской формѣ родит. п. чеса. Если бы чесо было искони родительнымъ пад. ед. ч., то появленіе формы чеса уже въ древнѣйшихъ сербскихъ памятникахъ[2]) было бы необъяснимо. Напротивъ, явленіе объясняется просто, если предположить, что въ чесо со представляетъ именит.-винит. п. ед. ч., а чеса — родительный того же мѣстоименія *съ. На то же указываетъ и нижнелужицкая форма родительнаго п. *са* (изъ *čьsa*), рядомъ съ которымъ употребляется и *сого* (изъ *čьsogo*). Такимъ образомъ южносл. чесо: нижнел. *со* = сербск. чеса: нижнел. *са* = старосл, чесого: нижнел. *сого*.

3. Въ извѣстныхъ чешскихъ нарѣчіяхъ *odsad, dosavad, posavad, vocad*[3]), *posadsel*[4]) и нижнел. *dosal* (resp. *dotal*).

4. Въ чешскомъ діалектическомъ *dnesaj, dnesajky*, объясняющемся изъ дьнь + са[5]).

Такъ какъ нарѣчіе *sa* имѣетъ преимущественно мѣстное значеніе, то и самъ вѣроятно обозначало сначала »здѣсь«, »сюда«. Это значеніе и сохранилось въ польскомъ нарѣчіи *sam* »сюда«, »здѣсь«: *chodź sam, pójdź sam* и т. п.[6]) Мѣстоименное происхожденіе нашего нарѣчія доказывается также и южнославянскимъ *само*, употребляющимся въ значеніи *tantummodo*, общеславянскимъ *samъ solus*.

Нѣмъ сомнѣнія, что первоначальное значеніе *самъ* сохранилось бы отчетливѣе, если бы это мѣстоименіе не было вытѣснено нарѣчіемъ *сѣмъ, сѣмо, которое представляетъ не что иное, какъ мѣстный пад. отъ мѣст. съ, возведенный въ пре-

---

[1]) Maretič, тамъ же 93, str. 51.

[2]) Даничић, Историја облика Беогр. 1874. стр. 159.

[3]) Послѣдній, наприм., въ сѣверовост. чешскомъ нарѣчіи Kořble, Podřeči severních Čech Č. č. m. 1864, стр. 51.

[4]) Bartoš, Dialektol. mor. I., passim.

[5]) Bartoš, ibid. 171.

[6]) Malinowski Krytyczna gramatyka V Poznaniu 1869 str. 638.

восходную степень. Въ самостоятельномъ видѣ этотъ падежъ сохранился въ старославянскомъ междометіи съ (Lexicon Миклошича). Правда, Бругманнъ[1]) видитъ въ этой формѣ именит. п. мн. ч. ср. р. (ср. лат. *quae*), но въ виду связи съ съ сѣмъ, имѣющимъ исключительно мѣстное значеніе, такое предположеніе представляется маловѣроятнымъ[2]). Изъ другихъ мѣстоименій подобный же падежъ образовало къ въ старосл. цѣ, (цѣи, *et*).

Обѣ формы съ и цѣ восходятъ къ дифтонгическому мѣстному падежу; рядомъ съ послѣднимъ въ индоевропейскомъ языкѣ, какъ извѣстно, употреблялся и простой мѣстный пад. на *-e*. Весьма возможно, что именно эта форма скрывается въ старославянскомъ восклицаніи: се! (*ecce*): исключительно эмфатическое значеніе частицы ставитъ ее рядомъ съ съ. И подобно тому какъ напр. цѣ соединяется съ нарѣчіемъ и, такъ съ тѣмъ же нарѣчіемъ соединяется и се: ср. сенць (Lex. Mikl.). Несомнѣнно мѣстный падежъ представляетъ южнославянскій союзъ *te* (те)[3]).

Если нарѣчіе сѣмо хотя бы только въ своей основѣ есть мѣстный пад. ед., то весьма любопытно сопоставить съ нимъ старосл. нарѣчіе прѣмо. Дѣло въ томъ, что греч. *πρὸς*, *πρόμος*, умбр. *prumum*, готск. *fram*[4]) указываютъ на существованіе въ общеиндоевропейскомъ языкѣ прилаг. **pros* для мужескаго рода и **prom* — для средняго. Послѣдняя форма сохранилась въ славянскомъ предлогѣ *pro*. Мѣстный падежъ отъ этого прилагательнаго или мѣстоименія долженъ былъ звучать прѣ или въ превосходной степени прѣмъ (для мужескаго рода) и прѣмо (для средняго).

Но подобно тому какъ рядомъ съ сѣмъ существуетъ и самъ, представляющее въ своей основѣ отложительный падежъ, такъ рядомъ съ прѣмъ встрѣчается въ сербохорватскомъ языкѣ и форма

---

[1]) Brugmann, Zur Bildung des nom. acc. plur. Neutra, Morphologische Untersuchungen V., S. 57.

[2]) О странной гипотезѣ Шлякова относительно этого нарѣчія (Частицы ста, стани etc. Р. Ф. В. XL., стр. 167) см. рец. Ягича Archiv, XXIII. S. 844.

[3]) Brugmann, II, S. 797. Maretić тамъ же 89, стр. 64 и сл. Leskien, Die Entwickelung serbischer Sätze mit *te* von Parataxis zu Syntaxis, Archiv für sl. Ph. XXII., S. 1 и сл.

[4]) Brugmann, II., S. 167.

прѧмъ, которая представляетъ въ своей основѣ отложительный падежъ отъ °*pros* или **pro*, возведенный въ превосходную степень. Творительный пад. на *ō* сохранился въ извѣстномъ сербохорватскомъ предлогѣ *prama* (ср. **вьсьма, тъкъма**). Въ абсолютной формѣ отложительный падежъ отъ **pros* живетъ до сихъ поръ во всѣхъ славянскихъ языкахъ въ видѣ префикса *пра*: **прадѣдъ, правъноукъ** и т. д.

Насколько просто объясняются **прѣмъ** и **pramъ*, настолько темной представляется этимологія прилагательнаго **прямъ**, которое сохранилось въ русскомъ *прямъ*, сербск. *prem*, словенск. *prem*, чешск. *přímo*, *upřímny*. Какого бы мы мнѣнія ни держались о первой части нашей нарѣчія, нельзя сомнѣваться, что его суффиксъ тождественъ съ суффиксомъ **прѣмо**. А въ такомъ случаѣ первую частъ можно объяснить изъ формы **prin*, къ которой суффиксъ **-mos* присоединился еще въ дославянскую эпоху. Изъ формъ другихъ индоевропейскихъ языковъ славянскому образованію соотвѣтствуетъ отчасти греч. нарѣчіе *πρὶν*, которое морфологически можно опредѣлить какъ винительный п. ед. ч. отъ сущ. **pri(i̯)-is*[1]), основа котораго скрывается въ латинскомъ *priscus*, *prius*, *prior* и т. д. Въ славянскихъ языкахъ тоже существительное **pris*, кромѣ винит. п. (въ **пра-мо**), могло образовать и мѣстный п. въ видѣ предлога **при**. Какъ въ русс. *опричь*, діалектическомъ *опричи*[2]) къ мѣстному падежу присоединилось мѣстоименіе **чь** и **чи**, такъ то же мѣстоименіе вступило въ агглютинацію съ винительнымъ п. мн. ч. прилаг. ***пръ** въ чешскомъ *pryč* и мѣстоименіе **и** съ мѣстн. п. ед. ч. отъ того же имени въ польскомъ *uprzejmy* (изъ *u* + *prze* + *jъ* + *my*)[3]). Наконецъ, что касается нижнелужицкаго *poromje*, то, какъ указалъ еще г. Мука, это нарѣчіе возникло смѣшеніемъ формы **prjomje* (= **прѣмъ**) съ *po rownje*[4])

Если изложенная здѣсь гипотеза чередованія **прѣмо** и **прямо** имѣетъ хоть маленькую долю вѣроятія, то рядомъ съ фонетическимъ объясненіемъ этого явленія, предложеннымъ Соболев-

---

[1]) Brugmann, тамъ же II., S. 406.

[2]) Будде, О нѣкоторыхъ народныхъ говорахъ Тульск. и Калужской губ. Изв. отд. русс. яз. и сл. И. А. Н. 1898, стр. 874.

[3]) Проф. Зубатый объясняетъ это слово вліяніемъ корня глагола **ити** *-jьm* (Archiv XV, S. 497). Не представляетъ ли *przej* сравнит. степ. (ср. **прьвѣи**)?

[4]) Тамъ же, стр. 458.

скимъ[1]), мы бы имѣли и морфологическое. Преимущество послѣдняго объясненія передъ первымъ состоитъ въ томъ, что оно даетъ этимологію самихъ нарѣчій, чего нельзя сказать про гипотезу Соболевскаго.

Итакъ, мы доказали, что славянскія мѣстоименія въ единственномъ числѣ нѣкогда имѣли такія же падежныя флексія, какъ и имена существительныя темы на *-о*. Относительно множеств. числа это положеніе вѣрно только для именительнаго-винительнаго п. мн. ср. всѣхъ трехъ родовъ. Замѣчательно, что и мѣстоименіе *съ не было лишено такихъ окончаній: ср. напр. *на сы дни, на сы часы* (ср. *поты, поки*) въ воронежскихъ великорусскихъ говорахъ[2]). Разумѣется, это наблюденіе вѣрно только въ томъ случаѣ, если *сы* не есть результатъ простого отвердѣнія *и*.

---

[1]) Изслѣдованія въ области русской грамматики Р. Ф. В. VI, стр. 43.

[2]) Филатовъ, Очеркъ народныхъ говоровъ Воронежской губ. Р. Ф. В. XXXIX, стр. 192. Ср. также восточноморавск. *zasyk* (= za + sy + kъ. Bartocha, Hláskosloví dolnobečovské, L. f. XXIII, str. 413—447.

ЭТЮДЪ ВОСЬМОЙ.

ЗАБЫТЫЯ МѢСТОИМЕНІЯ.

Морфологическое сходство »частицъ« съ именными формами мѣстоименій. — Остатки мѣстоименія ***дъ. — *Происхожденіе второй части словенскаго и чешскаго мѣст. кдо. — Происхожденіе болгарскихъ кога, тога и т. п. — Причины отсутствія сложныхъ образованій мѣстоименія* ***дъ. — *Мѣстоименіе* ****djъ. *Мѣстоименіе* ****tjъ. — *Этимологія* **тоуждь** *и* **штоуждь**. — *Мѣстоименіе* ****ъ. — *Причины отсутствія іотаціи въ русс. этотъ. — Мѣстоименіе* ****гъ. — *Происхожденіе суффикса родит. пад.* **го**. *Разборъ гипотезъ. — Вопросъ о происхожденіи во русс. тово, ково. — Этимологія нарѣчій* **къгда, тъгда**. — *Мѣстоименіе* **жь**. *Этимологія западносл. žadný. — Мѣстоименіе* ****въ. — *Этимологія* **велии, великъ** *и velký. — Этимологія* **вьсь**. — *Мѣстоименіе* ****нъ. — *Мѣстоименіе* ****нь. — *Заключеніе.*

Въ предыдущемъ этюдѣ »О нѣкоторыхъ именныхъ формахъ славянскаго мѣстоименія« мы пытались доказать, что въ общеславянскомъ языкѣ нѣкогда существовала довольно развитая система склоненія мѣстоименій, ничѣмъ не отличавшихся по своимъ окончаніямъ отъ склоненія именъ на *-о*. Мало того, мы старались показать, что слѣды этого склоненія сохраняются донынѣ въ современныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ въ видѣ союзовъ и »частицъ« *та, ка, а*, представляющихъ древній творителный пад. на *-ō*, нарѣчіи **тоу**, представляющемъ дательный пад. съ ок. **оу** и т. д.

Всѣ эти нарѣчія, союзы и частицы суть не что иное, какъ опредѣленные падежи хорошо извѣстныхъ въ этимологическомъ

отношеніи мѣстоименій. По рядомъ съ ними и съ подобнымъ же значеніемъ употребляются въ всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ и такія частицы, которыя, при *поразительномъ* морфологическомъ сходствѣ съ первыми, не имѣютъ ничего общаго съ ними въ этимологическомъ отношеніи. Таковы, напр., частицы: **да, дє, доу, ды; га, гоу, ги, го; жє, жи, жь** и пр. Спрашивается, можно-ли на основаніи сходства грамматическихъ функцій тѣхъ и другихъ формъ заключить и о ихъ морфологическомъ *тождествѣ*? Другими словами, имѣемъ-ли мы право предполагать, что указанныя частицы представляютъ тѣ же самые падежи мѣстоименій ***дъ, *гъ** и пр., что и разсмотрѣнныя уже нами формы мѣстоименій **тъ, къ, съ**?

Отвѣтъ на эти вопросы можетъ дать только детальное сравненіе семасіологической и формальной стороны первыхъ и послѣднихъ.

Начнемъ прежде всего съ наиболѣе распространенной изъ нашихъ »загадочныхъ« частицъ **да**. Нѣтъ славянскаго языка, которому бы она не была извѣстна въ томъ или другомъ значеніи, въ той или другой степени. Но особенно изъ ряда вонъ выходящую роль играетъ частица **да** въ языкахъ южнославянскихъ, въ частности въ сербохорватскомъ: здѣсь, по справедливымъ словамъ одного ученаго[1], нельзя раскрыть устъ, что бы не произнести этого слова. Но не смотря на такое широкое распространеніе частицы **да** и не смотря на множество оттѣнковъ, которое получило въ современныхъ славянскихъ языкахъ ея значеніе, послѣднее, въ своихъ главныхъ чертахъ, вполнѣ совпадаетъ со значеніемъ частицы *та*.

Извѣстно, напр., что союзъ *та* замѣняетъ иногда въ славянскихъ языкахъ союзъ *и*. То же самое бываетъ и съ частицей *да*: *старосл.*: **видѣша єго ржаѭщьта сѧ да ѡки обѣштаваахѫ сѧ, дроуѕии же покораахѫ сѧ** Супр. 24. (Maretić, Rad. 89. str. 136): *болг. тамъ сѣдѣ лична Іована, да си збрала триста калфи* (Словарь Дювернуа); *сербохорв.*: *Kad se svi sastadoše i zmaju kazaše sve potanko, čiče zmaj, da se sva gora ustrese* (Musić-ibid., str. 5.); *русс. пьянъ да уменъ-два уродья въ немъ; нижнел. bŕez* (т. е. вода) *togo se njatožo nic stas' daniž dokóńcowas'* (Mar. ib. 137).

---

[1]) A. Musić, Rečenice s konjunkcijom „da“ v hrvatskom jeziku Rad., knj. 142 (1900 г.) str. 1.

Какъ и частица *ta*, да употребляется для обозначенія противоположности: *Старосл.*: **глаголаше жрѣти да кльхкованиѥмь сконь Бога нашего пожьже** (Mar. ib., 134); *болг. легне безъ да знае, що ще да бъде* (Mar. 134); *сербохорв.* Pa govore Zmajognjanin-Vuku, A da reče Zmajognjanin Vuče (Mus. ibid., str. 3); русс. Ѳедотъ да не тотъ.

Какъ и частица *та*, *да* употребляется и въ ассерторическомъ (утвердительномъ) значеніи. *Старосл.* **да бѫдетъ свѣтъ**; *болг.* »Хубаво момиче? Да; то не ще да е нѣкое зло нѣщо; (Словарь Дюв.) *сербохорв.* zlatni kove i srebrni da ljepo ti sjaš (Mus., ib., str. 2); *словенское* (словарь Плетершника), *польское* (Słownik gwar polskich Karłowicza) и *русское да* въ значеніи нѣм. »ja«.

Какъ и частица *та*, *да* встрѣчается въ славянскихъ языкахъ иногда съ консекутивнымъ значеніемъ: *болг.* А сичко това почиташе ся да ѥ неприлично за царево дѣте (Дюв.); *сербохорватское*: majka tvrda srdca bila, da od srdca suze ne pustila (Mus., ib., str. 6); *словинск.*: ljudi je bilo cerkvi, da se je vse trlo (Pleteršnik).

Подобно та, и да имѣетъ нерѣдко условное значеніе: *старосл.* да Супр. 147, 215 etc. (Miklosich, Lexicon pal.), *болг.* да ти беше Мирче помалечекъ, како юнакъ, тако и уменъ бѣше (Дюв.) *сербохорв.* da mu ko dlaku od brkova popije, bi se otravao (Mus., ib., 82.); *словенек.* da sem jaz na tvojem mestu, jaz bi vse drugač delal (Pleteršnik); *русс.*: не бывать бы счастью, да несчастье помогло.

Наконецъ, *да* нерѣдко раздѣляетъ съ *та* и временное значеніе; въ *старослав.* вмѣстѣ съ **ꙗко, ако** (Lex. Mikl.); сербохорв. Kad je pastir dužan pripovidati i nauke davati, dakle i puk dužan je slušati (Mor. ib. 148), *малорусс.* так, той котик як почув, да догнав лисичку . . . (ibid.)

Мы нарочно съ нѣкоторою подробностью остановились на сравненіи значеній *да* и *та*, чтобы показать ихъ почти полнѣйшее тождество. А это тождество можно только объяснить единствомъ морфологическаго происхожденія обѣихъ частицъ.

На ту же мысль наводитъ и дальнѣйшая судьба частицъ *та* и *да*: обѣ вступаютъ въ одинаковыя суффиксальныя (читай: мѣстоименныя) соединенія.

Рядомъ, напр. съ **такъ** славянскіе языки употребляютъ

нарѣчіе *дакъ*. Ср. сербохорв. *dak*[1]) съ его дальнѣйшими наращеніями: *дакле*, *даклем* и пр., болгарское *дакъ*, словенское *dakle*, русское *дакъ*, которое, въ соединеніи съ мѣстнымъ п. ед. ч. мѣстоименія *ъ: *этакъ* (*этакъ*), сохранило даже склоненіе.

Соотвѣтственно съ тѫже, въ славянскихъ языкахъ встрѣчаемъ старославянское дѫже, болгарское *даже*, сербохорватское *даже*, словенское *dаže*, русское *даже*.

Соотвѣтственно съ та-ѵе въ сербохорв. языкѣ употребляется *da-če* (Ак. Сл.)

Соотвѣтственно съ *taj*, въ сербохорватскомъ встрѣчается *dаj* въ значеніи »по крайней мѣрѣ«.

Соотвѣтственно съ болгарскимъ *тапи* въ сербохорватскомъ употребляется *da-pa-če* и т. д.

Число этихъ параллелей можно увеличить во много разъ, если къ сравненію привлечь остатки именного склоненія другихъ мѣстоименій. Такъ, общеславянское *ali* невольно напоминаетъ болгарское, сербохорватское, польское *dali*, чешское *a-no* — сербохорватское *dano*, общеславянское *ka-by* — южнославянское и русское *да-быі* и т. д.

Итакъ, и внѣшняя, и внутренняя исторія *да* одинакова съ той и другой исторіей формъ *ка*, *та* и т. Но послѣднія, какъ мы доказали, представляютъ творительные или отложительные падежи мѣстоименій къ, тъ др. Отсюда слѣдуетъ, что и да представляетъ тѣ же падежи мѣстоименія *дъ. Именно, творительный падежъ мы видѣли въ большинствѣ приведенныхъ случаевъ; только тамъ, гдѣ *да*, абсолютное или сложенное съ другими мѣстоименіями, обозначаетъ мѣсто или время, оно вѣроятно представляетъ чистый аблативъ. Послѣдній несомнѣнно скрывается въ общеславянскихъ нарѣчіяхъ *tъda*, *tъgda*, *kъda*, *kъgda* и въ русскомъ *туда*, *куда*, и пр. Такъ какъ понятіе неопредѣленности тѣснѣе связано съ отложительнымъ падежомъ, чѣмъ съ творительнымъ, то тотъ же падежъ мы склонны видѣть въ малорусско-польско-словацкомъ *dakto*, *dakde*, *dagde* и т. п.

Если *да* морфологически тождественно съ та, то де и дѣ должны быть морфологически тождественны съ те и *тѣ (ср. сѣ, цѣ.) Подобно послѣднимъ, де и дѣ употребляются въ славянскихъ

---

[1]) Встрѣчается только у двухъ писателей чакавцевъ XVI. и XVIII. в. Даничичевъ академ. словарь, безъ всякаго основанія, выводитъ эту форму изъ *dake*.

языкахъ не только въ качествѣ суффиксовъ разныхъ нарѣчій, но и въ качествѣ самостоятельныхъ словъ т. е. союзовъ. Такъ, въ болгарскомъ языкѣ *де* имѣетъ слѣдующія значенія: 1. мѣстное: кога дѣ щото найдете, то знайте, че е на господара ви, а не ваше (Дюв.); 2. *временное*: и си на умъ имайте, дѣ ще дойде младъ Александрия, никой-коня да му пофати (ibid.); *относительное*: една кора питенъ лебецъ, де седеше отъ цѣлъ месецъ. Замѣчательно, что подобно старославянскимъ сє, сѣ, нарѣчія *де*, *дѣ* употребляются въ болгарскомъ языкѣ въ эмфатическомъ значеніи или въ значеніи междометій: »не скрьцай де!« (Дюв.), »Пиши де!« (ibid.) Исключительно въ послѣднемъ значеніи употребляется сербское *de*, *dje*, *di* »age«, что, можетъ быть, объясняется необыкновенно широкимъ распространеніемъ въ этомъ языкѣ частицы *те*. *Де* употребляется въ сербскомъ языкѣ и въ удвоенномъ видѣ: *деде* (Slovnik ak.), ср. русс. междометіе *тете!* То же междометіе мы встрѣчаемъ въ словенскомъ *dèž* (Pleteršnik), въ польскомъ *dede*, малорусскомъ *деде*, въ верхнелужицкомъ *de* (Pfluhl) и нижнелужицкомъ *z'e*, *z'o* (Myka).

Подобно *da* и нарѣчія *de* и *дѣ* соединяются съ префиксами и суффиксами. Такъ, сочетанія съ послѣдними мы имѣемъ въ болгарскомъ *дѣда* »гдѣ-нибудь«, »гдѣ бы«, *декато* »гдѣ«, *декане дено* »гдѣ«, *дѣто* »гдѣ«, »что«, »который« и т. д. (Дюв.); въ сербскомъ *дере*, *дери*, *дети* »ну«; въ словинскомъ *dète*! »ну!«, въ верхнелужицкихъ *deha*, *dehe*, *dehej*, малорусскихъ *денеде*, *деколи*, *дехто*[1]).

Гораздо распространеннѣе въ славянскихъ языкахъ соединенія нарѣчій *де* и *дѣ* съ префиксами-мѣстоименіями **къ**, **нѣ**, **онъ**: ср. старосл. **кѣдѣ**, **къдє**, **нѣдє**, **онъдє**: болг. *где*, сербск. *где*, *гдѣ*, *ђе*, *онде*, словенск. *kde*, *gde*, *inde*, чешск. *onde*, *jinde*, *vezde*, польск. *gdzie*, верхнелужицк. *hdz'e*, нижнел. *z'o*. Не перечисляемъ всѣхъ формъ систематически, такъ какъ онѣ слишкомъ хорошо извѣстны каждому слависту.

Какъ частицы *de*, *dě* соотвѣтствуютъ *ѣе*, *цѣ*, такъ **доу** отвѣчаетъ **тоу**. Подобно другимъ своимъ собратамъ, *ду* встрѣчается и въ качествѣ самостоятельнаго слова, хотя въ одномъ только верхнелужицкомъ нарѣчіи (въ значеніи *когда*): *šej', zrudoby je zabyła, na kwas nej' jacy spomniła; duž poča Jezus ryčec z nej*

---

[1]) Ogonowski, Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache. Lemberg 1880, S. 91.

а *poda złoty pierścien jej* (Maretić, Rad., 93, 3). Какъ элементъ другихъ мѣстоименій, оно входитъ въ составъ извѣстныхъ старославянскихъ нарѣчій **каждоу, тждоу**.

Слѣдующей параллелью »именнымъ« формамъ мѣстоименія **тъ** является форма **ды**. И эта форма встрѣчается абсолютно, въ видѣ нарѣчія времени: его знаетъ именно польскій языкъ (*dyć*): *nie bójcie sie, dyć dam temu radę* (Mar. ibid.); *dy ja cie ne chciała, przeciech cil dostała, „dy, patrzajmo!“* (Sl. Karł.) и особенно чешскій: *co jsú to za rybičky, dyť nemá žádná hlavičky* (Mar. ib. 2)[1]). Эти примѣры служатъ единственными случаями антепозитивнаго положенія нашего нарѣчія въ сложеніи съ другими мѣстоименіями; гораздо употребительнѣе оно въ *постпозитивномъ* положеніи. Ср. русс. *туды, куды*, польск. *ady, tedy, kiedy*, чешск. *tedy, kdy, mnohdy, druhdy* и мн. др. Замѣчательно, что южнославянскіе языки этой древней формы винительнаго п. множ. ч. мѣстоименія ***дъ** не употребляютъ.

Итакъ, между именными формами мѣстоименія **тъ** и формами мѣстоименія ***дъ** наблюдается такой полнѣйшій параллелизмъ, что существованіе его въ славянскихъ языкахъ можно было бы считать вполнѣ доказаннымъ, если бы мы нашли формы его именительнаго пад. ед. ч. Но счастью, это оказывается нетрудно.

Именительный пад. ед. ср. р. прежде всего мы имѣемъ несомнѣнно въ союзѣ **до** (ср. **то**), который еще въ старославянскихъ памятникахъ употребляется иногда вмѣсто **да**. *Предлогъ* **до** вѣроятно тождественъ въ генетическомъ отношеніи съ союзомъ **до**, въ пользу чего, между прочимъ, говоритъ нерѣдкое употребленіе его въ сербскомъ языкѣ въ функціи нарѣчія (ср. Словарь Будмани). Какъ и **то**, **до** въ сочетаніи съ другими мѣстоименіями имѣетъ антепозитивное и постпозитивное положеніе.

Первое мы имѣемъ, напр., въ старославянскомъ **тоже**, древнер. *доже*, болг. *дорі, дори*, серб. *дори*; далѣе — въ болгарскомъ *докль*, сербскомъ *док, докле, доклем, додо* и мн. др.

Второе мы видимъ, напримѣръ, въ послѣдней части мѣстоименій **колижьдо, толижьдо, къжьдо** (ср. аналогичныя образованія **къ-то**, *tento* и пр.)

Весьма возможно, что средній родъ ед. ч. мѣстоименія ***дъ**

---

[1]) Многочисленные примѣры употребленія этой частицы можно найти почти въ каждомъ сочиненіи по моравской діалектологіи.

мы имѣемъ и во второй части словенскаго и чешскаго мѣстоименія *kdo*.

Проф. Гебауэръ[1]) и вслѣдъ за нимъ Р. Ѳ. Брандтъ[2]) объясняютъ *d* чешскаго *kdo* вліяніемъ нарѣчій *kdy* и *kde*, но эта аналогія была бы здѣсь возможна только въ томъ случаѣ, если бы *kto* и *kdy*, находились въ постоянномъ ассоціативномъ соотношеніи между собой, что допустить трудно. Тотъ фактъ, что *kdo* встрѣчается въ памятникахъ чешскаго языка позднѣе (именно-только съ XIV в), чѣмъ *kto*, также ничего не доказываетъ, такъ какъ степень распространенія извѣстнаго слова въ языкѣ не одна и та же въ разные періоды его исторіи: современное, напр., русское *каждый* встрѣчается въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго языка чрезвычайно рѣдко, но отсюда еще не слѣдуетъ, что это слово представляетъ новообразованіе, а не архаизмъ, засвидѣтельствованный польскимъ и чешскимъ *každý* Подобнымъ образомъ и *kdo*, будучи сначала извѣстно только немногимъ говорамъ чешскаго языка, съ теченіемъ времени, могло вытѣснить равноправное ему въ морфологическомъ отношеніи мѣстоименіе *kto*. Что это вытѣсненіе одной формы другою произошло не сразу, доказываютъ такіе примѣры контаминаціи какъ *kdery* (Geb. ibid. str. 324), съ одной стороны, и *kte*, съ другой. (ib. 406). Наконецъ, и почти исключительное употребленіе *kdo* въ словенскомъ и нерѣдкое въ нижнелужицкомъ указываетъ *какъ-будто* на общеславянское происхожденіе этого мѣстоименія.

Высказывая мнѣніе объ архаическомъ происхожденіи чешскаго *kdo*, мы не хотимъ сказать, что считаемъ это мнѣніе доказаннымъ. Этотъ вопросъ, какъ и многія другія проблемы нашей науки, принадлежитъ, къ сожалѣнію, къ числу такихъ, относительно которыхъ почти съ одинаковымъ правомъ можно строить совершенно противоположныя гипотезы.

Какъ бы то ни было, но существованіе въ общеславянскомъ языкѣ формы ср. р. мѣстоименія *дъ врядъ ли подлежитъ сомнѣнію.

Гораздо болѣе спорный характеръ имѣютъ свидѣтельства о существованіи формы *мужескаго* рода того же мѣстоименія. Эти свидѣтельства слѣдующія.

---

[1]) Historická mluvnice I., 1., стр. 324.

[2]) Краткая фонетика и морфологія чешскаго языка М. 1900.

1. Русское и западнославянское *каждый*. Какъ мы доказали выше, первый слогъ этого мѣстоименія представляетъ архаическій творительный пад. на *ъ*; второй слогъ представляетъ именит. п. общеславянской формы *каждъ, такъ какъ только изъ нея могла возникнуть форма каждыи (изъ каждъ + и). Родительный п. мн. ч. подобнаго мѣстоименнаго прилагательнаго скрывается въ формѣ *кождыхъ*, встрѣчающейся въ одной рукописи Хлудова и, конечно, не имѣющей ничего общаго съ выраженіемъ колижьдо ихъ.[1])

2. Среднеболгарскія формы кодга, тодга, вьседга. Обыкновенно эти формы объясняютъ посредствомъ перестановки изъ когда, тогда, вьсегда и, предполагая дальнѣйшее выпаденіе д, ставятъ въ непосредственную связь съ общеболгарскими нарѣчіями *тога*, *кога*, *сега* и пр. Такое объясненіе однако, нельзя не признать крайне искусственнымъ. Прежде всего, неясна причина этого явленія, стоящаго совершенно одиноко въ славянскихъ языкахъ: группа *гд* не представляетъ такихъ физіологическихъ неудобствъ для своего произношенія, которыя требовали бы перестановки звуковъ. Во — вторыхъ, сходство съ среднеболгарскими формами нижнелужицкаго нарѣчія *kadga* и верхнелужицкаго *kadha*[2]) дѣлаетъ въ высшей степени сомнительной перестановку согласныхъ звуковъ. Наконецъ, въ пользу архаическаго происхожденія нарѣчій *кодга*, *едга* говоритъ и древность ихъ датировки. Эти формы встрѣчаются уже въ древнѣйшихъ среднеболгарскихъ памятникахъ, между прочимъ, кромѣ Добромірова Евангелія[3]), и въ знаменитомъ Слѣпченскомъ Апостолѣ XII в. Здѣсь наши нарѣчія употребляются почти исключительно, а это обстоятельство указываетъ на большой возрастъ самого явленія, которое наблюдается и въ листкахъ Ундольскаго-памятникѣ XI. столѣтія. Все это и указываетъ на то, что формы *тъдъга, *къдъга представляютъ совершенно *равноправныя* съ тъгъда, къгъда морфологическія образованія.

3. Чешскія нарѣчія *dotavad*, *posavad*, *poněvadž*, *odkavad*, въ которыхъ послѣ *d* отпало или выпало ъ (resp. такъ, какъ).

---

[1]) Послѣднее предположеніе высказалъ И. Л. Лось «Сложныя слова въ польскомъ языкѣ», Спб. 1901, стр. 20.

[2]) Мука, тамъ же, стр. 462.

[3]) Jagić, Evangelium Dobromiri (Sitzb. W. Ak. 1898): ср. тодьга, кодьга (S. 9)

4. Предлоги съ аффиксомъ -дъ. Сюда относятся предлоги: **по-дъ, прѣ-дъ, ко-дъ** и др., второй слогъ которыхъ удобно объясняется именно изъ мѣстоименія *дъ. Весьма возможно, что тоже мѣстоименіе скрывается и въ предлогѣ **одъ**, если только онъ не представляетъ результата фонетическаго измѣненія **отъ** и если только сравнительно позднее *появленіе* его въ памятникахъ чешскаго языка[1]) не означаетъ и его позднѣйшаго *происхожденія*.

Итакъ, между »именными« образованіями мѣстоименія **тъ** и **дъ** наблюдается полнѣйшій параллелизмъ. Спрашивается, почему же только первое мѣстоименіе образовало настоящія »мѣстоименныя« формы **того, томоу, тѣмь, томь**, и т. д., а мѣстоименіе **дъ** осталось имъ чуждо?

Причина этого страннаго явленія заключается, по нашему мнѣнію, въ различіи хронологіи обоихъ типовъ склоненія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что »мѣстоименное« склоненіе возникло позже »именного«, такъ какъ первое, по всей вѣроятности, представляетъ только своеобразное наращеніе второго. Если, поэтому, наряду съ формами **того, томоу**, мы не встрѣчаемъ формъ ***дого, *домоу**, то это объясняется тѣмъ, что именное склоненіе уже разрушилось, когда къ формѣ средняго рода **то** начали присоединяться усиливающіе аффиксы: **го, моу** и пр. Мы можемъ даже опредѣлить время, когда совершилось распаденіе »именного« склоненія мѣстоименія **дъ**, именно это случилось еще въ общеиндоевропейскую эпоху жизни языка. Доказательствомъ этого служитъ тотъ фактъ, что почти ко всѣмъ славянскимъ именнымъ формамъ мѣстоименія **дъ** можно найти параллели въ другихъ индоевропейскихъ языкахъ только въ видѣ нарѣчій. Такъ, дательному падежу **доу** соотвѣтствуетъ только греч. *δεῦ* въ *δεῦ-ρο* »сюда« (*δεύρω, δεύρε* въ аттическихъ надписяхъ), *δεῦ-ρί, δεύτε*; лат. *dū-dum, quam-dudum, jam-dudum, inter-du-atim*, наконецъ прусское *dau* въ *quen-dau, stwendau*; точно также славянскому творительному падежу **да** отвѣчаетъ санскр. *i-dā* »теперь«, *ta-dā, ya-dā* и латинское *quando*, **īdō*, (изъ *i-do-neus*); Параллелью къ славянскому аблативу **да** могутъ служить формы вродѣ санскр. *váha-tād*, греч. *'ελθε-τῶς, φερέ-τω*; славянскій

---

[1]) Gebauer, тамъ же, стр. 326. Meillet (Note sur une difficulté générale de la grammaire comparée Paris 1900) сближаетъ *dъ* предлоговъ *подъ, прѣдъ* съ греч. *δα*, индоевр. **-dhu*; цитируемъ по Věstníku slovanské filologie R. I., str. 24.

мѣстный падежъ дє находитъ точныя соотвѣтствія въ извѣстномъ греческомъ *δε ὅδε*, *'ενθέν-δε*, *'ενθά-δε* и латинск. *inde*, *unde*, и тотъ же падежъ въ удлиненной формѣ въ греч. *δή*, лат. *de* въ *de-nique*.

Итакъ, не только славянскіе языки сохранили именныя формы склоненія мѣстоименія дъ лишь въ видѣ нарѣчій. Хотя это обстоятельство показываетъ, что ассоціативная связь между различными падежами этого мѣстоименія распалась уже въ индоевропейскую эпоху, мѣстоименное происхожденіе всѣхъ разсмотрѣнныхъ формъ, тѣмъ не менѣе, остается несомнѣннымъ для всякаго логически мыслящаго человѣка. Поэтому, о какой-бы то ни было неясности этимологіи частицы да[1]) не можетъ быть и рѣчи, также какъ и о старыхъ попыткахъ сблизить ея корень съ корнемъ да[2]) и дѣ[3]). Попытки эти въ настоящее время могутъ имѣть только историческій интересъ.

Итакъ, во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ сохранились слѣды склоненія мѣстоименія *дъ по темѣ на -о. Но, какъ извѣстно, послѣднее обыкновенно предполагаетъ и склоненіе по темѣ на *-jo*. Такъ, рядомъ съ темой рабъ употребляется склоненіе по образцу ижь, рядомъ съ *ъ извѣстно мѣстоименіе jь и т. д. По аналогіи, мы вправѣ предполагать, что общеславянскому языку кромѣ мѣстоименія дъ было извѣстно и мѣстоименіе ждь (изъ **djъ*.) Такое мѣстоименіе мы, дѣйствительно, и имѣемъ въ второй части старославянскаго слова тождє, представляющей именительный-винительный пад. ср. р. Какъ показываютъ инославянскія параллели этого слова и ему подобныхъ (русс. *тоже*, древнесербск. *toi'e tolje*), аффиксъ *жде* здѣсь не имѣетъ ничего общаго съ суффиксомъ къ-жь-до, колижьдо, но восходитъ несомнѣнно къ мѣстоименію ср. р. ед. **дje*. Предполагать здѣсь сравнительную степень мѣстоименія дъ, какъ это дѣлаетъ Ю. Даничичъ[4]), мы не имѣемъ никакого права, такъ какъ наука не доказала еще, что славянскія мѣстоименія были способны къ образованію такой сравнительной степени вообще.

---

[1]) Maretič, o. c. str. 1.

[2]) Miklosič, Lex. pal. Въ этим. словарѣ знаменитый славистъ сталъ уже на правильную точку зрѣнія.

[3]) Jagič, Das Leben der Wurzel *dě* in den slavischen Sprachen.

[4]) Разлике између чакавштине и штокавштине, Гласник, IX.

Если при мѣстоименіи *дъ несомѣнно употреблялось и мѣстоименіе ждь (= дъ), то ничего не было бы удивительнаго въ томъ, если бы рядомъ съ твердымъ склоненіемъ мѣстоименія тъ мы встрѣтили и мягкое отъ тъ (тъ). Къ сожалѣнію, мы можемъ указать только одинъ (и притомъ не совсѣмъ достовѣрный) случай такого склоненія, это старосл. **штоуждь**, русск. *чужой*, болг. чужъ, чешск. cizí, польск. cudzy, полабск. ceuzi. Какъ извѣстно, въ этомъ словѣ видятъ[1]) заимствованіе готскаго *thiuda* »народъ«, но такое объясненіе оставляетъ открытыми цѣлый рядъ вопросовъ и сомнѣній. Прежде всего, неясно, почему форма **teuta* въ общеславянскомъ дала **штоуждь**, а не **штоушть*, какъ мы ожидали бы; во вторыхъ, рядомъ съ первой формой, какъ извѣстно, употребляются еще **тоуждь** (сербск. туђ, словински *tuj*) и **стоуждь** (Супр. ркп.). Обѣ эти формы не могутъ быть выведены изъ германскаго корня *teu*, но только изъ **tou*; но существованіе послѣдней, на сколько намъ извѣстно, еще не доказано; въ частности, гипотеза готскаго происхожденія слова не объясняетъ, откуда появилось с въ словѣ **стоуждь**, употребленнымъ въ Супральской рукописи семь разъ.[2]) Наконецъ, и съ семасіологической точки зрѣнія эта гипотеза возбуждаетъ большое недоумѣніе: славяне сосѣдили не съ одними нѣмцами, — почему же ихъ племенное названіе послужило для нихъ синонимомъ »чужого«, а не названіе обровъ, финновъ, влаховъ и т. д.?

Между тѣмъ, всѣ эти загадки разрѣшатся до извѣстной степени удовлетворительно, если мы въ словѣ **тоуждь** признаемъ двойное мѣстоименіе. Первый слогъ въ такомъ случаѣ представлялъ бы нарѣчіе **тоу** „тамъ", а второй уже извѣстную намъ форму мужескаго рода мѣстоименія *дъ. Первоначальное значеніе нашего слова было бы въ такомъ случаѣ »тамошній«, »нездѣшній« (ср. русс. *туземецъ*, польск. *tubylec*)[3]). Тотъ же дательный направленія и отъ того же мѣстоименія скрывается, по нашему мнѣнію, и въ первой части слова **штоуждии**, съ тѣмъ различіемъ, что здѣсь мѣстоименіе тъ употреблено по мягкому склоненію. Такъ какъ въ древнѣйшихъ старославянскихъ памятникахъ **тоуждии**

---

[1]) Miklosich, Et. Wörterbuch; W. Vondrák, Zur Kritik der altslov. Denkmale, Wien 1886, 475, Altkirchenslav. Grammatik S. 53, Э. Бернекеръ, Von der Vertretung des idg. eu im baltisch-slavischen Sprachzweig If. X, S. 155-156.

[2]) Vondrák, o. c.

[3]) Брандтъ, Дополнительныя замѣчанія, стр. 140—171.

болѣе распространено, чѣмъ штоѭждь, употребляемая преимущественно въ Супрасльской рукописи [1]), то весьма возможно возникновеніе ея изъ тоѭждь посредствомъ морфологической ассимиляціи его первой части второй. Предполагать, наоборотъ, диссимиляцію штоѭждии въ тоѭждии черезъ стоѭждии, какъ это дѣлаетъ Вондракъ [2]), значитъ на мѣсто одной загадки ставить другую. Что касается стоѭждии, то мы вмѣстѣ съ Брандтомъ видимъ въ немъ уподобленіе имени стоѭдъ. Еще загадочнѣе происхожденіе староцерк. чѫждь и совр. болг. *чужъ*, *чуждъ*. Нельзя-ли видѣть и въ его основѣ дат. п. ед. мѣстоименія ѩь (по *jo*- темѣ), сохранившагося въ такихъ нарѣчіяхъ, какъ ѥдинаѩє, ныньѩє? Творительный или отложительный падежъ этого мѣстоименія заключается, можетъ быть, и въ нарѣчіи ѩи (ср. ца въ оьисица) = *και τοι*.[3]) Рядомъ съ нимъ въ памятникахъ встрѣчается и ѩѣи [4]). Если ѣ не есть здѣсь фонетическая замѣна и, то ѩѣ можно объяснять какъ мѣстный падежъ на *-o* по аналогіи цѣ.

Весьма возможно, что то же мѣстоименіе *tjъ* скрывается и въ суффиксѣ -штьнъ въ словахъ домаштьнъ, сербск. *домаћин*, польск. *domacy* и др. Проф. Зубатый указалъ прекрасную ему параллель въ санскр. постпозитивной частицѣ *tja*, употреблявшейся въ мѣстномъ значеніи. [5])

Сравнительно съ многочисленными примѣрами твердаго склоненія мѣстоименій тъ, дъ мягкое склоненіе тѣхъ же мѣстоименій представляетъ лишь самые жалкіе остатки. Въ другихъ случаяхъ и въ другихъ мѣстоименіяхъ мы встрѣчаемъ обратное: мягкое склоненіе сохранилось полнѣе и въ большемъ количествѣ падежей, чѣмъ твердое. Такъ, въ то время какъ мѣстоименіе и (= *jь*) представляетъ одну изъ наиболѣе богатыхъ парадигмъ, мѣстоименіе *ъ сохранило именныя формы только для четырехъ косвенныхъ падежей.

---

[1]) W. Vondrák, Zur Kritik der altslovenischen Denkmale (Sitzb. W. A. d. ph.-hist. Cl. CXII, S. 775).

[2]) Тамъ же.

[3]) Vondrák, O mluvě Jana eksarcha bulharského. V Praze 1896, словоуказатель.

[4]) Рец. П. А. Лаврова на Ягичево изданіе Гршковичева Апостола руды Слав. Ком. И. М. А. О. I. стр. 25.

[5]) Archiv S. Ph. XIV, S. 152. Темнаго происхожденія хорватское *ča* Zima Nekoje razlike med'u čakavštine, kajkavštine i štokavštine Zagr. 1887, str. 102.

Во первыхъ, для творительнаго п. ед. ч. а, ако и пр.[1])

Во вторыхъ, для отложительнаго пад. ед. ало, *ady* и т. д.[2])

Въ третьихъ, для дательнаго п. ед. ч. Сюда относится старославянское оу »уже«, которому соотвѣтствуетъ латинское *au-t* и греч. *αὖ* и рядомъ съ которымъ по мягкому склоненію употребляется ю. Какъ и другія именныя формы, это нарѣчіе нерѣдко вступаетъ въ соединеніе съ аффиксами ко (старосл. оуко, сербск. *ȳба* »едва«), съ же (старосл. оуже русс. *уже*, словенск. *uže*, *vže*, *vre*, *bže*, чешск. *už*), съ не: (старосл. оуне, оунъ), съ то: старосл. оуто) и т. д.[3])

Наконецъ, въ четвертыхъ для мѣстнаго падежа: болг. *е*, сербск. *е*, словенск. *е*, чешск. діалект. *hen*, польск, *е*, *hen*, верхнелужицкое *е*, русское э. Подобно другимъ своимъ собратьямъ (*te*, *de*, *se*), это нарѣчіе имѣетъ почти исключительно эмфатическое значеніе и подобно послѣднимъ вступаетъ въ многочисленныя соединенія съ аффиксами. Таково напр.:

болгарское *ей*, сербск. *ej*, словенск. *ej*, чешск. *ej*, польск. *ej*, русское *эй*.

Болгарское *ето*, сербское *ето* и русское *это*;

болгарское *еме*, сербское *еме* и словинское *ete*.;

словенское *etak*, русс. *этакъ*;

болгарское *екъ*, русс. *экой*, *экій*, *экъ*.

болгарское *éгле*, чешск. *ehle*, *ejhle*;

польское *edyc'*, *ec'*, *ecz*, чешское *eja*, *eport*.

Узнавъ, что первый слогъ перечисленныхъ словъ есть не именительный падежъ ед. ч. ср. р., а мѣстный падежъ ед. ч. именного образца, насъ не будетъ теперь удивлять странный для многихъ ученыхъ фактъ несмягченія *j*- томъ начальной гласной мѣстоименій русс. *этотъ*, сербск. *evo* и т. д. Такъ какъ *е* есть косвенный падежъ мѣстоименія *ъ, склоненіе котораго разрушилось еще въ общеславянскую эпоху, то оно сравнительно рано подверглось изоляціи, превратившись въ нарѣчіе и избѣжавъ такимъ образомъ вліянія *j*- та. Что *е* въ русскомъ *этотъ* представляетъ не именительный пад. ср. р., а нарѣчіе, это доказываетъ не только употребленіе *е* въ абсолютной формѣ

---

[1]) См. стр. 69.

[2]) См. стр. 71.

[3]) Ср. Meillet, Étymologies slaves (Extrait des Mémoires de la S. L. t. IX.), p. 4.

въ сербскомъ языкѣ, но и приведенныя ак. Соболевскимъ примѣры вродѣ *въ э въ этомъ, съ э съ тѣмъ* и т. д. Какъ изъ этихъ синтаксическихъ сочетаній развились русскія діалектическія *энтотъ, эвтотъ, эстотъ*, такъ изъ сочетаній *э тотъ* возникло общерусское *этотъ*[1]). Сравнительно съ *тотъ* это мѣстоименіе обозначаетъ болѣе близкій предметъ, что прекрасно объясняется значеніемъ *е* какъ *мѣстнаго падежа*. Отсюда слѣдуетъ, что *этотъ* есть »*тотъ*, кто находится *въ этомъ мѣстѣ т. е. здѣсь*«.

Что бы окончить обзоръ именныхъ формъ мѣстоименія *ъ, намъ остается упомянуть о формѣ средняго рода ед. ч. *-о*. Ее мы имѣемъ, напр., въ слѣдующихъ случаяхъ:

въ болгарскомъ *óле, óлеле*, сербск. *оли*, русс. *оли, олв*;

въ сербскомъ *ово*, чешскомъ *ova*, верхнелужицкомъ *owa*, польскомъ *owa*;

въ словенскомъ *oto, otaj*, русс. *oto*, польск. *oto*;

въ малорусскомъ и польскомъ *ось, os'*;

въ русскомъ *ого*. (Ср. Шахматовъ, Изслѣдованія, 11-12).

Мѣстоименіе *дъ* отличается, какъ мы видѣли, отъ мѣстоименія *тъ* только своей начальной гласной: у послѣдняго она — глухая, у перваго — звучная. То же, повидимому, свойство первоначально раздѣляло и мѣстоименія *къ* и *гъ*.

Слѣдуя нашему плану, укажемъ сначала на слѣды отложительнаго падежа послѣдняго мѣстоименія. Ихъ мы видимъ, прежде всего, въ извѣстныхъ среднеболгарскихъ формахъ *едга, кодга, вседга*, которыя, какъ доказано было выше, не могли произойти изъ старославянскихъ формъ путемъ перестановки согласныхъ *гд*. Тотъ же ablativus temporis представляетъ и современное болгарское га »когда«: *и га отидоха, Вардаръ былъ присушилъ, и га се врнаха, Вардаръ былъ притекалъ* (Слэв. Дюв.). Могутъ возразить, что это *га* есть только результатъ простого сокращенія болгарскихъ формъ *кога, сега* и т. д., но противъ такого объясненія рѣшительно протестуютъ серболужицкія формы того же нарѣчія. Среднеболгарскимъ формамъ соотвѣтствуютъ нижнелужицкія формы *kadga, gadga* и верхнелуж. *kadha, hdydha*, современно-болгарскимъ *кога, тога* — нижнел. *nëga, nïga* (нѣгда,

---

[1]) Кромѣ А. И. Соболевскаго (Лекціи[2] 128) подобное же объясненіе русскихъ *энтотъ, эстотъ* и пр. предложилъ проф. И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ Глоттологическія замѣтки Вор. 1877, стр. 49—50.

нигда), *gdyga? gaga? kaga? vežga* (= *сега*), верхнел. *hdyha, štoha.*[1]) Подобно болгарскому *га*, нижнелужицкій языкъ употребляетъ ту же частицу и въ абсолютной формѣ: 1. для обозначенія противоположности: *ja bech jano tžošku zdrěmnula, ga přiže me mysl*; 2. для обозначенія времени: *ako bech fryjny, ga bech wjasoły*; 3. для обозначенія условія: *je li wyn umieral myjego dla, ga ja humres' jogo dla* и 4. для обозначенія причины *dokulž běchu tam luštne kumpany ga tam při nich wosta*[2]). Respective *da, ga* употребляется въ нижнелужицкомъ языкѣ и въ утвердительномъ смнелѣ (= нѣм *ja*[3]).

Третій славянскій языкъ употребляющій частицу *ga* въ абсолютной формѣ, — словенскій[4]). Она встрѣчается здѣсь только въ отрицательныхъ субстанціальныхъ предложеніяхъ и, какъ увидимъ ниже, неслучайно. Первоначально она являлась приставкой только къ родит. пад. ед. ч. муж. и ср. р., но въ настоящее время ея употребленіе не ограничено ни родомъ, ни числомъ. Примѣры: *Ni ga ti boljega; teko* (= toliko) *ga jih nikdar ne bilo. Tam gde nega drugih prič!* и др. Авторъ статьи, изъ которой мы почерпнули эти свѣдѣнія, видитъ въ частицѣ *ga* примѣръ суффикса, превратившагося въ самостоятельное слово; но вышеприведенные примѣры изъ языковъ болгарскаго и лужицкихъ указываютъ скорѣе на его общеславянское происхожденіе.

Въ пользу этого же предположенія говоритъ и кашубское нарѣчіе *ga* »когда«: »*ga jájem przyszed, tej ju było po wszytkému*«; »*Ga jam byl młody*«. Respective *kaby* въ кашубскомъ языкѣ употребляется и *gaby* „*gab* ja *miał*" (Karłowicz, Słownik gwar polskich).

Итакъ, если въ цѣломъ рядѣ славянскихъ языковъ употребляется *ga* въ значеніи отложительнаго падежа, то было бы вполнѣ логично заключить, что извѣстное сербское и словенское мѣстоименное окончаніе *ga* тождественно съ первой частицей.

Въ сравненіи съ формой дат. пад. ед. ч. **тому** сербская и словенская формы *toga, tega*, является болѣе »правильной« формой, чѣмъ инославянская *toho, tego*: какъ и въ первой, здѣсь къ чи-

---

[1]) Мука, тамъ же, стр. 462.

[2]) Maretić, Rad. 98, str. 5.

[3]) Мука. тамъ же 472.

[4]) Zur Erklärung einiger grammatischer Formen in Neuslovenischen Archiv XIV., S. 101—103.

стой основѣ присоединяется суффиксъ въ той *падежной* формѣ, какая требуется его значеніемъ. Напротивъ, окончаніе **-го** въ **то-го**, **ѵс-го** и т. д. представляетъ странную и совершенно непонятную, на первый взглядъ, аномалію.

Мы подошли, такимъ образомъ, къ одному изъ интереснѣйшихъ, запутаннѣйшихъ и труднѣйшихъ вопросовъ славянской морфологіи, — къ вопросу о происхожденіи суффикса **-го** въ родит. п. Попытки рѣшить загадку дѣлали многіе первоклассные лингвисты, съ самимъ основателемъ сравнительнаго языкознанія, Ф. Боппомъ въ главѣ; но не смотря на массу потраченнаго остроумія, вопросъ остается такимъ же темнымъ, какимъ онъ былъ при своемъ зарожденіи.

Въ виду такого исключительнаго интереса нашего явленія, считаемъ нелишнимъ, прежде чѣмъ изложить собственное мнѣніе, сдѣлать краткій разборъ главнѣйшихъ гипотезъ, предложенныхъ въ наукѣ. Ибо не даромъ сказано, что »исторія человѣческихъ заблужденій также поучительна, какъ и человѣческихъ открытій« (Ламанскій).

Исключительность окончанія родит. п. ед. **-го** въ ряду другихъ индоевропейскихъ языковъ показалась столь странной великому основателю сравнительнаго языкознанія, Францу Боппу, что онъ безъ околичностей отожествилъ его съ санскритскимъ родит. п. ед. *ta-sya*[1]). По его мнѣнію *sy* въ *-sya* перешло въ славянскихъ языкахъ или прямо въ *ш*, а оттуда чрезъ »перерожденіе« (Entartung) въ *g*, или посредствомъ отвердѣнія *j* въ *g* перешло сначала въ **tosgo*, а потомъ — въ *togo*. Въ то время какъ санскр. *sya* соотвѣтствуетъ так. обр. слав. **-го**, санскр. *sa* отвѣчаетъ слав. *-со* въ мѣстоименіи **ѵьсо**, **ѵесо**. Впрочемъ, въ послѣднемъ словѣ **с** могло возникнуть и непосредственно изъ **т** (въ **ѵьто**).

Къ этому мнѣнію (которое врядъ-ли заслуживаетъ въ настоящее время опроверженія) присоединился въ 1852 году и Августъ Шлейхеръ, который сближалъ слав. **того** съ греч. *τοιο*: *i* перешло здѣсь въ **г**, а **с** выпало.[2]) Тоже мнѣніе повторилъ Шлейхеръ и во второмъ изданіи своего Compendium'а[3]), съ тѣмъ отличіемъ, что здѣсь онъ принимаетъ не опущеніе **с**, а

---

[1]) Vergleichende Grammatik I³, S. 541—2.

[2]) Formenlehre der altkirchensl. Sprache. Bonn 1852 S. 235.

[3]) Compendium² S. 628.

только его ассимиляцію. Кромѣ того, въ доказательство возможности перехода *j* въ *г* онъ сослался на старослав. **параскевги** и олонецкое *družgi* вм. дружья. Непосредственный переходъ *sj* въ *g* или *h* допускалъи М. Гаттала въ статьѣ „O ablativě v slovančině a litvančině".[1])

Не такъ постояненъ былъ въ своемъ мнѣніи Францъ Миклошичъ. Въ первомъ изданіи своей »Сравнительной Грамматики« онъ всецѣло еще придерживается гипотезы Боппа; но уже въ 1870 г. въ небольшой, но содержательной статьѣ „Ueber die Genitivendung *go* in der pronominalen Declination der slavischen Sprachen[2]) онъ категорически высказался противъ нея. По его мнѣнію, слав. *-го* ни въ какомъ случаѣ не могло возникнуть изъ *sya* фонетически; поэтому, онъ предпочитаетъ отожествлять нашъ суффиксъ съ частицей *ga*, *gâ*, которая представлена санскритскими *gha*, *ghâ*; *ha*, *hâ*, *hi*; греч. *γε*, дорійско-эолич. *γα*, древне-бактр. *zî*, армянскимъ *zi*, литовскимъ *ga*, *gi*, *gu*, наконецъ, съ готскимъ *k* въ *mik*, *thuk* и *sik*. Эти параллели указываютъ на то, что въ общеиндоевропейскомъ языкѣ существовало указательное мѣстоименіе *go*, которое и было избрано славянскими языками для обозначенія функціи родительнаго падежа у мѣстоименій. Сравнительно съ гипотезой Боппа мнѣніе Миклошича представляетъ въ смыслѣ постановки вопроса громадный шагъ впередъ, и потому нельзя не порадоваться, что онъ повторилъ его и во второмъ изданіи своей Сравнительной грамматики[3]).

Къ мнѣнію Миклошича присоединился и Бенфей[4]), впрочемъ съ нѣкоторыми оговорками. По его мнѣнію, »частица« *-го* присоединилась не къ **то**, а къ **toso* (= *tasja*), и подобно тому какъ **чесого** сократилось въ **чего**, такъ **tosogo* сократилось въ **того**. Болѣе рѣшительнымъ сторонникомъ мнѣнія Миклошича заявилъ себя Г. Мейеръ[5]), въ противоположность нѣсколько скептическому отношенію г. Гассенкампфа[6]).

---

[1]) Č. Č. M. 1858, str. 578.

[2]) Sitzb. d. phil.-hist. Cl. LXII, Bd. II., S. 48-52.

[3]) III², S. 147.

[4]) Ueber die indogerm. Endungen des Gen. Sing. p. 25 (цит. по Лескину).

[5]) Zur Geschichte der indogermanischen Stammbildung, Leipz. 1875 S. 6

[6]) Ueber den Zusammenhang des lettischen und germanischen Sprachstammes Leipz. 1876. S. 10.

Одновременно съ появленіемъ книги послѣдняго ученаго въ 1876 г., всѣ эти мнѣнія подвергъ уничтожающей критикѣ А. Лескинъ[1]). Не отрицая возможности родства загадочнаго суффикса съ индоевропейской частицей *go*, знаменитый славистъ прежде всего отказывался понять, почему эта частица не имѣетъ индоевропейскихъ параллелей какъ суффиксъ: к въ готскомъ *mik* — примѣръ, приведенный Миклошичемъ, — ничего не доказываетъ, такъ какъ оно могло быть приставлено не къ чистой основѣ, а уже къ *готовому* косвенному падежу. Во вторыхъ, Лескину представлялось неяснымъ, почему въ одномъ и томъ же языкѣ одинъ и тотъ же суффиксъ могъ обозначать то родительный падежъ, то винительный. Правда, для подтвержденія возможности этого факта Миклошичъ ссылался на столь характерное для славянскихъ языковъ употребленіе родительнаго пад. вмѣсто винительнаго, но эта замѣна совершалось только въ извѣстныхъ строго опредѣленныхъ случаяхъ, а употребленіе *togo* абсолютно и безраздѣльно. Словомъ »если объясненіе Миклошича хочетъ претендовать хоть на маленькую цѣнность, то оно должно доказать, что .... въ *to* должна скрываться падежная форма и именно родительнаго падежа или другого, родственнаго ему по значенію, если только *-go* есть привѣсокъ (angehängte Partikel), или что въ другихъ языкахъ существуютъ соотвѣтствующія окончанія родительнаго пад., если *go* есть (исконное) падежное окончаніе (стр. 112). Что касается до гипотезы Бенфея, то она опровергается тѣмъ, что старославянскіе памятники не знаютъ формы **чего** совсѣмъ, такъ что **чьсо** гораздо древнѣе первой формы. Къ тому же, формы дательнаго и мѣстнаго пп. ед. указываютъ на то, что **-го**, **-моу** и т. д. приставлялись къ **чьсо** какъ къ основѣ. Эта полная неудача объясненія Миклошича и привела Лескина къ пессимистическому выводу, что »происхожденіе **того** есть неразрѣшимая загадка« (стр. 112).

Можетъ быть, подъ впечатлѣніемъ этого вывода въ девятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія были сдѣланы двѣ попытки возвратиться къ старому мнѣнію Боппа. Одна изъ нихъ принадлежитъ извѣстному словенскому ученому П. Шкрабцу, который въ своей статьѣ »Ueber einige schwierigere Fragen der

---

[1]) Die Declination, S. 111-113.

slovenischen Laut- und Formenlehre« [1]), между прочимъ, коснулся и вопроса о происхожденіи суффикса *-го*. Въ доказательство возможности перехода *j* въ *g* въ славянскихъ языкахъ вообще, г. Шкрабецъ указалъ въ этой статьѣ на современныя болгарскія *гязъ*, *гедно*, *гяребица*, исчезновеніе же *s* передъ *g* (въ tosja — tosga) онъ объяснялъ или ассимиляціей или просто »выпаденіемъ«. Въ той же книжкѣ Archiv'а, гдѣ появилась упомянутая статья, она встрѣтила очень авторитетный отпоръ [2]).

Только по внѣшности похожій взглядъ на предыдущую гипотезу высказалъ акад. Ф. Ѳ. Фортунатовъ [3]), который выводитъ слав. **того** изъ **toγo*, гдѣ *γ* — аспирата. Это **toγo*, въ свою очередь, восходитъ къ индоевропейскому *tâhā*, въ которомъ *h* возникло изъ *i̯* въ **tâi̯ā*. Съ этимъ мнѣніемъ можно было бы *cum grano salis* согласиться, если бы было доказано, что праславянское togo имѣло въ *g* аспирату: русскія и кашубскія формы *тово* и *tevo*, какъ увидимъ, могутъ быть объяснены иначе.

Очень оригинальное, но столь же неудачное объясненіе предложилъ, наконецъ, ак. А. И. Соболевскій. [4]) По его мнѣнію, **-г** въ **того**, **кого** слѣдуетъ относить не къ окончанію, а къ основѣ; другими словами, по его гипотезѣ, мы должны писать не **то-го**, **ко-го**, а **тог-о**, **ког-о**. Доказательствомъ существованія тематическаго -г, по его мнѣнію, служитъ, съ одной стороны, славянское **къг-да**, съ другой стороны, греч. нарѣчія *πανταχ'οῦ*, *'ενιαχ'οῦ* и т. д. Свидѣтельствомъ же существованія окончанія *-о* являются греч. формы *παντ-ός*, *τιν-ός*. То же окончаніе мы видимъ и въ послѣднемъ звукѣ мѣстоименія **ѩ-со**, который слѣдуетъ отдѣлить отъ основы, совпадающей съ санскритской *kas* (въ такихъ формахъ, какъ *kas-māi*, *kas-min* и т. д.). Но уважаемый академикъ упустилъ изъ виду, что встрѣчающіяся въ нѣкоторыхъ памятникахъ формы **къгъда**, **тъгъда** указываютъ, что **гъ** представляетъ самостоятельную мѣстоименную основу, на которую показываетъ и греч. окончаніе *-χοῦ* (изъ **gha*). Что каса-

---

[1]) Archiv für Sl. Ph., B. XIV., S. 339.

[2]) Oblak, Einige Bemerkungen zur vorausgehenden Abhandlung, S. 357-358.

[3]) Къ исторіи ударенія въ балтійскихъ языкахъ. Р. Ф. В. XXXIII., стр. 289.

[4]) Замѣтки по славянской грамматикѣ IV. Ж. М. Н. П. 1895. Май, стр. 89—90.

ется до ѣсо, то оно должно было перейти въ *х*, если оно соотвѣтствуетъ санскр. *kas*.

Итакъ, ни одна изъ разсмотрѣнныхъ гипотезъ не можетъ претендовать на объясненіе »неразрѣшимой загадки«. Даже наименѣе противорѣчащая фактамъ гипотеза Миклошича оказалась не въ состояніи объяснить превращеніе частицы въ падежной суффиксъ.

А между тѣмъ, именно въ этомъ превращеніи и лежитъ корень вопроса. Сопоставляя суффиксъ -го съ изученными уже формами ср. рода ед. до, -о и. т. д., невольно приходишь къ догадкѣ, что форма того представляла вѣроятно первоначально не родительный падежъ, а именительный-винительный. И вся трудность вопроса состоитъ не въ томъ, чтобы рѣшить, какой индоевропейской формѣ соотвѣтствуетъ наша, а въ томъ, чтобы объяснить, какъ форма винит. п. *средняго* рода на *славянской почвѣ* могла сдѣлаться формой родительнаго.

Такъ какъ того имѣетъ значеніе родительнаго п. ед. во всѣхъ славянскихъ языкахъ (за исключеніемъ сербскаго и словенскаго), то, очевидно, факторомъ функціональной трансформаціи могло быть только явленіе, особенно широко распространенное во всѣхъ славянскихъ языкахъ. А такимъ явленіемъ скорѣе всего могло быть употребленіе родительнаго падежа вмѣсто винительнаго вообще и въ отрицательныхъ предложеніяхъ въ особенности.

Можно спорить о происхожденіи этого замѣчательнаго явленія[1]), но во всякомъ случаѣ несомѣнно одно, что оно не было послѣдовательно, постоянно и исключительно: если уже уже въ древнѣйшихъ памятникахъ всѣхъ славянскихъ языковъ встрѣчается *ničьto* при *ničego, ničega*, то въ праславянскую эпоху употребленіе родительнаго падежа вмѣсто винительнаго должно было быть еще болѣе не выдержанное. А если такъ, то весьма не трудно объяснить, какимъ образомъ винительный пад. ср. р. *togo, kogo* и пр. могъ получить функцію родительнаго падежа. Предста-

---

[1]) Ср. A. Meillet, Recherches sur l'emploi du Génitiv-Accusatif en vieux-slave Paris 1897 ((ср. нашъ отчетъ въ Изв. отд. русс. яз. и слов. 1898); Кудрявскій »Славянская конструкція Ж. М. Н. П. Апр. Классич. отд. стр. 22; Мюленбахъ Извѣстія отд. русс. яз. 1899, стр. 1192, Вондракъ рец. на книгу Мелье въ Arch. XX, S. 327 и своей грамматикѣ и Э. Бернекеръ Der genitiv-accusativ bei belebten Wesen im Slavischen K. Z. XXXVII. S. 364 und ff.

вимъ себѣ, что въ праславянскомъ языкѣ рядомъ съ сочетаніемъ **ни чьто** существовали и сочетанія **ни то, ни того**, причемъ въ послѣднемъ **того** представляетъ такой же правильный падежъ ср. р. ед. ч., какъ и напр. современное чешское *toto* (при формѣ м. р. *tento*). Такъ какъ уже въ праславянскую эпоху употребленіе родительнаго падежа вмѣсто винительнаго послѣ отрицанія приняло самое широкіе размѣры и такъ какъ напр. (въ частности) **ни раба** употреблялось уже тогда чаще, чѣмъ **ни рабъ**, то и сочетанія **ни то, ни того** должны были стремиться къ замѣнѣ именительнаго падежа родительнымъ. Но послѣдній, какъ извѣстно, въ славянскихъ языкахъ еще въ дославянскую эпоху былъ замѣненъ аблативомъ. Очевидно, что и мѣстоименія **то, того** должны были прибѣгнуть къ помощи той же формы. Изъ всей многочисленной славянской семьи сдѣлали это только два ея члена, сербскій и словенскій языки, образовавъ съ помощью уже разсмотрѣннаго выше отложительнаго падежа мѣст. *гъ *да* и по аналогіи съ дат. пад. ед. **томоу** форму родительнаго — аблатива *toga*. Безъ сомнѣнія, то же самое произошло бы и со всѣми другими славянскими языками, если бы въ нихъ уже въ праславянскую эпоху *да* не сдѣлалось (подобно *та*) нарѣчіемъ: мы видѣли выше, что современныя болгарскія *кога, тога* и нижнел. *kaga, taga* почти буквально соотвѣтствуютъ сербскимъ родит. п. *koga, toga*. Поэтому, что бы удовлетворить потребности ставить послѣ отрицанія родительный падежъ вмѣсто винительнаго этимъ остальнымъ славянскимъ языкамъ не оставалось ничего большаго, какъ передать функціи перваго падежа винительному *togo, kogo*, что могло случиться тѣмъ скорѣе, что склоненіе мѣст. *гъ разрушилось еще въ первые вѣка жизни праславянскаго языка, и потому *падежного* легко могло получить значеніе **го** *суффикса*. Такъ какъ настоящій и исконный аблативъ **та** былъ одинаковъ какъ для мужескаго, такъ и средняго, то и **того**-его новѣйшій замѣститель — сталъ относиться къ обоимъ родамъ и при томъ не только въ отрицательныхъ предложеніяхъ, но и въ простыхъ.

Если изложенная здѣсь гипотеза справедлива, то исторія формы **то-го** должна быть вполнѣ аналогична исторіи старославянской формы родительнаго п. ед. ч. **чь-со**, которая, какъ мы видѣли въ этюдѣ V., представляла первоначально форму именительнаго-винительнаго пад. ср. р. Но, какъ извѣстно, западнославянскіе языки удержали въ своемъ *со* это послѣднее значеніе

до сихъ поръ. Спрашивается, почему же и западнославянское *со* не получило подобно *toho*, *tego* функціи родительнаго падежа?

Что бы отвѣтить на этотъ вопросъ, вдумаемся поглубже въ этотъ послѣдній процессъ.

Если праславянскія *togo*, *kogo* представляли первоначально формы не родительнаго падежа ед. ч., а именительнаго-винительнаго ср. р., то съ морфологической точки зрѣнія настоящими формами родительнаго падежа слѣдуетъ признать сербскія и словенскія формы *тдга*, *tega*, *кдга*, *kóga*. Но какъ извѣстно, славянскій родительный падежъ есть не что иное, какъ отложительный (аблативъ); тотъ же падежъ, очевидно, представляютъ и указанныя сербословенскія формы. Но если такъ, то было бы вполнѣ логично отожествить съ этими послѣдними и извѣстныя болгарскія нарѣчія времена *кога*, *сега*, *тога* и т. п., въ пользу чего говоритъ и тождество ударенія болгарскихъ, сербскихъ и словенскихъ формъ[1]). Какъ только мы это сдѣлаемъ, намъ сразу станетъ понятнымъ, почему старославянскій языкъ *долженъ былъ* образовать форму родительнаго пад. **того, кого.** Очевидно, что въ тѣхъ говорахъ праславянскаго языка (точнѣе сказать, общеюжнославянскаго языка), которые дали впослѣдствіи начало старославянскому языку, отложительные падежи *toga*, *koga* превратились въ нарѣчія *раньше*, чѣмъ въ языкѣ явилась потребность замѣнять послѣ отрицательныхъ предложеній винительный падежъ родительнымъ. Въ то время какъ сербскій и словенскій языки могли замѣнить отрицательныя сочетанія *не togo*, *не kogo* (гдѣ мѣстоименія имѣли форму именительнаго-винительнаго падежа ср. р.) сочетаніями *не toga*, *не koga* (гдѣ *toga*, *koga* были аблативы-родит. пп.), древнеболгарскій (т. е. старославянскій) языкъ, въ которомъ аблативы *toga*, *koga* уже могли быть нарѣчіями, оставался въ этомъ отношеніи совершенно безпомощнымъ. Такъ какъ суффиксъ *до* былъ вполнѣ изолированъ отъ другихъ родственныхъ ему частицъ, то съ теченіемъ времени, чисто синтаксическимъ путемъ, онъ и спеціализировался въ спеціальную флексію *родительнаго падежа*.

Нѣтъ сомнѣнія, что аналогичнымъ путемъ и западнославянскія toho, tego и пр. получили функцію родительнаго падежа. Что и въ общезападнославянскомъ языкѣ существовали правильныя формы аблатива, доказываютъ нижнелужицкія нарѣчія *nëga*

[1]) Сербское *kȏga* (при *tȍga*) вѣроятно обязано своимъ удареніемъ вліянію именительнаго падежа кȏ.

(= нѣгда), *wežga-m* (= вьсегда, совр. болг. *сегà*), которыя очевидно слѣдуетъ признать тождественными съ южнославянскими формами. Превращеніе отложительнаго падежа въ нарѣчіе, совершившееся еще на почвѣ общезападнославянскаго языка, было, такимъ образомъ, и здѣсь главною причиною синтаксическаго перерожденія формъ *togo, tego* и др. По аналогіи, то же самое мы въ правѣ предположить и для общерусскаго языка.

Противъ изложенной гипотезы намъ могутъ возразить, что сербское *tòga* и словенское *téga* представляютъ новообразованія, и потому ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть даже сопоставляемы съ инославянскими того, *toho*, *tego*, *того* и т. д. Такое утвержденіе, однако, было бы глубокимъ заблужденіемъ. Противъ него протестуетъ: 1. употребленіе ихъ уже въ древнѣйшихъ памятникахъ словенскихъ: *iega*[1]) и сербскихъ: вьсега (гр. 1189.), вьсакога, инога, (гр. Нѣмани) овога, онога, иednога (XIII. в.)[2]) и 2. широкое распространеніе въ славянскихъ языкахъ нарѣчій съ суффиксомъ *ga*. Замѣчательно, что частица *ga* употребляется иногда и въ абсолютной формѣ, и, конечно, неслучайно въ словенскомъ языкѣ послѣдняя извѣстна преимущественно въ субстанціональныхъ отрицательныхъ предложеніяхъ.[3])

Такимъ образомъ форма того представляетъ лишь простое *синтаксическое* новообразованіе, а отнюдь не морфологическое, какъ училъ въ недавнее время г. Маретичъ, объясняя ее изъ **tago* по аналогіи *tomu*.[4])

Именно послѣдняя форма, образованная изъ чистой основы *to* + дательный падежъ »мѣстоименія« *mъ* указываетъ на то, что нормальной формой родительнаго падежа въ праславянскомъ языкѣ было не **tago* и не *togo*, а *toga*.

Но если такъ, то правильной формой родительнаго падежа мѣстоименія ѵь слѣдуетъ считать не старославянскія формы ѵьсо и ѵесо, а сербское *чеса* и словенское *česa* (resp. *tòga* и *téga*). Этотъ аблативъ, повидимому, не былъ извѣстенъ тѣмъ говорамъ общеславянскаго языка, которые дали начало старославянскому

[1]) Vondrák, Frisinské památky. V Praze 1896, str. 32.

[2]) Флоринскій, Лекціи, ч. I, стр. 304.

[3]) Мурко, Zur Erklärung einiger grammatischer Formen im Neuslovenischen (Archiv XIV, S. 101). Ср. Enklitike v slovenštině Letop. 1891, str. 20 и сл.

[4]) Život a književni rad F. Miklosića Rad 112, str. 80.

языку; вслѣдствіе этого, ѵьсо и ѵесо должны были пережить въ отрицательныхъ предложеніяхъ тотъ же самый процессъ, что и *togo*, — т. е. изъ именительнаго падежа превратиться въ родительнаго. Напротивъ, сохраненіе исконной функціи *со* западнославянскими языками указываетъ на то, что въ эпоху чешско-польско-сербо-лужицкаго единства должна была существовать форма *отложительнаго* падежа **čьsa*, которая предохранила форму именительнаго-винительнаго п. ср. **čьso* отъ функціональной трансформаціи въ отрицательныхъ предложеніяхъ. Это апріорное предположеніе вполнѣ подтверждается a posteriori нижнелужицкимъ *ca* (изъ **čьsa*), которое донынѣ употребляется въ нѣкоторыхъ его говорахъ въ качествѣ вопросительнаго союза »когда же« и употреблено уже Frycо въ Ветхомъ Завѣтѣ, напр. Iесс. 10, 11: *ca njedejał ja cyniś? ca wěš ty?*[1]) Сопоставленіе этой формы съ одной стороны съ нижнелужицкими же *cogo* (= ѵьсого) и *cego* (= *ѵьсего, ср. древнечешское и древнепольск. *cse*), съ другой стороны, съ сербской *čěca* не позволяетъ намъ объяснять ее подобно Мукѣ[2]) посредствомъ синкопе изъ *soga*. Какъ мы видѣли выше, превращенію старосл. ѵьсо въ родит. пад. содѣйствовало смѣшеніе ѵесо съ ѵесого въ отрицательныхъ предложеніяхъ, да и вообще самый фактъ образованія формы, аналогичной того.

Хотя это *ca* и представляетъ нарѣчіе, но вѣроятно превращеніе общезападнославянскаго *čьsa* въ послѣднее совершилось позже такого же превращенія *toga*, *koga*: вѣдь только при такомъ предположеніи можно объяснить сохраненіе западнославянскимъ *со* исконной функціи именит.-винит. п. Впрочемъ, вслѣдствіе-ли малой распространенности отложительнаго падежа *čьsa*, или просто въ силу аналогіи *togo*, и западнославянское *со* не осталось совершенно чуждо тенденціи превратиться въ родительный падежъ. Это доказываютъ такіе встрѣчающіеся въ древнечешскихъ памятникахъ примѣры, какъ *než pohoní ze czo, ktož móž byti svědkem ze czo* (Gebauer, Slovník staročeský, str. 191), впрочемъ совершенно тонущіе въ массѣ такихъ случаевъ, гдѣ *cso* имѣетъ значеніе именительнаго-винительнаго пад.

Чтобы окончить изслѣдованіе мѣстоименной флексіи родительнаго падежа, намъ остается упомянуть еще объ зага-

---

[1]) Mucke, ibid. 431. 472.

[2]) Ibid. 431.

дочныхъ сѣверновеликорусскихъ и кашубскихъ формахъ родительнаго п. *тово*, *tevo*.

Еще Малиновскій[1]) въ 1875 г. справедливо сомнѣвался въ правильности обычнаго (фонетическаго) объясненія *v* этихъ формъ — изъ *g* (*h*). Онъ указывалъ на то, что если бы мы имѣли здѣсь дѣло съ фонетическимъ закономъ, то послѣдній не долженъ былъ бы миновать и, напр., нарѣчій *дорого, строго*, *druogo*, *strogo*, которыя должны были бы звучать *dorovo*, *strovo* и пр. Поэтому Малиновскій предпочиталъ видѣть въ русской и кашубской флексіи результатъ аналогіи притяжательнаго суффикса -овъ. Этотъ суффиксъ сначала проникъ въ такія образованія, какъ *Зеленово*, *Толстово*, а оттуда уже въ другія прилагательныя и мѣстоименія.

Это взглядъ подвергнулся въ 1877 г. основательной критикѣ М. А. Колосова. Въ своей замѣткѣ: »Почему въ родительномъ падежѣ ед. ч. прилагательныхъ и мѣстоименій окончаніе *го* (*аго*, *ого*) слышалось на *в* (*ова*, *ово*)[2])«? онъ возражалъ Малиновскому, что если бы *vo* перешло сюда изъ притяжательнаго суффикса *овъ*, то это явленіе должно было бы сдѣлаться извѣстнымъ и другимъ славянскимъ языкамъ. Доказывая, что языкъ долженъ быть послѣдовательнымъ, Колосовъ доводилъ эту послѣдовательность до крайнихъ предѣловъ, утверждая, что *го* сѣверновеликорусскихъ *того, кого*, не будучи придыхательными, но стремясь сдѣлаться ими, образовали фонетически *v*.

Иначе посмотрѣлъ на дѣло ак. А. И. Соболевскій. По его мнѣнію[3]), русскія формы *хорошово*, *доброво* и *моево* возникли изъ **хорошоho*, **доброho* и **моеho*, въ которыхъ *h* выпало, а на его мѣстѣ вставлено *в*. Но противъ такой гипотезы можно представить много возраженій. Прежде всего, если бы звуку *г* хронологически предшествовалъ звукъ *h*, то мы бы ожидали встрѣтить флексію *во* скорѣе всего въ малорусскомъ и южновеликорусскомъ нарѣчіяхъ, а вовсе не въ сѣверновеликорусскомъ, гдѣ аспиратное *г* сравнительно мало извѣстно[4]). Во вторыхъ, если

---

[1]) Ueber die Endung des Genitiv sing. masc. neutr. der pronominalen und zusammengesetzen Declination in russischen und kaschubischen K. Z. VIII. цит. по Колосову.

[2]) Филологич. Записки 1877, стр. 71—74.

[3]) Лекціи[2], стр. 113.

[4]) На это обстоятельство указалъ еще Колосовъ, подтверждаетъ его и самъ Соболевскій, говоря: »въ современномъ великорусскомъ на-

в было вставлено на мѣстѣ выпавшаго *h*, то странно, почему въ памятникахъ *ни разу* не встрѣчаются формы: **хорошоо*, **доброо* и **моего* (при *Боушь*, совр. русс. *благословлять* изъ *благословлять* и пр.) Въ третьихъ, даже согласившись съ тѣмъ, что послѣднія формы почему-либо до насъ не дошли, все-таки нужно еще доказать, что здѣсь мы имѣемъ дѣло со *вставкой в*, — явленіемъ въ исторіи русскаго языка случайнымъ, спорадическимъ: примѣры этого явленія, приведенные А. И. Соболевскимъ въ Лекціяхъ [1]), за исключеніемъ одного слова (именно *можжевельникъ* изъ *можже-ельникъ*), иностраннаго происхожденія. Наконецъ, въ четвертыхъ, противъ такого объясненія говоритъ почти совершенное отсутствіе въ кашубскомъ (словинскомъ) языкѣ аспиратнаго *h* въ *tego* при *tevo* [2]).

Недоказанность существованія въ праславянскомъ языкѣ звука *h* мѣшаетъ намъ согласиться и съ мнѣніемъ ак. Ф. Ѳ. Фортунатова, что переходъ *ho* въ *vo* совершился еще въ это время. [3]) Г. І. Миккола пытался поддержать это мнѣніе указаніемъ на словинскія (кашубскія) *vûòspòdôř*, *vûòspòdąńe* (resp. польск. *gospodarz, gospodyni*). [4]) Но какъ замѣтилъ г. Фр. Лоренцъ, [5]) это послѣднее имя можетъ быть результатомъ народной этимологіи родственнаго по значенію *vûopsador*. Въ силу этого обстоятельства г. Лоренцъ и склоняется къ мысли, что **tevo* или **tovo* есть совершенно самостоятельное отъ **togo* образованіе праславянскаго языка. Но что же должна представлять собою въ такомъ случаѣ флексія *vo*?

По нашему мнѣнію, такой же правильный именительный-винительный падежъ ср. р. *vo* отъ мѣсточменія *°*vъ*, какой *go* и *so* (въ togo и česo) отъ мѣстоименій **gъ* и **sъ*. Ниже мы приведемъ доказательства существованія такого мѣстоименія вообще, а теперь замѣтимъ только, что русское *тово* и кашубское *tevo*

рѣчіи одни говоры (южные) знаютъ *h* въ *большемъ* количествѣ случаевъ, другіе въ меньшемъ» (Лекціи², 113); ср. однако: Опытъ русской діалектологіи Спб. 1897, 11 и 33.

[1]) Стр. 113—114.

[2]) Оно встрѣчается только въ малоизслѣдованномъ говорѣ Zarnewitzer Kämpe (Lorenz, Slavische Miscellen K. Z. XXXVII. S. 264).

[3]) Объ удареніи въ балтійскихъ языкахъ Р. Ф. В. XXXIII. стр. 289.

[4]) Betonung und Quantität in den westslavischen Sprachen Helsingfors 1899, S. 29.

[5]) Тамъ же, 268.

представляютъ такія же равноправныя праславянскія синтаксическія новообразованія, какъ и togo, česo и обязаны своимъ происхожденіемъ тому же процессу (т. е. смѣшенію падежныхъ функцій въ отрицательныхъ предложеніяхъ), какъ и эти послѣднія.

Если изложенная гипотеза имѣетъ хоть маленькую долю вѣроятія, то сравненіе русской формы *тово* и кашубской *tevo* съ формами *togo* и *česo* позволяетъ намъ сдѣлать два апріорныхъ заключенія: 1. что въ славянскихъ языкахъ должны находиться первыя формы и въ исконномъ значеніи именительнаго-винительнаго падежа и 2. что въ этихъ языкахъ должны существовать и правильныя формы отложительнаго пад. **tova*, **kova* (resp. *toga*, *česa*).

Первое предположеніе подтверждается только косвеннымъ образомъ болгарскимъ *ово*, сербскимъ *ovo* и польскимъ *owo* (= это), представляющія такой же правильный именительный-винительный пад. ср. р. отъ мѣстоименія *ъ + *во*,[1]) какими были первоначально и русско-кашубскія формы. Второе предположеніе кромѣ требующихъ еще детальнаго изслѣдованія великорусскихъ *однова*, *еднова* (нар.), *кова*, *това*[2]) находитъ себѣ поддержку въ болгарскихъ мѣстоим. *онова*, *това*, *кова* (resp. болг. *онога*, *тога*, *кога*, сербск. *онога*, *тога*, *кога*, словенск. *onega*, *tega* и пр.). Ниже мы объяснимъ, почему послѣднія формы имѣютъ значеніе родит.-винит. пад., а не именит.-винит.

Но, быть можетъ, читатель возразитъ, что русскія и кашубскія формы родительнаго падежа представляютъ новообразованія, а не архаизмы: относительно напр. русскихъ формъ Соболевскій указалъ, что онѣ начинаютъ попадаться въ московскихъ и сѣверновеликорусскихъ памятникахъ не раньше XV в.[3]) Но *одного* этого факта недостаточно, чтобы опровергнуть всю гипотезу. Онъ былъ бы рѣшающимъ лишь въ томъ случаѣ, если бы въ языкѣ извѣстная форма была распространена *всегда* и *вездѣ* одинаково. Но, конечно, это немыслимо въ языкѣ, гдѣ *κατ' 'εξοχήν πάντα ῥεῖ*. Весьма возможно, что до XV в. русскія формы *тово*, *ково* скрывались въ какомъ-нибудь одномъ (или немногихъ) говорахъ сѣверновеликорусскаго нарѣчія, подобно тому какъ и кашубское *tevo* встѣчается преимущественно лишь въ сѣвер-

---

[1]) Существованіе такого мѣстоименія въ русскомъ языкѣ признавалъ еще ак. Бэтлингъ, Beiträge zur russischen Grammatik, S. 65.

[2]) Соболевскій, Опытъ русской діалектологіи, стр. 33.

[3]) Лекціи[2], тамъ же.

ныхъ (словинскихъ) говорахъ кашубскаго нарѣчія. Замкнутый географическій характеръ словинской территоріи[1]) помѣшалъ сдѣлаться этой формѣ общимъ достояніемъ польскаго языка, напротивъ извѣстния колонизаціонныя передвиженія русскаго населенія распространили эту особенность почти по всей сѣверной и отчасти южной Великороссіи.

Какъ бы то ни было, тотъ фактъ, что славянскіе языки, при одинаковыхъ формахъ дательн., творительн. и мѣстнаго падежей, имѣютъ для родительнаго пад. или дат. по нѣскольку формъ (въ разныхъ говорахъ, впрочемъ), показываетъ, что сложная мѣстоименная форма родительнаго падежа возникла позже, чѣмъ другія (т. е. **томоу, тѣмь и томь**). Въ то время какъ послѣднія перешли въ праславянскій языкъ если не изъ общеиндоевропейскаго, то изъ балтійскаго (предполагая, что такой языкъ существовалъ, въ чемъ наука начинаетъ сомнѣваться), первыя образовались вѣроятно въ позднѣйшую эпоху праславянскаго языка, когда уже намѣтились основныя черты будущихъ славянскихъ языковъ[2]).

Послѣ этого обширнаго, но необходимаго отступленія, продолжимъ наше разысканіе именныхъ формъ мѣстоименія *гъ.

Выше (этюдъ VI.) мы познакомились съ творительными падежами на *ō*, скрывающимися въ нарѣчіяхъ **кьсыма, тольма** и пр. Сходство ихъ количественнаго значенія съ такимъ же значеніемъ древнепольскихъ *dwojga, trojga, obajga, czworga, pięciorga* позволяетъ заключить и о ихъ морфологическомъ тождествѣ. Калина, конечно, ошибается, объясняя окончаніе *ga* изъ удлиненнаго *go*[3]). Польскимъ формамъ несомнѣнно родственно и нижнелужицкое *woterga*, которое, конечно, не могло произойти изъ *wotero + kogda*, какъ это предполагаетъ г. Мука.[4]) Абсолютно творительный п. *ga* употребляется въ нижнелужицкой частицѣ

---

[1]) Tetzner, Die Slowinzen und die Lebakaschuben. Berl. 1899 (ср. нашу зам. объ этой книгѣ. Ж. С. Х., 436).

[2]) О причинѣ этого явленія, разумѣется, можно только догадываться. Быть можетъ, именная форма аблатива *ta* въ праславянскомъ языкѣ имѣла иногда значеніе родит. п., на что указываетъ упомянутая нами выше кашубская форма род. п. *ta* (стр. 72.)

[3]) Historya języka polskiego T. I., str. 257.

[4]) Мука, тамъ же, S. 462.

ga, которая соотвѣтствуетъ нѣмецкому *so* »такъ« и которую г. Мука рѣшается выводить изъ *tak-a*!

Весьма темнаго происхожденія междометіе и нарѣчіе *ge*: русское *ге*, *эге*, бѣлорусское *гэтотъ*, малорусс. *гэнтова*,[1]) польск. *he*, *hen*, *het*, *hej*, *heli*, *heco*, *hela*,[2]) чешск. *hen*, *henkaj*, *henaj*, *henajky*, *heneky* и др.,[3]) *hej*, *hejsa*[4]). Такъ какъ это *ge* прекрасно соотвѣтствуетъ греч. *γε* и древнелитовскому *ge*,[5]) то было бы очень соблазнительно видѣть въ этой частицѣ мѣстный п. мѣстоименія гъ (resp. се, те, *де). Правда, мы ожидали бы смягченія г, но падежъ *ge*, подобно *е*, могъ превратиться въ нарѣчіе или междометіе въ самую раннюю эпоху праславянскаго языка и выйдя изъ системы другихъ формъ и словъ, избѣжать, смягченія своей гласной. Впрочемъ, вопросъ усложняется тѣмъ, что русскія (т. е. малорусскія и бѣлорусскія) параллели имѣютъ не *г* (какъ мы ожидали бы), а *h*, отъ объясненія котораго, можетъ быть, и зависитъ окончательная этимологія нашей формы.

Винительный падежъ мн. ч. мѣстоименія гъ* скрывается вѣроятно въ извѣстныхъ болгарскихъ нарѣчіяхъ: *коги, сеги, еги*. Эти формы гораздо древнѣе, чѣмъ можно было бы думать: онѣ встрѣчаются уже въ Троянской притчѣ, памятникѣ XIV в. (Mikl. Lex.). Съ этой формой было бы соблазнительно сопоставить нижнелужицкое, чешское и польское *hyn* »тамъ«, но звуковое и семасіологическое тождество съ нѣмецкимъ *hin* и придыхательное произношеніе начальной гласной указываетъ *какъ-будто* на очень давнее заимствованіе изъ нѣмецкаго языка.

Форма именительнаго пад. ср. р. го, которую мы видѣли въ мнимыхъ образованіяхъ родительнаго п. кого, того и пр., предполагаетъ существованіе и соотвѣтствующей формы мужескаго р. Послѣднюю, дѣйствительно, и находимъ въ извѣстныхъ нарѣчіяхъ къгъда, тъгъда, югъда и т. д. Правда, въ громадномъ большинствѣ памятниковъ вмѣсто этихъ формъ мы находимъ другія: когда, тогда, югда, но эти послѣднія, безъ сомнѣнія, про-

---

[1]) Ogonowski, тамъ же, 172.

[2]) Karłowicz, Słownik gwar polskich.

[3]) Bartoš, I. 171.

[4]) Muka, S. 473.

[5]) Bezzenberger, Beiträge zur Geschichte der litauischen Sprache Götting. 1877. S. 267.

изошли изъ первыхъ послѣ выпаденія глухой гласной въ открытомъ слогѣ. На это указываютъ встрѣчающіяся (не при переносѣ) въ Синайской псалтыри формы когъда л. 4. 9, 11. 7, 127. 18, къиегъда 128. 10 – 17, тогъда 130. 20.[1]) Въ виду такого очевиднаго свидѣтельства одинаково несправедливы и мнѣніе Козловскаго, видѣвшаго въ г нашихъ нарѣчій результатъ ассимиляціи к слѣдующему д,[2]) и мнѣніе Малова, объяснявшаго тъгъда изъ синтаксическаго сочетанія *tō *godō, гдѣ обѣ формы представляютъ творительные пад. на ō[3]), и этимологія г. Фр. Прусика изъ годъ[4]), и недавняя теорія I. Шмидта о происхожденіи когъда изъ *кого-года черезъ посредство кого-гъда[5]), и, наконецъ, разсмотрѣнная выше гипотеза Соболевскаго о тематическомъ происхожденіи *g*.

Вторымъ доказательствомъ существованія именительнаго падежа мѣстоименія гъ и вмѣстѣ съ тѣмъ подтвержденіемъ предыдущаго служитъ извѣстное чешское нарѣчіе *hned*. Происхожденіе его объясняется въ Исторической Грамматикѣ Гебауэра[6]) такимъ образомъ: первоначально была только одна форма *inhed*, которая соотвѣтствуетъ старославянскому инъгда и которая встрѣчается довольно часто еще въ XV. ст. Но еще въ XIV. ст. путемъ перестановки образовалась форма *ihned*. Контаминаціей обѣихъ формъ возникло впослѣдствіи *inhned*, а оттуда послѣ отпаденія начальнаго слова *hned*.

Третьимъ доказательствомъ былого существованія именительнаго падежа гъ является форма гъ, рядомъ съ которой встрѣчается и форма средняго рода иего (Lex Mikl.). Тоже мѣстоименіе встрѣчается въ нарѣчіи иегъже, иегъжели »чѣмъ«[7]) и иегъли (resp. иекъли).

Наконецъ, четвертое доказательсво представляетъ собой древнепольское и современное діалектическое *wieligi*, *wielgi*. И. Лось[8]) объясняетъ эти формы фонетически изъ **wielk-ji*,

---

[1]) Ляпуновъ, Изслѣдованіе, стр. 280.

[2]) Archiv für Sl. Ph. X. S. 161.

[3]) Die langen Vocale A E O in den europäischen Sprachen. Berl. 1879.

[4]) Krok, VI., str. 256—257.

[5]) Die griechischen Ortsadverbien auf *-υι- -υις* und Interrogativstamm K. Z. XXXII., S. 398.

[6]) Dfl I., str. 545—546

[7]) В. И. Ламанскій, О нѣкоторыхъ славянскихъ рукописяхъ въ Бѣлградѣ, Загребѣ и Вѣнѣ. Спб. 1864, стр. 16.

[8]) Сложныя слова въ польскомъ языкѣ, Спб. 1901, стр. 44.

**wielk-ja, *wielk-je*, путемъ ассимиляціи *k j-му*, но противъ такой гипотезы говоритъ не только отсутствіе подобнаго же явленія въ суффиксѣ другихъ прилагательныхъ, но и фонетическія соображенія: *k + j* должно дать въ польскомъ языкѣ *cz*. Ниже мы докажемъ мѣстоименное происхожденіе этого »прилагательнаго«, а теперь замѣтимъ только, что суффиксъ *gi* составляетъ вѣроятно им. пад., твор. которыхъ на *ō* мы видѣли въ польскихъ *dwojga*, *trojga*, *czworga*. Какъ этимъ послѣднимъ соотвѣтствуетъ нижнелужицкая форма *wótorga* [1]), такъ **dwójgi*, **trojgi*, *wieligi* соотвѣтствуетъ нижнелужицкое **wótergi* »иногда«, если только послѣднее не правильнѣе сопоставлять съ болгарскимъ *тогu*, *сегu* и пр. Во всякомъ случаѣ, аналогія *wieliki* изъ *wielikъ + ji* позволяетъ заключить о существованіи прилагательнаго *°wieligъ*, откуда сложная форма *wieligi*. Бытъ можетъ, именительный падежъ гъ скрывается въ русскомъ *четвер-гъ* и названіи города *Велижъ* (resp. польск. *Wieliczka*).

Итакъ, въ славянскихъ языкахъ донынѣ сохраняются слѣды мѣстоименія *гъ. Что оно существовало подобно дъ и въ общеиндоевропейскомъ языкѣ, на это указываютъ кромѣ греч. *γε* и литовск. *ge* (мѣстн. п.), греч. *γα*, древнелит. *ga*, прусс. *ga*, санскр. *gha* (именительно-винит. п. ср. р.) и литовск. *gu* [2]). Послѣдняя форма, очевидно, восходитъ къ **gō*, *gū* и представляла первоначально творительный пад. на *ō*.

Подобно большинству своихъ собратій, рядомъ съ твердымъ мѣстоименіямъ гъ, въ славянскихъ языкахъ существуетъ и его мягкій антиподъ жь. Слѣды его сохранились въ слѣдующихъ падежныхъ формахъ:

Въ именительномъ падежѣ ед. ч. муж. р. Ср. старослав. къ-жь-до, русское *каждый* (**kažьdъj*) и западнославянское *každý* (изъ **kažьdý*). Такъ какъ *žь* этихъ формъ не можетъ быть результатомъ »отпаденія« и »сокращенія« *že*, то не было бы большою смѣлостью видѣть тотъ же падежъ и въ безчисленныхъ образованіяхъ вродѣ русс. *у-жъ*, *тогда-жъ*, *иди-жъ*, можетъ

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Solmsen, тамъ же, стр. 471.

быть *ишъ* (изъ *ижь, церк. иже)[1]), болг. *дор*, *дур*, серб. *der*, *nigdir*, словенск. *vendar*, *jur*, *nikdar*, чешск. *než*, *nežli*, *poněvadž*, *týž*, *kamž*, *až*, польск. *jenž*, *niž*, *już*, верхнел. *jenož*, нижнелужицк. *kakž*, *juž*, *nežli* и мн. др.[2]) Обыкновенно это *ž* объясняютъ отпаденіемъ« *e* въ *že*[3]), но такую гипотезу можно принять только какъ postremum refugium, на что намъ не даетъ никакого права свидѣтельство старосл. къжьдо, съ одной стороны, и аналогія русс. *тотъ*, *тутъ*, *какъ* или чешск. *ten*, *kdos'*, *kolik* и пр., съ другой стороны. Какъ невозможно предполагать, чтобы русс. *тотъ* возникло изъ *tъto*, такъ же фонетически невѣроятно, что бы напр. чешск. *než* произошло изъ **nъže*. Тотъ фактъ, что »сокращенныя« формы являются въ славянскихъ языкахъ хронологически позже, чѣмъ »полныя«, доказываетъ лишь то, что первыя, вслѣдствіе какихъ-нибудь психологическихъ условій, сравнительно поздно стали *вытѣснять* вторыя, а вовсе, не то, что они не существовали *совсѣмъ* въ праславянскомъ языкѣ. На архаическое происхожденіе »частицы« жь, кромѣ литовскаго *gi*, указываетъ, повторяемъ, и упомянутое мѣст. къжьдо. Правда, намъ могутъ возразить, что -жьдо въ послѣднемъ словѣ происходитъ отъ глагола жьдати[4]), а не отъ мѣстоименія, но въ такомъ случаѣ мы ожидали бы скорѣе встрѣтить суффиксъ жьде (изъ **kъžьdetъ*), а не странное въ морфологическомъ отношеніи жьдо, которое, очевидно, лишь случайно совпало въ своемъ значеніи съ сербскими *год*, *гоѣе cunque*. Первое изъ этихъ двухъ словъ несомнѣнно тождественно съ старослав. годъ, а второе съ старосл. нарѣчіемъ, сохранившимся въ фразѣ годѣ быти *genehm sein*. (Mikl. Et. W.) На мѣстоименное происхожденіе къжьдо указываетъ также и малорусское и бѣлорусс. *кожный*, *кажный*, гдѣ *д* (лит. заимствов. *kožnas*), не существовало повидимому *никогда*.

Что касается формы средняго рода же, то примѣры ея слишкомъ хорошо извѣстны каждому, что бы ихъ стоило здѣсь

---

[1]) А. И. Соболевскій объясняетъ послѣднее слово изъ *виждь* (Ж. М. Н. П. 1895, май, 91), но отпаденіе начальнаго *в* является при такой гипогезѣ совершенно безпричиннымъ.

[2]) Miklosich, Vrgl. Gr. IV., S. 117—18.

[3]) Въ послѣдній разъ это очень старое мнѣніе было высказано А. И. Беличемъ въ Прилошци исторіи словенских језика Глас LXII., str. 210.

[4]) Этого стараго объясненія Миклошича (Et. W.) держится еще Б. М. Ляпуновъ въ Изслѣдованіи стр. 179.

напоминать. Мы замѣтимъ только, что ничего не можемъ возразить и противъ допускаемаго многими учеными отожествленія ея съ греч. *γε* (т. е. по нашей гипотезѣ — съ мѣстн. п. мѣст. гъ). Оба объясненія здѣсь одинаково вѣроятны (или невѣроятны), и отдать предпочтеніе одной изъ нихъ можно только изъ субъективныхъ соображеній.

Изъ другихъ косвенныхъ падежей разсматриваемаго мѣстоименія мы можемъ указать только старосл. **дожи**, гдѣ **-жи** представляетъ вѣроятно творительный пад. на *-ī* (ср. **чи**, **си**, **ли**, **ти**). Во болгарскомъ и сербскомъ языкахъ этому нарѣчію довольно точно соотвѣтствуютъ нарѣчія *dori* и *deri*.[1]) Русское *жа* (вм. *же*), приведенное Миклошичемъ, вѣроятно есть результатъ аканья.

Въ недавнее время г. Ляпуновъ[2]) пытался объяснить мѣстоименіемъ **же** извѣстное чешск. *žádný*, польск. *żaden*, верхнел. *žadyn*, нижнел. *ženy*, малор. *жодный*, слѣдуя въ этомъ отношеніи Ягичу, выводившему ихъ изъ *iže-jedny*[3]). Но уже въ 1883 г. вышла замѣчательная работа І. Иречка „O tom, jak ve staré češtině latinské *nullus*, *nemo* bývalo pronášeno“[4]), гдѣ убѣдительно доказано, что чешское *žádný* прозошло изъ прилаг. **жадьнъ** черезъ посредство *i žádny*, *ni žádny* (XIV.—XV. в. в). Тамъ же были впервые приведены и польскія параллели *żądny ni żądny*, которыя только съ теченіемъ времени были вытѣснены заимствованнымъ изъ чешскаго *żaden*. Послѣ изслѣдованія Иречка отказался отъ своего прежняго мнѣнія и самъ Ягичъ[5]). На происхожденіе *żaden* изъ **жадьнъ** указываетъ и кашубское (словинское) *żoudny* при заимствованномъ изъ польскаго *żōdny*[6]).

Изслѣдуя вопросъ о происхожденіи русск. и кашубск. формъ *тово, tevo*, мы убѣдились, что въ обоихъ языкахъ существовала форма именит. п. средняго р. отъ мѣст. **vъ*. Для увѣнчанія нашей гипотезы намъ необходимо доказать, что въ славянскихъ языкахъ употребляются и другіе падежи этого мѣстоименія.

---

[1]) Miklosich, (Vrgl. Gr. IV., S. 119) ошибочно объясняетъ старосл **дожи** изъ **дожє и**.

[2]) Тамъ же, стр. 175.

[3]) Archiv für sl. Ph. V., S. 162—163.

[4]) Zprávy o zasedání K. S. N. 1883, str. 3- 18.

[5]) Archiv VIII. S. 135.

[6]) Lorenz, тамъ же. О словацкомъ *žadný*, а не *žiadny*, какъ пишетъ Гебауэръ (Hist. mluvn. I., 112), см. ст. Шкултети въ Sl. Pohl. XX., 202.

Такъ, творительный пад. на *ō* скрывается, можетъ быть, въ междометіяхъ русс. *эва*, чешск. *ova*, польск. *awa*, а также въ верхнелуж. *hewak*, *jewak* (ср. **такъ**, **недьнакъ**) и морав. *hevaj*, *hevajky*.

Отложительный падежъ мы имѣемъ въ упомянутыхъ великорусскихъ формахъ *однова*, *еднова*, а также въ многочисленныхъ образованіяхъ вродѣ *доселева*, *отсюдова*, *тутова*, *потудова*, *докудова*, *откоева*, *оттольва*, *отсельва*. Аналогичныя образованія представляетъ старославянское **понюваже** и западнослав. *poněvadž*, *dotavad*, *posavad*, *dokovad*, *odnovad*, восходящихъ къ *po-nje-va-dъ-žъ*, **do-ta-va-dъ*, **po-sa-va-dъ*, а также въ *indova*, *protiva*, *podleva*, *straniva*.[1]) Изъ южнославянскихъ образованій можно указать болгарскія нарѣчія *тогава*, *оногава*, а также формы *ономува*, *това*, *онова*. Тотъ фактъ, что послѣднія образованія сохранили падежное значеніе своей первой части, указываетъ на ихъ сравнительно *позднее* происхожденіе: вѣдь только такое предположеніе объясняетъ, почему они не подверглись участи болг. формъ *кога*, *тога* или русс. *однова*.

Мѣстный падежъ на *-e* скрывается, можетъ быть, въ болг. междом. *eve*, сербск. нарѣчіи *jurve* и словенск. *vè*. Послѣдній въ соединеніи съ предлогомъ *do* обозначаетъ »до сюда«, въ соединеніи съ *tam* — »тамъ«.[2])

Именительный пад. ср. р. сохранился, кромѣ уже разсмотрѣнныхъ русско-кашубскихъ формъ, въ болгарскихъ *ево*, *ово* и членѣ ср. р. *во*, сербскихъ *ево*, *аво*, *ово*, русскихъ *эво*, *эвона*, *эвонъ*, *эвотъ*, наконецъ, въ польскомъ *owo*. Форму *ovo* можно объяснять, конечно, и какъ именит.-винит. п. ср. р. отъ извѣстнаго мѣстоим. **окъ**.

Наконецъ, именительный пад. ед. муж. р. представленъ 1. болгарскимъ членомъ *въ*, какъ извѣстно, употребляющимся преимущественно въ македонскихъ говорахъ; 2. въ старославянскомъ **противъ** (resp. **противж**). Въ чешскомъ языкѣ этому предлогу соотвѣтствуетъ кромѣ пр. *protiv* также *protivo* и даже *proti*.[3]) Наконецъ, въ 3. въ извѣстныхъ общечешскихъ нарѣчіяхъ *takoliv*,

---

[1]) Bartoš, тамъ же, стр. 8.

[2]) Miklosich, Vrgl. Gr. IV., S. 80

[3]) Остгофъ сопоставляетъ это слово съ санскр. *práti* (Morph. Unters., IV., 246.)

nikoliv, словацкомъ *zakyv* »inzwischen« [1]) и чехоморавскомъ, [2]) серболужицкомъ [3]) и польскомъ [4]) нарѣчіи *hev, hew, haw.*

Мы видѣли выше, что мѣстоименія въ славянскихъ языкахъ живутъ обыкновенно попарно: въ твердомъ и мягкомъ видѣ. Но ихъ мягкое склоненіе нерѣдко бываетъ только дальнѣйшимъ образованіемъ исконнаго склоненія по темѣ на *i*. Ср. сє при сь, и ѵє при ѵь. Не будетъ слишкомъ смѣлымъ предположить, что такое же мѣстоименіе **vis* существовало нѣкогда и въ праславянскомъ языкѣ.

Но какъ только мы это сдѣлаемъ, намъ тотчасъ станетъ ясной этимологія загадочнаго мѣстоименія вьсь. Закрытый корень послѣдняго ставитъ его между другими его товарищами въ совершенно-исключительное положеніе; но этотъ аномальный характеръ его образованія станетъ мнимымъ, какъ только мы допустимъ столь обыкновенное въ славянскихъ языкахъ срощеніе двухъ самостоятельныхъ мѣстоименныхъ корней: упомянутаго мѣстоименія вь (ср. литовск. *wis* »всегда« и образованныя отъ него *wìsas, wìskas, wìslab* и т. д.[5]) и мѣстоименія **sъ* (= санскр. *sas,* греч. *ὁς* и пр.). Такъ какъ первое мѣстоименіе имѣло для всѣхъ трехъ родовъ одну и ту же форму, то оно должно было сохранить ее и въ косвенныхъ падежахъ. Подобно тому какъ мѣстоименіе ѵьсо (гдѣ с = к') образовало въ праславянскомъ языкѣ *правильные* подежи ѵьсого, ѵьсомоу и т. д., такъ мѣстоименіе *vъsъ* (гдѣ *s* = индоевроп. *s*) получило формы **vъsogo*, **vъsomu* и т. д. Находясь между гласными, *s* перешло въ *ch*, и такимъ образомъ послѣднія формы стало звучать **vъchogo*, **vъchomu* и т. д. Подъ вліяніемъ предыдущаго ъ *ch* затѣмъ перешло въ *s* въ восточнославянскихъ и южнославянскихъ языкахъ и въ *š* въ западнославянскихъ.[6])

---

[1]) Pastrnek, Beiträge zur Lautlehre der slovakischen Sprache, Wien 1888, S. 63.

[2]) Bartoš, I., 171.

[3]) Мука, тамъ же, S. 469.

[4]) Słownik gwar polskich.

[5]) Kurschat, Grammatik, S. 258—259.

[6]) Подробнѣе объ этомъ процессѣ см. у Р. О. Брандта »Нѣсколько мелочей« (юбилейный сборникъ В. О. Миллера« 1900 стр. 305—310 и у Лоренца K. Z. XXXVII., 265.

Если эта этимологія мѣстоименія вьсь справедлива, то въ послѣднемъ мы имѣли бы самое яркое доказательство существованія въ праславянскомъ языкѣ общеиндоевропейскаго мѣстоименія **sos*. Быть можетъ, то же мѣстоименіе скрывается и во второй части нарѣчія бъхъ *ὅλως*, omnino (Lex. Mikl.), въ превосх. степ. бъхъмъ (тамъ же), въ творит. пад. бъхъмь. Что касается первой части этого нарѣчія, то она представляетъ вѣроятно то самое отглагольное прилагательное *bhuos (отъ быти), которое сохранилось также въ суффиксѣ именъ, какъ хвалъ-ва, зъло-ва и союзѣ во.[1]) По пропорціи ѵь-со : **vь-so* = ѵе-со : **ve-so*, мы могли бы ожидать въ какомъ нибудь изъ славянскихъ языковъ рядомъ съ формой вьсе и **veso*. Такой формы, однако, не сохранилось. Но что и мѣстоименіе **vь* послѣдовало примѣру ѵь, образовавъ по аналогіи темъ на *jo* форму *ve*, это лучше всего доказываетъ слово великъ. Обыкновенно его считаютъ прилагательнымъ, но какъ видно изъ слѣдующихъ сопоставленій нашего слова съ его товарищами ѥликъ, коликъ, толикъ, безъ всякаго логическаго права:

Какъ эти послѣднія мѣстоименія представляютъ срощеніе именит-винит. п. ср. р. и мѣст. аффикса ликъ, такъ и мѣстоименіе великъ возникло изъ именит. п. ед. ве + ликъ.

Какъ отъ **kolьmь*, **tolьmь* были образованы въ праславянскую эпоху творит. п. ед. кольми, тольми, такъ отъ *°velьmь* мы имѣемъ старосл. вельми, чешск. *velmi*.

Какъ отъ **kolьmъ*, **tolьmъ* въ ту же эпоху возникли формы творит. п. *кольмь, °тольмь, такъ отъ **velьmъ* мы имѣемъ въ сербскомъ языкѣ форму *vëoma*.

Какъ при коликъ, толикъ употребляются въ славянскихъ языкахъ формы коль, толь, такъ и рядомъ съ великъ употреблялось нѣкогда въ славянскихъ языкахъ вель: ср. старосл. вельможа.

Какъ при ѥликъ мы имѣемъ въ старославянскомъ языкѣ ѥле, такъ при великъ въ томъ же языкѣ извѣстно и вле.

Какъ при толикъ, коликъ и пр. мы имѣемъ въ русс. *только*,

---

[1]) Объ этомъ суффиксѣ мы говоримъ подробнѣе въ другомъ мѣстѣ. Изъ другихъ этимологій мѣст. вьсь укажемъ только на этимологію Остгофа, сближавшаго наше слово съ санскр. *vischu* »одинаковый съ обѣихъ сторонъ« (Morph. Un. IV., S. 168 и сопоставленіе Мелье съ санскр. *visu-na* (Mém., XI.. 14—15.) О популярномъ объясненіи изъ санскр. *viç-vas* см. у Лоренца въ цит. ст.

сколько, въ польск. *tylko*, *kilko*, въ чешск. (моравск.) *kelko*, *telko*, такъ въ западнославянскихъ языкахъ мы имѣемъ *velký*, *wielki*[1].

Наконецъ, какъ въ чехоморавскихъ[2]) и малопольскихъ[3]) говорахъ встрѣчаются формы *kela*, *tela*, *kila*, *tyla*, такъ въ тѣхъ же говорахъ извѣстны и *vela*, *wela*.

Этотъ полный параллелизмъ образованій **великъ** и мѣст. **толикъ**, **коликъ** и т. п. ставитъ выше всякаго сомнѣнія мѣстоименное происхожденіе и нашего мнимаго прилагательнаго.

Въ родствѣ съ мѣстоименіемъ *°vъ* вѣроятно находится и извѣстное старосл. нарѣчіе **вънъ**. Въ недавнее время скандинавскій ученый Persson (I. F. II., S. 207.), указалъ ему параллели въ санскр. *vinā* »безъ«, прусск. *winna* »вонъ«, *iswinadu* »извнѣ« и слав. **вьнѣ**. Само собой разумѣется, что такая гипотеза возможна лишь въ томъ случаѣ, если справедливо мнѣніе Ягича о происхожденіи **вънъ** изъ *°**вьнъ**. Ср. родъ мѣст. **къ** скрывается въ зап. чешск. *von* при *ven* Dušek, II., 31.) Въ всякомъ случаѣ, гипотеза Persson'а вѣроятнѣе этимологіи Бругманна, сближающаго наше нарѣчіе съ греч. *ἄνευ*.

Передъ нами еще одно мѣстоименіе *°nъ*, сохранившее свои надежныя формы сравнительно съ предыдущими въ замѣчательной чистотѣ и полнотѣ.

Дательный пад. ед. ч. скрывается вѣроятно въ сербскомъ (герцеговинскомъ) восклицаніи *ну̀*, *ну̀дѐ*, *ну̀дѐр*: *ну јадан човјече*, *ну*; *ну ходи!* (Караджичъ), далѣе въ словенскомъ *nù*, *nùda*, *nudar*, *nuj*, которыя обозначаютъ не только понужденіе, но и одобреніе и утвержденіе (Плетершникъ); то же значеніе имѣетъ иногда и русское *ну*, *нуже*, напротивъ чешское *nu*, *anu*, *nuž*, *anuž*, польское *anu*, *anuže* употребляются преимущественно для обозначенія понужденія. Въ этомъ понужденіи обыкновенно обозначается всегда и извѣстное направленіе, а это обстоятельство и указываетъ, что въ формѣ *ну* мы имѣемъ дѣло съ извѣстнымъ уже намъ въ другихъ формахъ *дательнымъ направленія*.

---

[1]) Отсюда слѣдуетъ, что послѣднія формы произошли не путемъ сокращенія формъ *veliký* (какъ это принимаетъ даже проф. Брюкнеръ), но представляютъ такія же исконныя образованія, какъ **коль**, **толь**.

[2]) Bartoš, I., 121.

[3]) Matusiak, Gwara Lasowska w okolicy Tarnobrzega, стр. 57.

Творительный пад. ед. ч. представленъ очевидно болгарскими *азкана, тина, кана* (ср. *така, онава*), а также нарѣчіемъ *на*, обозначающимъ »вотъ«: »*на, ште загинутъ за нищто*«. Въ соединеніи съ j-мъ оно получаетъ противительное значеніе: *Стоянъ алтжни не гледа, най Стоянъ гледа да земи хубава Ганка Бѣлянка* (Дюверниуа); тотъ же союзъ въ словенскомъ получилъ функцію *da*, выражая желаніе, требованіе: »*naj vidim! naj gre! naj bo v imenu božiem*! Русскій языкъ также употребляетъ тотъ же падежъ въ выраженіи *эвона, эна*! Ср. греч. *ἄνω*, лит. *nû*.[1])

Такъ какъ творительный падежъ въ индоевропейскихъ языкахъ нерѣдко обозначаетъ »степень« чего-нибудь или »мѣру«, то весьма возможно, что этотъ падежъ скрывается также въ общеславянскомъ префиксѣ превосх. степ. *naj*.

Отложительный падежъ того же мѣстоименія мы имѣемъ въ извѣстной русской частицѣ *на*! *нате*! употребляющейся обыкновенно въ значеніи »бери«, »берите«. А такъ какъ *взять что-нибудь* значитъ *отнять отъ чего-ниб.*, то отложительное значеніе нашей формы вытекаетъ само собою. О глубокой древности говоритъ употребленіе частицы въ языкахъ болгарскомъ: *на ти, майка вода лекоита! На ти и двѣ шикерчета*! (Дюверниуа); въ сербскомъ *nâ* en tibi, *nate* en vobis, *nâj* en tibi, (Караджиѣ) и словинскомъ: *nâ palico*! *nate ga*! *naj se groziti*! *najte da izvemo*! *najte se učimo* и т. д. (Словарь Плетершника).

Переходя къ формамъ *мѣстнаго* падежа, мы можемъ указать на старославянское **нєбо, нєбонъ**, первую часть которыхъ считаемъ вмѣстѣ съ Персономъ[2]) не отрицаніемъ (мнѣніе Миклошича[3]), а утвердительной частицей (ср. греч. *δνε*, лат. *ne, ne-tpe*, super. *ne, done, donec*, готск. *ni*, лит. *nė*).

Другой варіантъ флексіи мѣстнаго падежа представленъ извѣстнымъ общеславянскимъ отрицаніемъ **нѣ** (resp. *ναι*, лат. *nae*). Въ постпозитивномъ положеніи находимъ этотъ падежъ въ старославянскомъ **къ-нѣ, ны-нѣ, сѣ-нѣ**[4]), (болг. *нинъ*, русс. *нынѣ* и пр.).

---

[1]) Hirt, Der Indogermanische Ablaut. Strassb. 1900. S. 92.

[2]) Persson, тамъ же, S. 206.

[3]) Vrgl. Gr. IV. 183.

[4]) Persson, тамъ же, стр. 223, сближаетъ первую часть слова съ лат. *sē* (*sēd*), *si-ne*.

Въ первомъ слогѣ нарѣчія *ныг-нѣ* можно было бы усмотрѣть форму творительнаго п. мн, ч., если бы можно было доказать, что флексія этого падежа восходитъ къ *ū*, которое было извѣстно и индоевропейскимъ языкамъ: ср. санскр. *nū*, зендск. *nū*, греч. *νῦ-ν*, лат. *nū-per*, готск. *nu*, литовск. *nū*. А такъ какъ при теперешнемъ положеніи вопроса о происхожденіи ок. творительнаго п. доказать этого нельзя, то и приходится ограничиться и на тотъ разъ одной голой догадкой.

Полонъ жизни въ славянскихъ языкахъ именительный п. ед. ч. ср. р. *по*. Если даже оставить въ сторонѣ въ виду спорности происхожденія, противительный союзъ *но*, то все-таки можно указать множество примѣровъ употребленія этой формы: старослав. **нно**, **нбоно**, болг. *дено, кдано, дано,* сербохорв. *кадно, ино, kino*, *ano*, *eno*, *kojano*, *kakono* и т. д., русс. *эвоно*, *ано, ажно, ижно*, *ино, ально,* чешск. *onenno*, *onano*, *ano*, польск. *ano*, *ažno*, нижнел. *ano*, *nodano*, *vodano*, *hodano*.

Наконецъ, именительный п. ед. ч. м. р., скрывается въ старослав. нарѣчіяхъ: **аште линъ**, **нѣбонъ**, **обаѵенъ**, **аштенъ**, **тоѵинъ**, **ненъ**, сербск. *овдолен*, *доклен*, русс. *инъ, энтотъ,* въ болгарскомъ членѣ *-нъ*, въ западнославянскихъ (и словенскомъ) *ten, ton, jenž*, каш. *nen* и т. д.

Мягкій антиподъ мѣстоименія **nъ* представленъ, какъ и слѣдовало ожидать, только двумя формами: именительнымъ пад. ср. р. ед. *ne* и именительнымъ падежемъ м. р. того же числа. Первая форма сохранилась въ **тоѵнѥ**, **оѵ-нѥ**, **свѣнѥ**, которыя въ большинствѣ старославянскихъ памятниковъ пишутся всегда съ *j*, а это обстоятельство указываетъ, что **-нѥ** этихъ словъ не имѣетъ ничего общаго съ латинскимъ *ne*, греч. *νε* и пр. Именительный пад. муж. р. представляютъ собой суффиксы именительнаго пад. тѣхъ же прилагательныхъ **оѵ-нь**, **тоѵ-нь**, **свѣ-нь**; благодаря окаменѣвшей частицѣ **си** и **зи**, онъ же сохранился въ словѣ **оньси**, **оньзи**, происхожденіе которыхъ до сихъ поръ было большой загадкой: гипотеза г. Ляпунова, видѣвшаго перегласовку ъ въ ь передъ слѣдующей узкой гласной, не выдерживаетъ критики уже потому, что форма **оньсиа** почти исключительно употребляется и въ русскомъ языкѣ, гдѣ существованіе закона Ягича еще не доказано.

Фактъ, почему мягкое склоненіе мѣстоименіе **нь** сохранилось только въ двухъ упомянутыхъ формахъ объясняется, можетъ

быть, тѣмъ, что въ основѣ этого склоненія лежитъ образованіе *-i*, преобразованное впослѣдствіи по темѣ на *-jo*. Единственнымъ косвеннымъ падежемъ такого склоненія мѣстоименія *°nь* (= *nis*) было бы общеславянское отрицаніе **ни** (ср. литовск. *neĩ*, лат. *nei*, *nī*). Въ такомъ случаѣ послѣднее можно было бы поставить на одну доску съ изслѣдованными уже нарѣчіями **ни, си, ли, ти жи, ди.**

Мы разсмотрѣли довольно длинный рядъ мѣстоименій, и убѣдились, что въ праславянскомъ (resp. общеиндоевропейскомъ) языкѣ мѣстоименія кромѣ своего собственнаго, только имъ однимъ свойственнаго склоненія, имѣли (по крайней мѣрѣ, въ единственномъ числѣ) и такое, которое своими окончаніями *ничьмъ* не отличалось отъ склоненія именъ существительнымъ и неопредѣленныхъ прилагательныхъ. Такъ какъ трудно допустить, что бы праславянскій (resp. общеиндоевропейскій) языкъ *искони* имѣлъ для выраженія однѣхъ и тѣхъ же функцій двѣ принципіально различныя системы склоненія, то остается предположить, что одна изъ нихъ представляетъ общеславянское или даже общеиндоевропейское новообразованіе сравнительно съ другой. Принимая далѣе во вниманіе, что »именныя« формы мѣстоименій уже въ общеиндоевропейскую эпоху превратились большею частью въ нарѣчія, само собой напрашивается мысль, что т. н. »мѣстоименное« склоненіе возникло какъ замѣна распадшагося и разложившагося склоненія именного. И какъ все въ языкѣ оно не выросло изъ какихъ-нибудь »новыхъ« элементовъ или »новыхъ« началъ, но было создано вѣроятно своеобразной комбинаціей стараго матеріяла — остатковъ омертвѣлыхъ или полумертвыхъ формъ склоненія »именного«. Какимъ именно способомъ, въ настоящее время мы показать не можемъ: здѣсь кончается область славянскаго языкознанія и начинается область сравнительнаго языковѣдѣнія . . .

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Въ восьми этюдахъ мы разсмотрѣли нѣкоторое число праславянскихъ морфологическихъ образованій. Какъ ни разнообразны они были по своему происхожденію, ни одно изъ нихъ не выходить изъ круга двухъ философско-лингвистическихъ понятій: *архаизма* и *новообразованія*.

Такъ, въ I. этюдѣ мы видѣли, что въ праславянскомъ языкѣ существовало имя **любъ**, котораго винительный падежъ мн. ч. скрывается въ извѣстномъ старославянскомъ выраженіи: **любы дѣти**. Такъ какъ другіе индоевропейскіе языки не знаютъ подобнаго существительнаго на *-o*, то остается предположить, что *ljubъ* представляло только субстантивированное прилагательное, слѣдовательно было *новообразованіемъ* праславянскаго языка.

Напротивъ, точное флексивное соотвѣтствіе греч. *γέννα*, лат. *genua* и т. п. съ слав. **дрѫва** (этюдъ II.) ясно указываетъ на то, что послѣднее есть праславянскій переводъ общеиндоевропейскаго *drū-a* (ср. греч, *δρύα*) т. е. — *архаизмъ*.

Болѣе сложныя образованія мы изучили въ III. этюдѣ, посвященномъ анализу именъ на *-t*. Обыкновенно послѣднія считаются продуктомъ самостоятельной жизни славянскихъ языковъ, но, какъ мы видѣли, ошибочно, такъ какъ ихъ склоненіе было вполнѣ тождественно съ склоненіемъ причастій глаголовъ на *iti*. Слѣдовательно, съ морфологической точки зрѣнія они были *архаизмами* уже въ эпоху праславянскаго языка. *Новообразованіями* ихъ можно назвать только въ семасіологическомъ отношеніи, поскольку соотвѣтствующія имъ индоевропейскія формы вѣрны своему причастному *значенію* и *функціямъ*. Какъ бы то ни было имена на *-t* представляютъ *фактическіе* архаизмы. Напротивъ, только *гипотетическій* характеръ имѣютъ причастія-имена **otročit*, **dětit*, **mladit*, существованіе которыхъ выводится съ *логи-*

ческой неизбѣжностью изъ пропорціи **телашть**: telęnt (**тела**) = **отроучишть**: *otročit. Если переходъ славянскихъ причастій въ систему склоненія на *-jo* связанъ съ образованіемъ притяжательныхъ прилагательныхъ **телашть** и **отроучишть**, то первыя въ своихъ окончаніяхъ слѣдуетъ считать праславянскими *новообразованіями*.

Напротивъ, всецѣло (т. е. въ основѣ и флексіяхъ) *новообразованіями* являются названія сословій и народовъ на **-ѧнє** и **ѣнє**. Въ IV этюдѣ мы видѣли, что они не имѣютъ ничего общаго съ именами общеиндоевроп. суффикса *iōn*, но представляютъ причастія прош. вр. страд. зал. отъ глаголовъ на **-ѣти**, образованныхъ отъ притяжательныхъ прилаг. **граждь** »принадлежащій городу«, **дворь** »принадлежащій двору« и т. д. Если во множ. ч. они склоняются по согл. склоненію, то они обязаны этимъ аналогіи вышеупомянутыхъ гипотетическихъ прич. **otročit*, **mladit*, которыя, въ силу своего притяжательнаго значенія (ср. соотв. литовск. образованія) вообще и коллективнаго въ множ. ч. въ особенности (ср. мѣстныя названія на *-itji*), могли легко передать свои окончанія нашимъ причастіямъ. Подобныя же праславянскія *новообразованія* представляютъ и формы типа *Деревлямъ*, которыя суть не что иное, какъ adjektiva possessiva, употребленныя въ абсолютной формѣ.

И пятый этюдъ имѣетъ предметомъ праславянскія *новообразованія*. Въ немъ мы пытались доказать, что прасл. *čьso* не имѣетъ ничего общаго съ санскр. *tasja* или греч. *τέο*, но представляетъ позднѣйшее соединеніе мѣстоим. *čь* съ мѣстоим. *sъ* (= **къ**), возникшимъ на славянской почвѣ. Соотвѣтственно съ этимъ и старосл. **чьсого** и нижнел. *cogo* суть вполнѣ нормальныя родит. падежи этого мѣстоименія.

Напротивъ, къ очень древнимъ *архаизмамъ* приводитъ насъ этюдъ VI. Тамъ мы видѣли, что праслав. нарѣчіе **vьsьma*, *tъkъma*, также **velьmi*, **tolьmi* и наконецъ **toli*, *koli* суть не что иное какъ твор. падежи или на *o-* отъ количественныхъ прилаг. **vьsьmъ* (ср. **седмъ**, **всьмьство**), **tъkъmъ* (ср. старосл. **тъкъмъ**), или на *-ī* отъ подобныхъ же именъ **velьmь*, **tolьmь* (ср. **седмь**) и *tolь*, *kolь*.

Подобныя же архаическія именныя формы разныхъ славянскихъ мѣстоименій мы нашли и въ двухъ послѣднихъ этюдахъ. Именно, въ VII этюдѣ мы пытались доказать, что архаическій твор. п. на *ō* скрывается въ старослав. **такъ**, **какъ**, **ѩкъ**, **сѩкъ**,

отложит. на *ōd* въ **тамъ, камъ, имъ, самъ**, дат. на *-u* въ нар. **тоу** и т. д. Подвести подъ тѣ же древнія морфологическія категоріи хаотически разсѣянныя по всѣмъ славянскимъ языкамъ частички, союзы, и нарѣчія имѣетъ задачей VIII. этюдъ Реабилитируя этихъ морфологическихъ плебеевъ, онъ пытается, между прочимъ, доказать сравнительно позднее происхожденіе всеслав. родит. п. *togo*, *tego* и русс.-кашубск. *тово, tevo,* представляющія повидимому *синтаксическое новообразованіе* прасл. языка, спеціализовавшаго формы винит. п. ср. въ формы пад. родит. въ отрицательныхъ предложеніяхъ.

Таковы главные результаты нашихъ разысканій. Какъ видитъ читатель, цѣль ихъ не идетъ дальше того, чтобы дать отвѣтъ на вопросъ: представляетъ-ли извѣстная форма праславянскаго языка архаизмъ или новообразованіе? Но рѣшить такой вопросъ значитъ иногда опредѣлить и относительную древность данной формы праславянскаго языка. Отсюда слѣдуетъ, что сравнительно-историческій анализъ отдѣльныхъ и единичныхъ формъ вымершихъ и живыхъ славянскихъ языковъ между прочимъ, расчищаетъ почву для возстановленія *исторической грамматики праславянскаго языка.*

Добавленія и поправки.

Стр. 16. (14. стр. снизу): прусс. *smūnents*, которое E. Berneker (Preussische Sprache Strassb. 1896 S. 322 и I. F. IX., 361) сопоставляетъ съ нашими именами, можетъ представлять причастіе гл. *smunint*. Этимъ указаніемъ мы обязаны проф. Зубатому, за что и приносимъ ему нашу глубокую благодарность.

Стр. 17. (10. стр. сверху): это возраженіе слѣдуетъ зачеркнуть.

Стр. 20. (4. стр. сверху): само собой разумѣется, что такое значеніе причастій могло явиться только *общимъ условіемъ* превращенія ихъ въ имена. *Причиной* же этого превращенія могла служить аналогія *типичныхъ* образованій вродѣ **дѣтѧ**, **отроѵѧ**, **млада**.

Стр. 21. (14. стр. снизу): такое значеніе имени *děvъčę*, конечно, можетъ быть, только вторичнымъ, какъ секундарна и сама форма этого существительнаго.

Стр. 22. (4. стр. снизу): высказанное здѣсь предположеніе о понятіи »жарить« какъ исконномъ значеніи глагола **коуритн** невѣрно. Это обстоятельство, однако, нисколько не подрываетъ въ принципѣ нашу этимологію **коуръ**, **коуръ**, какъ птицы »домашней«, »съѣдобной«. Обычнымъ объясненіемъ этого слова изъ иранск. *χurôs* не удовлетворяется и Шрадеръ въ своемъ Reallexicon'ѣ.

Стр. 23. (9. стр. сверху): относительно этого слова ср. прим. къ стр. 21. (стр. 15 сверху): первоначально желательное значеніе глаголовъ типа **телити**, **агнити** и. т. п., показано Зубатымъ въ ст. Zu den altindischen männlichen -*i*- Stämmen (Prag, 1897, S. 8).

Стр. 32. (2 снизу): цит. по А. И. Соболевскому.

Стр. 45. (9 стр. снизу): впрочемъ, форма им. п. мн. **си** можетъ представлять ч именит. мн. *мягкаго* склоненія, такъ что она не можетъ служить доказательствомъ существованія мѣст. °**съ**.

Стр. 46. (5 стр. снизу): винит. п. ж. р. отъ мѣст. **sъ* скрывается вѣроятно и въ словенскомъ *посúј* изъ *poč sô* (Štrekelj, Morphologie der Görzer Mittelkarstdialektes, Wien 1887, S. 91.).

Стр. 48. (12 стр. сверху). Если приведенные примѣры мѣст. **sъ* неубѣдительны, то всякую тѣнь сомнѣнія въ его существованіи должна оставить статья Верхратскаго »Про говоръ долівский« (Записки товариства им. Шевченка, XXXV.—VI.) Здѣсь приведены такія формы, какъ *сой*, *соса*, *сосó* »этотъ«, »эта«, »это«, *сóго*, »этого«, *сóмоу* (стр. 73). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это то же самое мѣстоименіе, которое скрывается во второй части стар. **ѵьсого**, **ѵьсомоу** и нижнел. *cogo*, *comu* и пр. Ср. съ этой формой также словенскія jsô »это«, *jsóde*, jisȁ (resp. *jitȁ*), *jisȍ* »эту« И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ, Опытъ фонетики резьянскихъ говоровъ Спб. 1875, стр. 17, 55, 75 и др.

Стр. 49. (15. стр. снизу). Четвертымъ, также очень важнымъ доказательствомъ справедливости нашей гипотезы служить употребленіе указательнаго мѣстоименія **сь** послѣ *вопросительныхъ* мѣст. вообще, ср. напр. чешск. *kdos'*, *kdys'*, *kdes'*. И мѣстоименіе **ѵь** вопросительно по своему значенію.

Стр. 56. (20. стр. снизу): въ недавнее время проф. А. Людвигъ пытался отожествить суфф. *-ma* въ слав. **кесьмь** съ *ba* въ готскомъ *harduba* (Das Verhältniss des m-Formen der germanischen Declination zu denen des Lettischen und Slavischen Prag 1899, S. 5.), но такое объясненіе основано на petitio principii — допущеніи возможности фонетическаго перехода *b* въ *m*.

Стр. 70. (20. стр. сверху): Маловъ объясняетъ наши формы какъ аблативъ. Но съ такой гипотезой не согласуется модальное значеніе нашихъ нарѣчій. (Die langen Vocale AEO in der europäischen Sprachen, Berl. 1879, S. 131, 133.)

Стр. 76. (7. стр. сверху): кромѣ сербскаго языка *pram* извѣстно и въ словацкихъ говорахъ въ значеніи „bez toho". Ср. A. Šebestova, Lidské dokumenty a jiné národopisné poznámky. V Olomouci 1900, стр. 288. — О *pra* (лит. *prō*, лат. *prōd*) какъ отложительномъ пад. см. ст. К. Бругманна въ I. F. IV., S. 81.

Стр. 77. (4. стр. сверху): то же обстоятельство (отсутствіе опредѣленной этимологіи) мѣшаетъ намъ присоединиться и къ мнѣнію А. А. Шахматова, будто бы **прамъ** возникло изъ *prăm*, гдѣ *ă* замѣнило *-ien* по аналогіи *kamo*, *tamo* и т. п. Эта послѣдняя намъ не кажется, однако, вѣроятной, въ виду отсутствія тѣсной ассоціативной связи между *kamo* и *prĕmo*. Точно также намъ представляется проще объясненіе сербск. *е* въ *прѐма* непосредственно изъ **а**, чѣмъ изъ гипотетичнаго звука *ă*. Сербское *прȁма* находится, конечно, не въ непосредственной зависимости отъ *tĭmo*, но въ совершенно равноправномъ и братскомъ отношеніи какъ отложит. падежъ (ср. лат. *prōd*) въ превосходной степ. Послѣ того какъ мы показали выше существованіе отложит. п. *sa* и *sja*, нѣтъ нужды объяснять русс. *самъ* и среднеб. и серб. *само* вліяніемъ нар. *tamo* и *kamo* (Къ исторіи звуковъ русскаго яз. И. О. Р. Я. И. А. Н. 1901, IV., стр. 286 и слл.).

Стр. 91. (9. стр. сверху): относит. *е* ср. А. Погодинъ, Нѣсколько этимологій Р. Ф. В. XXXVII., § 5.

Стр. 97. (2. стр. сверху): Моль (F. Mohl) (Le couple roman *lui*, *lei*, Prag 1899, S. 42) объясняетъ слов. *кого* изъ общеиндоевроп. **qo-ghios* (= лат. *quoius* изъ **quo hios*). Суффиксъ *ghios* параллеленъ *sio* (ср. сл. **чесо**) *bhios mio* (ср. сл. **само**). (Цит. по указателю Зубатаго въ I. F. XII., 304).

Стр. 101. (17. стр. снизу): сохраненіе первоначальной функціи западносл. *со*, можетъ быть, имѣетъ также причину въ томъ, что мѣст. *съ* въ общезападносл. было болѣе распространено, чѣмъ въ старосл. (ср. совр. чешск. *sotva*, *doposavad* и т. п.). Напротивъ, болѣе рѣдкое употребленіе этого мѣст. въ старосл. и существованіе въ послѣднемъ **чесо**, столь напоминающаго **того**, содѣйствовали превращенію нашей формы въ родит. п.

Стр. 109. (9. стр. сверху): А. Л. Погодинъ (Р. Ф. В. XXXVII. § 6.) полагаетъ, что русс. *тотъ* произошло изъ **totъ*. Но противъ такого объясненія говоритъ чешск. *ten*.

Важнѣйшія опечатки.

Стран.	строка	Напечатано	Слѣдуетъ
1	5 снизу	льубав	љубав
2	5 сверху	луби	љуби
5	12 сверху	не представляютъ	не представляютъ ли
6	8 »	относителъно	относительно
8	8 »	прѣлюбодѣй	прелюбодѣй
18	16 »	причастій	этихъ причастій
21	11 »	*паробокъ*	*parobok*
34	16 »	*a*	*'a*
40	1 »	въ вообще	вообще въ
43	17 снизу	**к²ь**	**к²ь**
43	6 »	*przeč*	*przecz*
45	5 и 8 сверху	**сь**	**сє**
46	21 снизу	важена	важна
48	16 сверху	что . . .	что X
52	1 снизу	*сьво,*	*сво*
56	12 »	сд.	ед.
59	3 »	Studium	Studien
62	19 сверху	можеть	можетъ
64	24 »	отсуствіе	отсутствіе
64	3 снизу	Боянскомъ	Боянскомъ
67	20 сверху	*tajkihlej*	*tajkihle*
70	3 »	польское	старославянское
73	26 »	происшедшихъ	происшедшимъ
74	11 снизу	нѣмъ	нѣтъ
76	1 сверху	*прамъ*	*прам*
82	12 снизу	**юдь**	**юде**
83	9 »	**тоже**	**доже**
83	10 »	дори	*доре*
87	14 сверху	пастоящее	настоящее
88	18 »	употребленнымъ	употребленномъ
88	18 »	Супральской	Супрасльской
91	2 »	*въ этомъ*	*въ томъ*
92	10 »	смнелѣ	смыслѣ

Стран.	строка		Напечатано	Слѣдуетъ
95	15	»	совершалось	совершалась
98	12	снизу	падежного	го
98	12	»	го	падежного
105	4	сверху	извѣстния	извѣстныя
105	15	снизу	*obajga*	*obojga*
109	16	сверху	они	онѣ

Недосмотръ.

На стр. 10 и 11 перепутаны ссылки: первая ссылка на 11 стр. должна представлять послѣднюю ссылку предыдущей страницы, а вторая единственную сноску 11 стр. Сноску на *a* (5 строка снизу) слѣд. зачеркнуть.

Содержаніе.

Стр.

Предисловіе . . . . . I—III

Этюдъ первый. Объ одномъ старославянскомъ оборотѣ съ точки зрѣнія современныхъ славянскихъ нарѣчій.

Загадочный характеръ оборота **любы дѣяти.** — Склонность славянскихъ языковъ къ замѣнѣ именительнаго п. винительнымъ. — Гипотезы Миклошича, Гейтлера, Ягича, Бругманна и Брандта. — Доказательства существованія въ общеславянскомъ языкѣ слова **любъ.** — Вопросъ о его первоначальномъ значеніи . . . 1—8

Этюдъ второй. Остатки склоненія именъ на *-и* средняго рода въ славянскихъ языкахъ.

Взаимоотношеніе корней **дрѣво** и **дръва.** — Гипотезы Добровскаго, Шлейхера, Миклошича, Бругманна, Флайшганса и Гебауэра. — Критика ихъ. — Что говорятъ данныя сравнительнаго языкознанія? — Невозможность полнаго совпаденія формъ именъ средняго рода на *-и* съ формами мужескаго. — Индоевропейскій прототипъ славянскаго **дръва.** — Этимологіи **одръ** и **ыдръ.** — — Изъ дальнѣйшей судьбы формы **дръва** въ славянскихъ языкахъ. — Отношеніе корня **dru* къ **deru* . . . . . 9—15

Этюдъ третій. Существительныя изъ причастій.

Имена съ суффиксомъ *-ent* какъ славянское новообразованіе. — Гипотеза Бругманна и ея несостоятельность. — Объ образованіи новыхъ категорій вообще. — Какъ склонялись первоначально причастія отъ глаголовъ на **-ити?** — Парадигмы пр. **тела.** — О возможности превращенія причастій въ имена вообще. — Значеніе именъ на **-т.** — Нѣсколько этимологій. — Вліяніе аналогіи. — Происхожденіе существительныхъ съ суффиксомъ **-ишть.** — Уменьшительный суффиксъ *-yt.* — Философско-лингвистическое значеніе явленія . . . . . 16—30

Этюдъ четвертый. Рѣдкая аналогія.

Двухосновной характеръ склоненія именъ съ суффиксомъ **ѣи-** и **ыи-.** — Гипотезы Даничича, Соболевскаго и Бругманна. — Ихъ разборъ. — Происхожденіе суффиксовъ **-ѣнъ-** и **ынъ.** — Вліяніе аналогіи на склоненіе именъ во мн. ч. — Гдѣ ее слѣдуетъ искать? — Patronymica на **-ишть** и ихъ семасіологическое сходство съ именами съ суффиксами **-ѣнъ** и **-ынъ.** — Объясненіе формъ типа **Полянъ.** — Попытка опредѣленія относительной хронологіи явленія . . . . . 31—40

Этюдъ пятый. Родительный-ли падежъ мѣстоименіе **ѵьсо?**

Взаимоотношеніе формъ **ѵьсо** и **ѵесо.** — Двѣ гипотезы. — Абсолютное употребленіе мѣст. **ѵь** въ праславянскую эпоху. — До-

Стр.

казательства существованія мѣстоименія *съ въ праславянскомъ языкѣ. — Значеніе формъ **ѵесого** для рѣшенія вопроса. — **Ѵьсо** и **ѵесо** какъ славянскія новообразованія. — Косвенныя доказательства. — Прямыя доказательства. — Условія, процессъ и причины функціональнаго перерожденія **ѵьсо** въ старославянскомъ языкѣ . . . . . 41—52

Этюдъ шестой. Къ вопросу объ образованіи мѣстоименныхъ нарѣчій.

Происхожденіе славянскихъ нарѣчій вообще. — Нарѣчія съ суффиксами **-ıа** и **-ıи** и ихъ общепринятое объясненіе. — Принципъ образованія мѣстоименныхъ нарѣчій. — Этимологія суффикса **-ıа.** — Именительный падежъ къ мѣстоименію **тъкъıа.** — Этимологія суффикса **-ıи.** — Остатки именительнаго падежа. — Нарѣчія съ суффиксомъ **ди.** — Отношеніе **ди** къ **си** и его этимологія. — Русскій суффиксъ-мя и его происхожденіе . . . . . 53—59

Этюдъ седьмой. О нѣкоторыхъ именныхъ формахъ славянскаго мѣстоименія.

Два наслоенія въ историческомъ развитіи мѣстоименія. — Нѣсколько вопросовъ. — Принципъ образованія сложныхъ мѣстоименій. — Мѣстоименія **такъ, какъ, сıакъ, акъ** и **ıакъ.** — Ихъ происхожденіе изъ творительнаго ед. — Доказательства. — Отысканіе отцовъ и братьевъ нашихъ нарѣчій. — Нарѣчія **тамъ, камъ, *амъ** и ***ıамъ** и мѣстоименіе **самъ.** — Ихъ происхожденіе изъ отложительнаго падежа. — Доказательства. — Ближайшіе родственники нашихъ формъ. — Нарѣчія **те, цѣ, се, сѣ.** — Ихъ происхожденіе изъ мѣстнаго п. — Этимологія нарѣчій **прамъ, прѣмъ** и **прамъ.** — Вопросъ объ именныхъ окончаніяхъ въ склоненіи мѣстоименій множественнаго числа . 60—77

Этюдъ восьмой. Забытыя мѣстоименія.

Морфологическое сходство »частицъ« съ именными формами мѣстоименій. — Остатки мѣстоименія ***дъ.** — Происхожденіе второй части словенскаго и чешскаго мѣст. *kdo*. — Происхожденіе болгарскихъ кога, тога и т. п. — Причины отсутствія сложныхъ образованій мѣстоименія ***дъ.** — Мѣстоименіе ***djъ.** — Мѣстоименіе ***tjъ.** — Этимологія **тоѵждь** и **штоѵждь.** — Мѣстоименіе ***ъ.** — Причины отсутствія іотаціи въ русс. этотъ. — Мѣстоименіе ***гъ.** — Происхожденіе суффикса родит. пад. **го.** Разборъ гипотезъ. — Вопросъ о происхожденіи во русс тово, ково. — Этимологія нарѣчій **къгда, тъгда.** — Мѣстоименіе **жь.** — Этимологія западносл. *žádný*. — Мѣстоименіе ***къ.** — Этимологія **келии, келикъ** и *velký*. — Этимологія **кьсь.** — Мѣстоименіе ***ıъ.** — Мѣстоименіе ***ıь.** — Заключеніе . . . . . 78—117

Послѣсловіе . . . . . 118—121

Добавленія и поправки . . . . . 121—123

Опечатки . . . . . 124—125

1885X5

BINDING SECT. SEP 30 1970

PG
46
I55

Il'inskiĭ, Grigoriĭ Andreevich
O nekotorykh arkhaizmakh
i novoobrazovaniiakh

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY